
ОГОНЁК
№ 25 ИЮНЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Я ЛЮБЛЮ МАГНИТКУ

Репортаж А. ГОСТЕВА.

Я люблю Магнитку. За что? Об этом можно долго и много рассказывать. Но для меня, фотокорреспондента, сподручнее показывать.

Город — это прежде всего люди. Потому начнем со знакомства.

Вы уже видели обложку.

В кабине планера швея Люба Бурлуцкая. Напутствует в полет студент Виктор Иванов.

Теперь о снимках, которые перед вами на этих двух страницах.

1

Мне нравится снимать в прокатных цехах: здесь вся схватка человека с металлом на виду, в открытую. Не так, как в доменном цехе, где процесс скрыт за толстой броней.

2

А это монтажники еще одной мощной домны, которая должна скоро войти в строй,— Раис Ахметшин, Анатолий Рябов, Владимир Сердюк, Михаил Землянский.

Как идут у них дела, написано, по-моему, на лицах этих людей.

3

Довольны жизнью и четыре школьницы: только что они перешли из седьмого класса в восьмой. Я остановил их на улице, сфотографировал, но не успел записать фамилий — они побежали дальше...

4

Я снял это с крыши Горнометаллургического института. Перед вами проспект Металлургов, который заканчивается площадью Орджоникидзе. Пламенный Серго Орджоникидзе любил металлургов, много сделал для Магнитки. И город помнит его.

1

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 25 (1982)

20 ИЮНЯ 1965

3

2

4

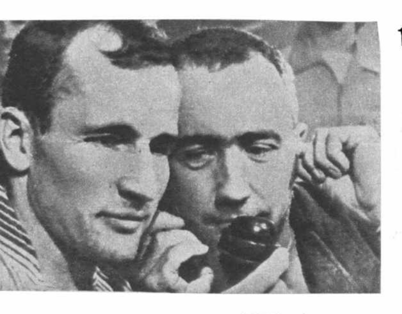
По приглашению Советского правительства нашу страну посетил Премьер-Министр Швеции Таге Эрландер. Премьер-Министр нанес в Кремле визиты Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину, Председателю Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояну, был принят Первым секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.

В Большом Кремлевском дворце правительство Советского Союза дало завтрак в честь Т. Эрландера. А. Н. Косыгин и Премьер-Министр Швеции, выступившие с речами, говорили о перспективах дальнейшего развития добрососедских отношений, которые существуют между Советским Союзом и Швецией.

Премьер-Министр Швеции Таге Эрландер посетил Мавзолей В. И. Ленина и возложил венок.

На снимке: Таге Эрландер и сопровождающие его лица у Кремлевской стены после возложения венка.

Фото Н. Ситникова (ТАСС).

1

Американские космонавты Д. Макдивитт и Э. Уайт (слева). Полет на «Джеминай-4» завершен. Позади все трудности и неожиданности нелегкого космического путешествия. После приводнения корабля в Атлантическом океане Макдивитт и Уайт были доставлены на борт авианосца «Уосп», откуда они разговаривали по телефону с президентом Джонсоном (фото 1).

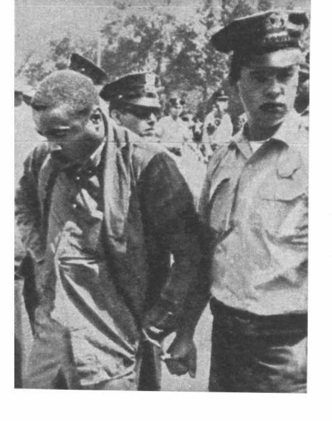
А вот и долгожданная встреча с родными (фото 2) на аэродроме города Хьюстон, штат Техас.

2

Фото ЮПИ, Телефото АДН — ТАСС, ТАСС.

ФОТО И ГЛОБУС
ОГОНЁК

Этот снимок тоже сделан в Америке. Человек с опущенной головой — известный негритянский актер-комик Дик Грегори. Запястье его левой руки обвила холодная сталь наручников. Дик Грегори арестован полицией за то, что он принимал участие в сидячей демонстрации протеста против расовой сегрегации.

В Западной Германии не прекращается движение протеста против намерения боннских властей ввести антидемократическое «чрезвычайное законодательство».

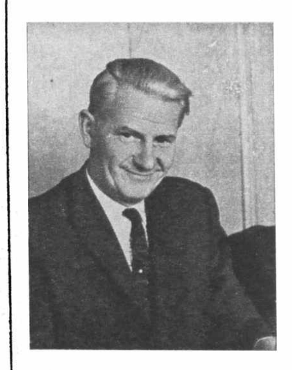
На этой фотографии — демонстрация в городе Херне (Рурская область). Надпись на транспаранте впереди колонны требует: «Политику разрядки вместо чрезвычайных законов!».

С каждым днем растет число преступлений, творимых американской военщиной на земле Вьетнама. Артиллерийские обстрелы деревень, массированные авиационные налеты на города и села, бесконечные бомбардировки целых районов страны — таков далеко не полный перечень злодеяний американских агрессоров. Среди населенных пунктов, особенно сильно пострадавших от действий карателей,— город Донг-Хой, что в 60 километрах от Сайгона. Эта женщина потеряла мужа и ребенка — оба были убиты.

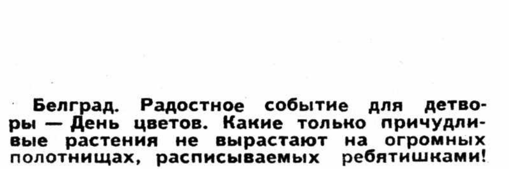
Все люди, солидарные с героической борьбой народа Вьетнама за свободу, никогда не простят американским агрессорам их преступлений.

ЖДИТЕ НОВЫХ РАССКАЗОВ

В гостях у огоньковцев побывал известный австралийский писатель и театровед Лесли Рис. Он пообещал «Огоньку» несколько своих новых рассказов для детей.

Белград. Радостное событие для детворы — День цветов. Какие только причудливые растения не вырастают на огромных полотнищах, расписываемых ребятишками!

Такие плакаты я часто видел здесь.

Юрий ЖУКОВ

Фото автора.

В город Винь приехали мы глубокой ночью: днем по дорогам провинции Нге-Ан не ездят. Американские самолеты почти постоянно находятся в воздухе, и над рисовыми полями беспрерывно гремит канонада. Зенитная артиллерия Вьетнама ведет бой с военно-воздушными силами Соединенных Штатов.

...Ночь была короткой. На заре нас уже разбудил наш спутник, вьетнамский офицер Май.

— Товарищи, много самолетов!

Из радиорепродукторов доносился вой сирены. Так начался наш первый день во фронтовом городе Вине. В своей записной книжке я читаю:

«8.20 — сильный шум летящих самолетов.

8.22 — частый огонь зениток.

8.30 — тревога повторяется.

8.40 — вступает зенитная артиллерия.

8.50 — опять волна самолетов».

И так весь день. Вероятно, те, кто посылает самолеты в небо Виня, тешат себя надеждой, что в таких условиях город никак не может ни жить, ни тем более работать. Не случайно радио Сайгона хвастливо заявило, что «от города Виня осталась одна кора — сердцевины нет».

Но эти господа должны будут разочароваться, увидев фотографии, которые сделаны именно в эти дни в городе Вине. Вот они перед вами. Город живет, люди

ГОРОД

трудятся и даже иногда умудряются отдыхать. В один из вечеров мы попали в кинотеатр. Показывали новый вьетнамский фильм «Молодой солдат». У входа в кино шла бойкая торговля зеленым чаем, орешками. В кино было людно. Перед началом фильма объявили: «В случае тревоги показ фильма будет прерван и зрителям надо спуститься в убежище». Так и получилось. Внезапно поблизости резко ударили зенитки. Люди сразу ушли в убежище, а через 20 минут, как только наступила тишина, сеанс возобновился.

...Винь — древний город. Некогда он был столицей. О том времени еще напоминают руины древней крепости. Но не древней крепостью славен Винь. Во всем Вьетнаме вспоминают о том, как 1 мая

Юные граждане города-солдата.

Завод воюет и трудится. У крупнокалиберного пулемета стоят рабочие-маслобойщики Ха Банг и Нгуэн Ван Чунг.

Уличная закусочная.

А в часы затишья город Винь выглядит так.

ВИНЬ ЖИВЕТ И БОРЕТСЯ

1930 года в этом городе началось восстание, охватившее затем весь Центральный Вьетнам. В провинции Нге-Ан были созданы первые Советы. Власть Советов тогда просуществовала недолго: колонизаторы задушили революцию. Но 15 лет спустя Вьетнам стал свободным, и с тех пор над городом Винем ни разу не спускался алый флаг с золотой звездой. В годы национально-освободительной войны (1945—1954 гг.) французские легионеры боялись проникать сюда: народно-освободительная армия прочно удерживала эти районы.

Традиции тех дней живы и сегодня, когда город Винь с 5 августа прошлого года снова живет на военном положении,— уже 10 месяцев. Когда мы приехали, то узнали, что только за один апрель в провинции Нге-Ан пережито 200 воздушных тревог.

И тем не менее заводы работают, крестьяне убирают рис, рыбаки ловят рыбу. Жизнь продолжается.

Хочется рассказать о рисоочистительном заводе. Его новые корпуса высятся посреди большого тропического сада. Рабочие вырастили здесь апельсиновую рощу, кокосовые пальмы, лимоны, магнолии. А под ними находятся... извилистые траншеи. Ведут они от цехов к укрепленным боевым позициям. Директор завода товарищ Фам Ты рассказывал нам:

— Теперь мы живем и работаем по-военному! Днем воюем, ночью очищаем рис. Рабочие, участвующие в отрядах самообороны, живут здесь же, на заводе. У нас — три команды: группа самообороны, противопожарная и санитарная. Когда американцы совершили свой первый налет 5 августа, у нас было всего три винтовки. Сейчас мы вооружены хорошо. Есть и тяжелые крупнокалиберные пулеметы. Хотя это не такое могучее оружие против самолетов, но мы помогаем зенитчикам. Американские летчики опасаются низко пикировать, когда навстречу им поднимаются потоки свинца.

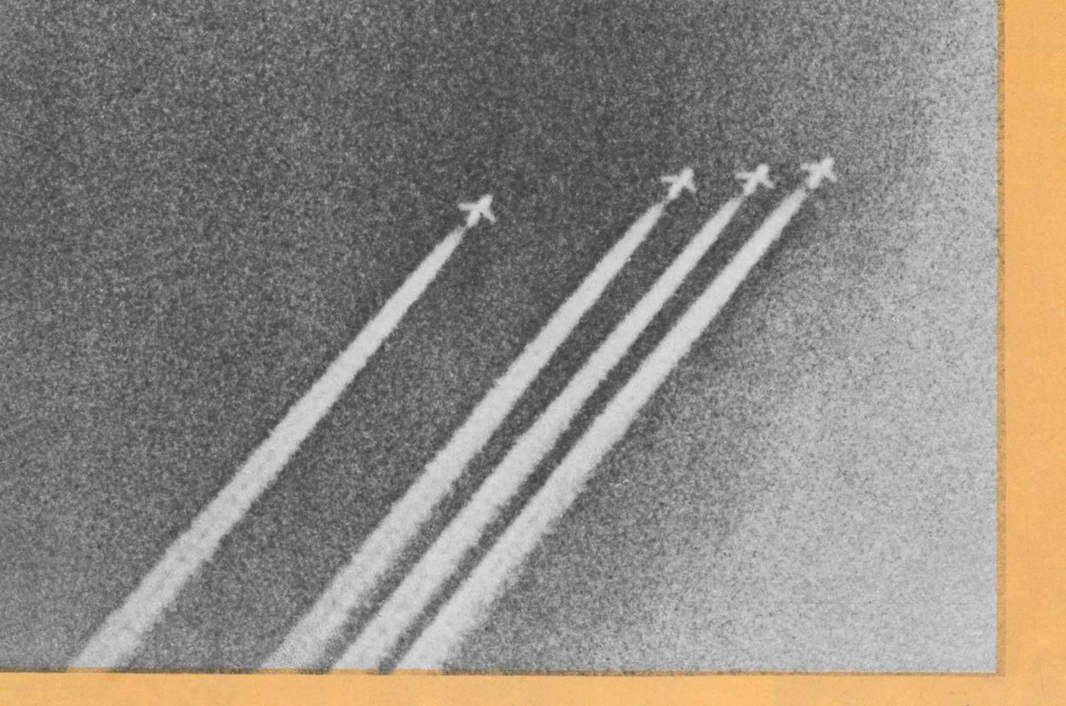
...Но вот опять звучит тревога. И мы своими глазами видим, как по ходам сообщений, прикрытым сочной ботвой гигантских тропических огурцов (чуть ли не в метр длиной каждый), рабочие в пробковых шлемах, накрытых маскировочной сеткой, спешат на свои боевые рубежи. Точно такую же картину застали мы и на другом заводе — маслобойном.

И вот что особенно хочется подчеркнуть: невзирая на частые тревоги и бомбежки, эти заводы перевыполняют план.

...Когда попадаешь на городские улицы в час затишья, то невольно кажется, что война находится где-то совсем далеко. Вижу, как вечером в магазине покупатели прицениваются к швейной машине «Тула», с интересом разглядывают чешский мотоцикл, кто-то купил транзистор. Людно и в городской библиотеке. В читальном зале студенты педагогического института готовятся к экзаменам.

Как ни трудна жизнь под бомбами, смелые люди города Виня верят в победу, сохраняют мужество.

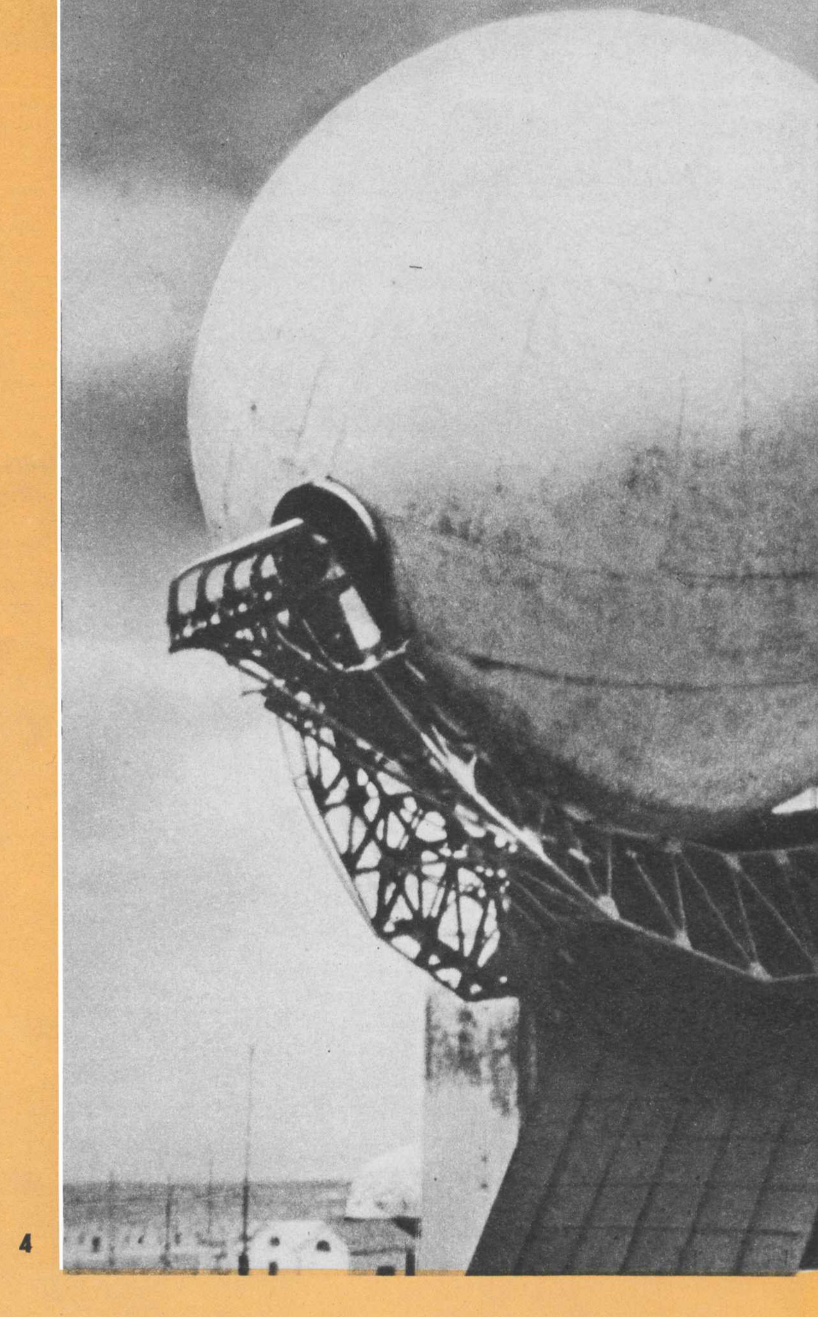
1

Советский народ широко отметил двадцатую годовщину Победы в Великой Отечественной войне. Во всенародный праздник вылился военный парад на Красной площади, закончившийся незабываемым маршем ракет. Своеобразным продолжением праздничного парада была вечерняя телевизионная передача, которая транслировалась на многие страны. В коротком кинофильме «Ракеты на страже мира» были убедительно продемонстрированы разнообразие и высокий уровень ракетного оружия Советских Вооруженных Сил, вся мощь которых поставлена на службу делу мира!

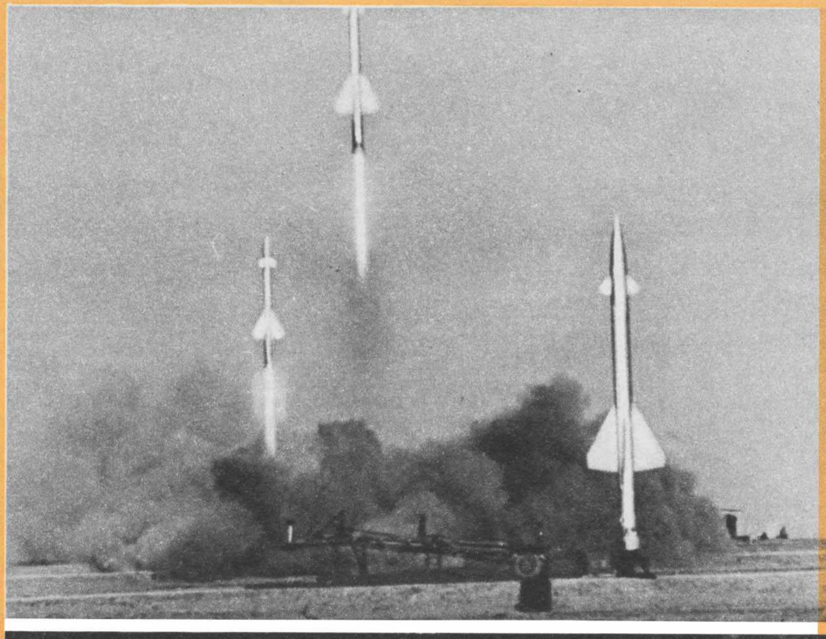
Читатели «Огонька» в своих письмах просят рассказать на страницах журнала о ракетной технике, показанной в День Победы. В пределах возможного редакция выполняет эти просьбы, помещая фоторепортаж с комментариями военных специалистов.

В ближайшее время на киноэкраны страны выйдет полнометражный документальный фильм «Двадцатилетие великого подвига». Посмотрев его, наши читатели смогут увидеть и военный парад на Красной площади 9 мая 1965 года, и кинокадры боевой работы различных классов ракет, и много других интересных и волнующих кинодокументов. Некоторые из публикуемых в репортаже фотографий отпечатаны с кинокадров этого фильма. Фотографии ядерных взрывов взяты из киноматериалов, отснятых до 1963 года.

4

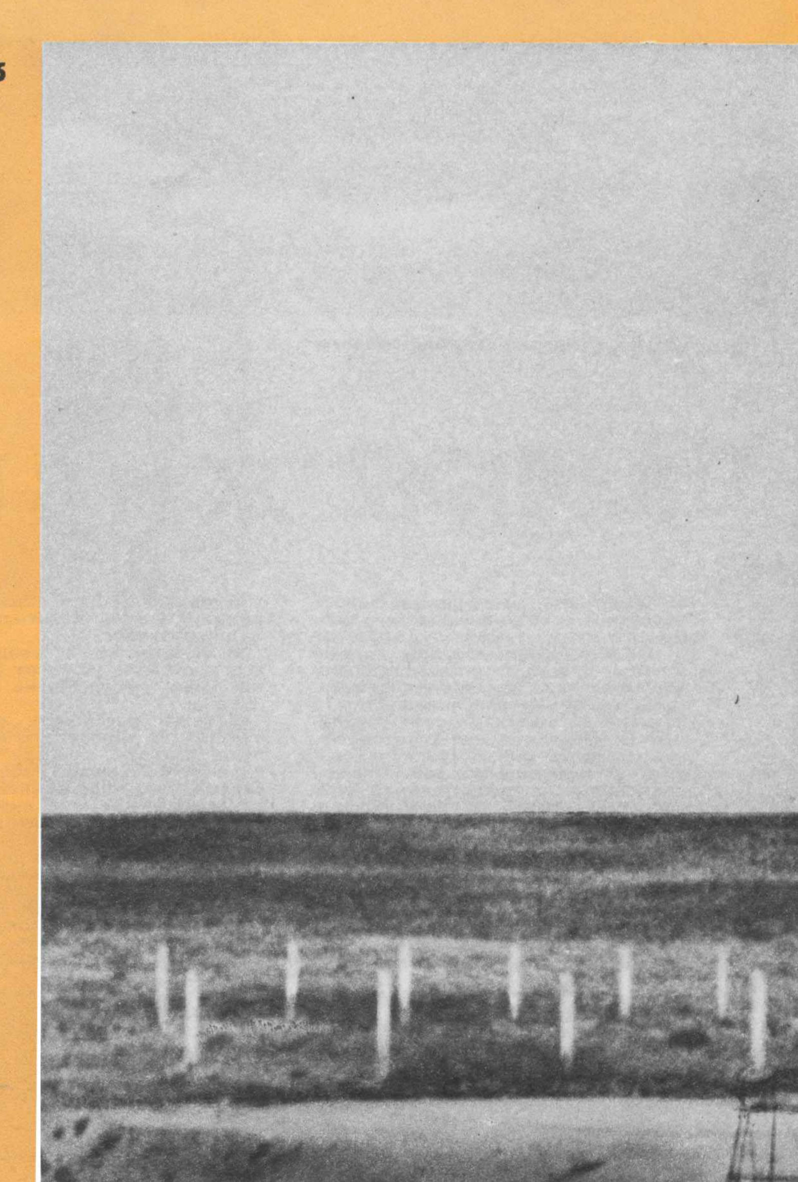
2

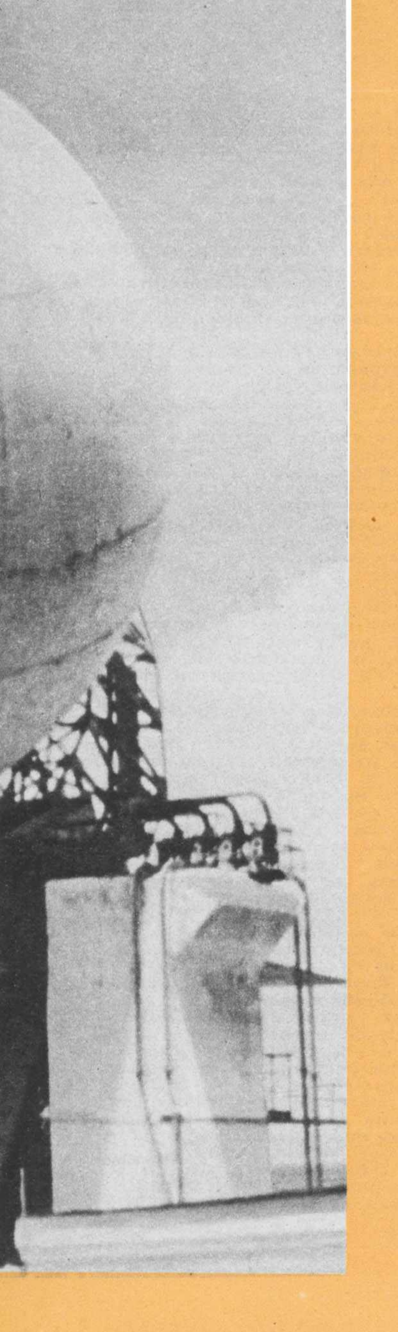

3

5

Советский народ занят мирным, созидательным трудом. СССР ни на кого не собирается нападать. Но пусть никто не пытается смешивать наше страстное желание отстоять мир на земле с пацифизмом. Мы не бряцаем оружием, но с чувством законной гордости говорим о ракетно-ядерной мощи Советских Вооруженных Сил.

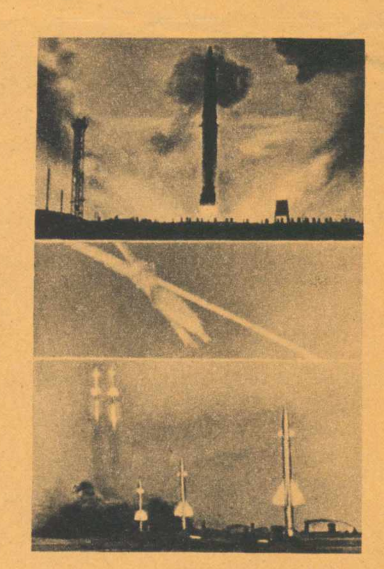
Наш народ знает, что империалисты считаются только с силой. И поэтому он делает все необходимое для оснащения своей армии и флота самым совершенным оружием, делает все возможное для того, чтобы закрепить военно-техническое превосходство социалистического лагеря над агрессивным блоком империалистических государств.

Наши ученые, инженеры, рабочие дали Вооруженным Силам ракетную и другую технику, полностью отвечающую современным требованиям. В надежных, верных и умелых руках советских воинов находится грозное ракетное оружие, предназначенное для отражения нападения агрессора, для нанесения по нему своевременного ответного ракетно-ядерного удара.

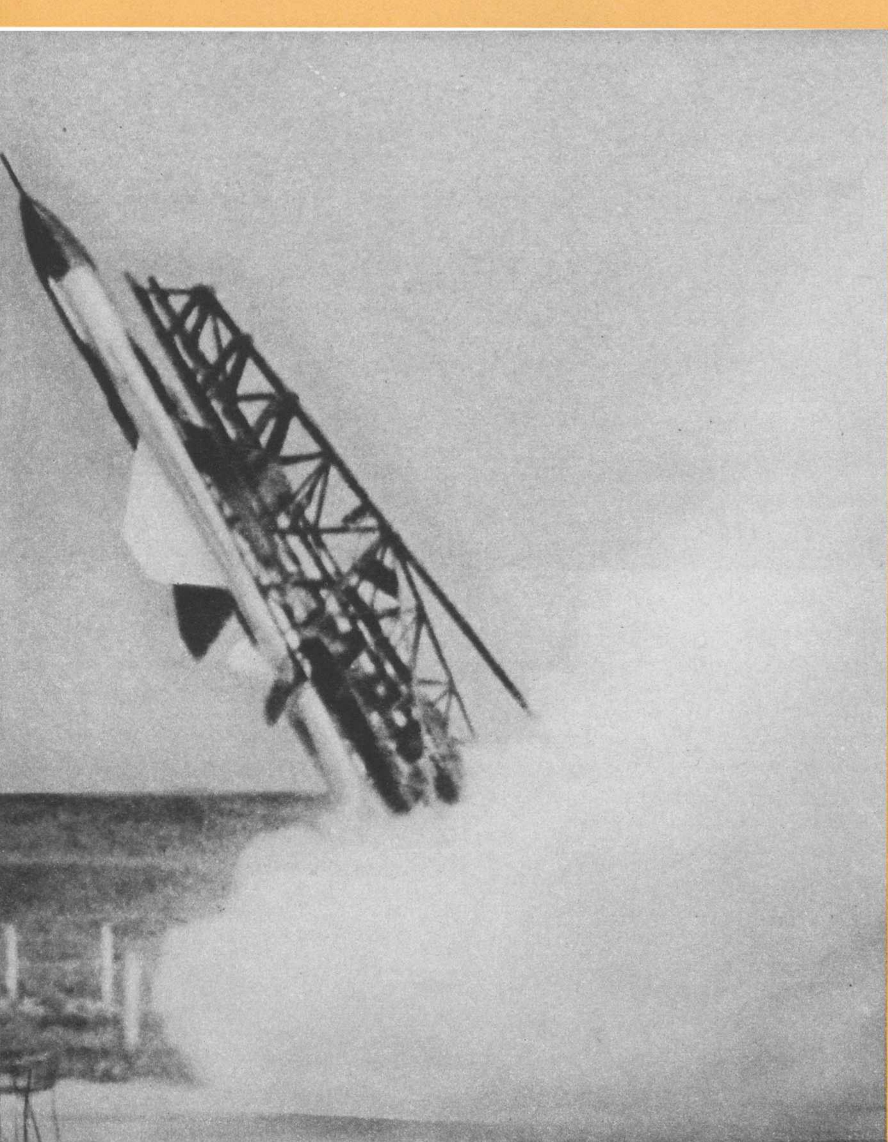
Войска противовоздушной обороны страны оснащены оружием, способным вести успешную борьбу с любыми средствами воздушно-космического нападения агрессора — с его самолетами, крылатыми и баллистическими ракетами.

Основным средством противовоздушной обороны являются зенитные ракеты, которые могут поражать одиночные и групповые воздушные цели на предельно больших и малых высотах, независимо от времени года, суток, метеоусловий и радиопомех противника. Вот группа самолетов-мишеней, управляемых по радио (фото 1). Для их одновременного уничтожения применяется групповой старт зенитных ракет (фото 2). Каждая ракета наверняка сбивает назначенный ей самолет.

Наши зенитные ракетные войска имеют на вооружении ракеты не только с обычными, но и с ядерными боеголовками. Они могут

РАКЕТЫ НА СТРАЖЕ МИРА

понадобиться для уничтожения больших групп самолетов и особо опасных средств воздушного нападения агрессора. На фото 3 показано уничтожение самолетов-мишеней ядерным взрывом.

Широкое оснащение вооруженных сил стран НАТО, и прежде всего США, баллистическими ракетами с ядерными зарядами вынудило Советский Союз принять необходимые меры для защиты жизненных центров страны от возможного ракетно-ядерного нападения. Одним из надежных средств такой защиты являются комплексы противоракетной обороны, способные поражать все типы ракет, имеющиеся у потенциального агрессора,— баллистические, межконтинентальные ракеты и ракеты подводных лодок.

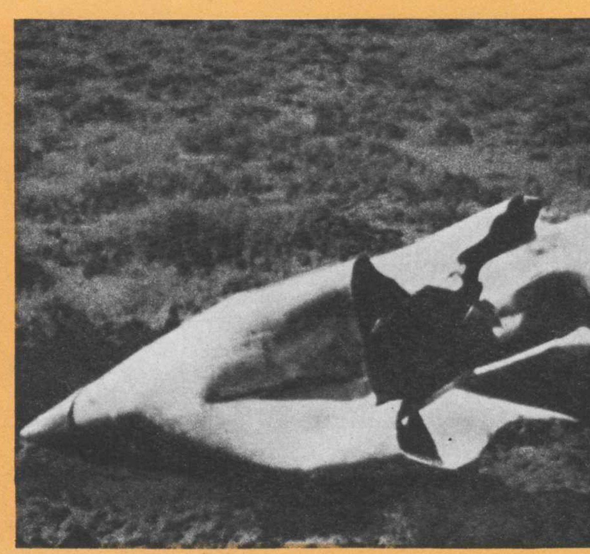
Комплексы противоракетной обороны имеют специальные радиолокационные станции обнаружения, опознавания боеголовок ракет противника и другие (фото 4), а также различные типы противоракет.

На снимке 5 показан старт противоракеты — дальнего беспилотного перехватчика. В ходе учебно-боевых стрельб такие противоракеты с высокой точностью перехватывали боеголовки баллистических ракет, летевших с космическими скоростями (фото 6).

Старт другой, более эффективной противоракеты показан на снимке 7. Эта противоракета уничтожает боеголовки баллистических ракет на огромном удалении от защищаемых объектов.

Днем и ночью войска противовоздушной и противоракетной обороны находятся в постоянной готовности для отражения нападения агрессора.

Основа боевой мощи Вооруженных Сил Советского Союза — ракетные войска стратегического назначения. Они располагают баллистическими ракетами средней

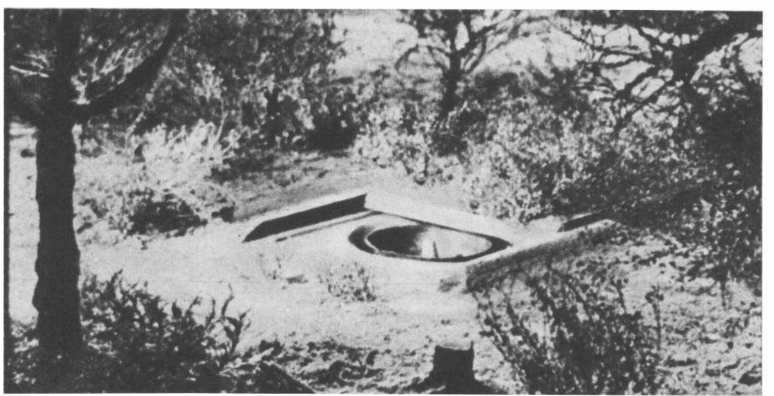
6 7

8

9

дальности, межконтинентальными и орбитальными.

Высокий уровень советского ракетостроения позволил оснастить нашу армию ракетами, работающими на новых, высокоэффективных видах топлива, в том числе твердом. Это обеспечило простоту и надежность эксплуатации ракет, длительные сроки их хранения и высокую степень готовности к немедленному нанесению удара по агрессору, если бы он развязал войну.

Для запуска ракет используются несложные по конструкции стационарные шахтные и подвижные старты. Некоторые из них унифицированы и пригодны для пусков различных типов ракет.

Подвижные старты стратегических ракет — это принципиально новый вид ракетной техники, которой не имеет никакая другая армия.

Стационарные пусковые установки советских стратегических ракет тщательно замаскированы от воздушной и космической разведки и надежно защищены от ядерных ударов (фото 8 и 9).

Управление пуском ракет осуществляется с подземных командных пунктов, оборудованных новейшей электронной аппаратурой.

На обложке этого номера журнала показано, как из шахтной пусковой установки стартует мощная межконтинентальная ракета.

Стратегические ракеты могут запускаться и с полевых стартовых позиций. Такие позиции не требуют специальной предварительной подготовки и каких-либо особых инженерных сооружений. Вот два снимка — 10 и 11, запечатлевших транспортировку ракеты к месту старта и пуск ракеты с полевой позиции.

Наши стратегические ракеты являются самыми точными и мощными в мире, они могут нести боеголовки с ядерными зарядами до ста мегатонн. На снимке 12 — «гриб» термоядерного взрыва боеголовки стратегической ракеты. А на снимке 13 показано действие ударной волны ядерного взрыва. Это были учебные, опытные пуски, но они грозное предупреждение агрессору!

Военно-Морской Флот Советского Союза — это флот ракетоносных сил. Основу его мощи составляют ракетоносные подводные лодки и в первую очередь океанские атомные лодки. Ракетами вооружены также надводные корабли и морская авиация.

Наш подводный флот оснащен ракетами с дальностями от нескольких сотен до нескольких тысяч километров. Ракеты подводных лодок имеют мощные ядерные боеголовки, обладают высокой точностью попадания и способны стартовать из-под воды, что обеспечивает неуязвимость подводных лодок.

На снимке 14 — выход группы ракетоносцев на учение в океан. А следующие снимки — 15 и 16 — дают представление о запуске из глубины океана баллистической ракеты, о взрыве ее ядерного заряда в районе цели.

Наш флот имеет и надводные корабли-ракетоносцы. Это — новое эффективное средство решения боевых задач в современных операциях. Вооруженные ракетами с ядерными боеголовками, такие корабли могут поражать как морские цели, так и объекты на суше. При необходимости они могут эффективно помогать сухопутным войскам, действующим вдоль побережья, и обеспечивают огнем высадку морских десантов (фото 17).

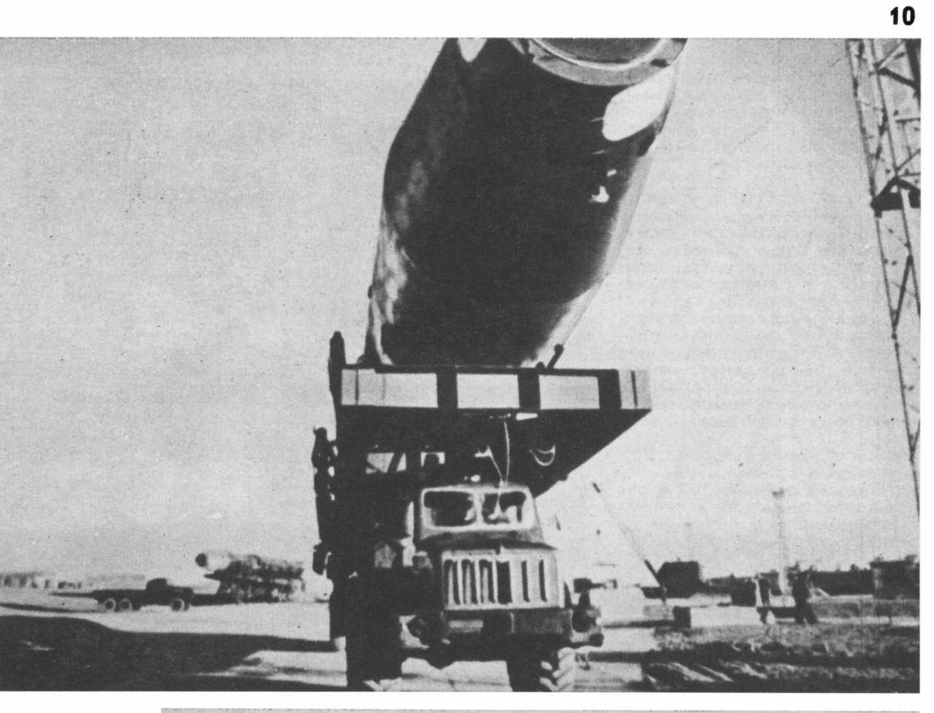
Быстроходные десантные суда транспортируют подразделения сухопутных войск и морской пехоты со всей их легкой и тяжелой, в том числе ракетной, техникой. Раскрыта носовая часть десантного корабля — и танки и бронетранспортеры сходят в воду (фото 18). Они весят не один десяток тонн, но уверенно преодолевают вплавь значительные расстояния от десантного корабля до берега.

Ракеты заняли достойное их место и в Военно-Воздушных Силах. Основным видом оружия стратегических бомбардировщиков, истребителей-бомбардировщиков и всепогодных истребителей-перехватчиков стали ракеты класса «воздух-земля» и «воздух-воздух» с обычными и ядерными боеголовками (фото 19).

Наша армия и флот имеют все, что нужно для отпора агрессору. Советские ракеты всегда на страже мира!

Полковник В. ДАЦЕНКО,
инженер-полковник М. МРЯКИН,
капитан I ранга Н. ИЗМАЙЛОВ

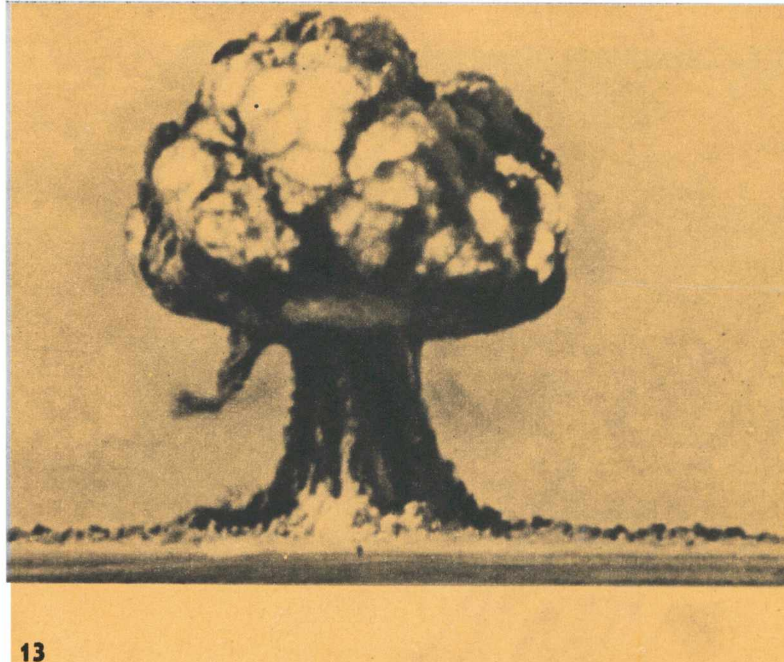
10

11

12

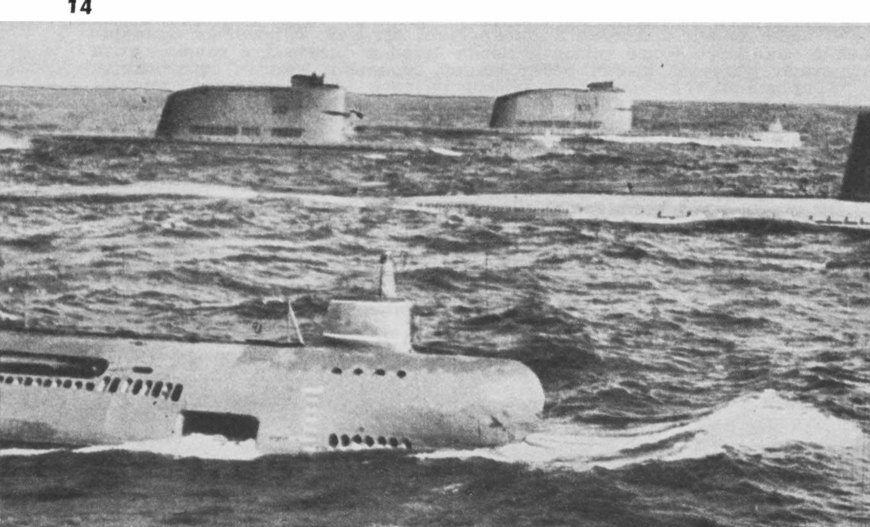

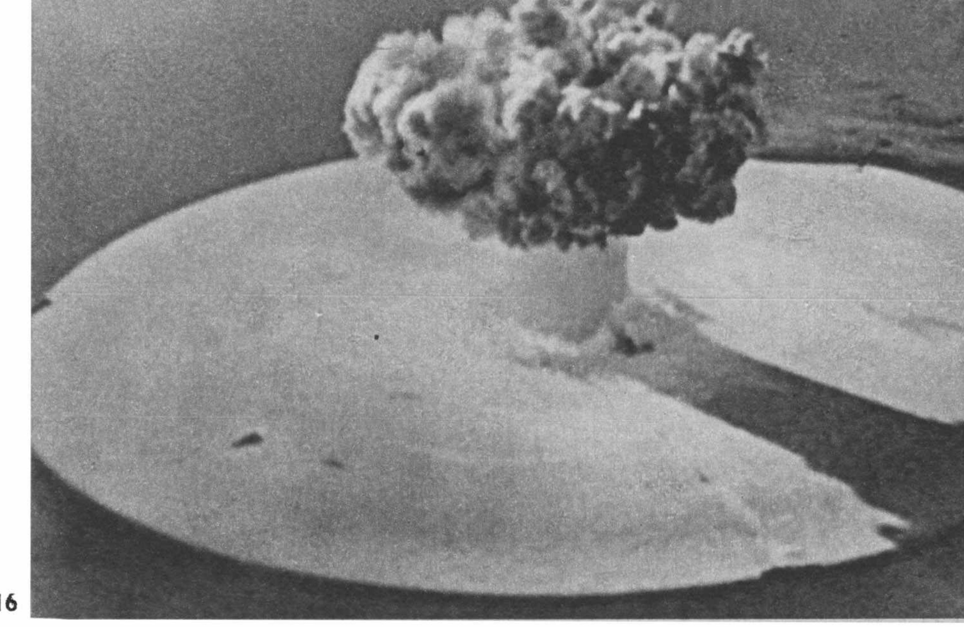
13

15

14

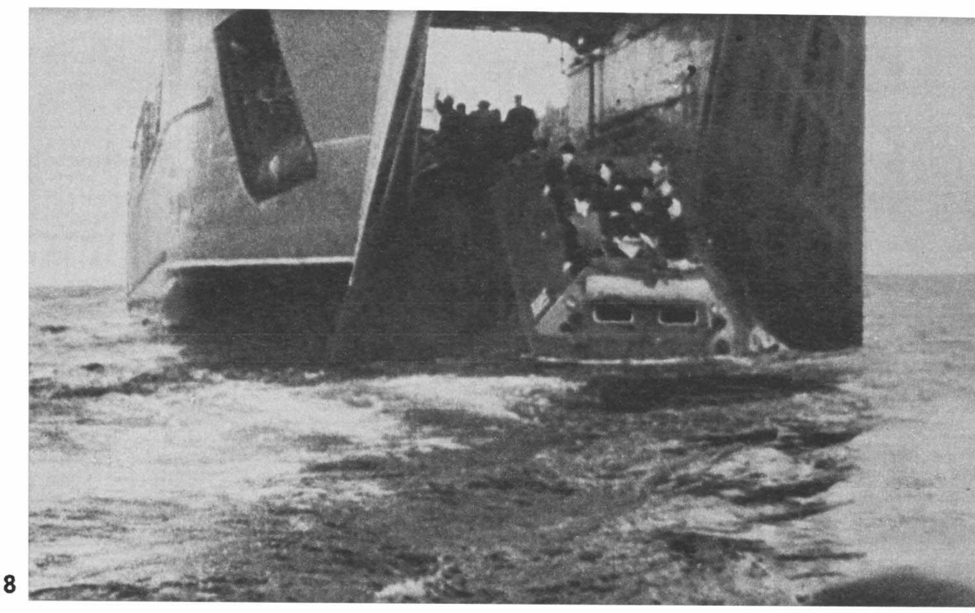

16

17

18

19

ЧТОБ В ДОМАХ СТРУИЛСЯ СВЕТ

З. ТЕЛЕСИН

* * *

Будь я плотник — обладал бы
Ремеслом своим вполне
И оконные проемы
Прорубал в глухой стене.

Будь столяр я — подружился б
С этим дельным ремеслом
И трехстворчатые рамы
В каждый вставил бы проем.

Будь стекольщик я — с алмазом
Всю бы землю исходил,
Нарезал бы щедро стекла,
Все бы рамы застеклил.

Но не плотник, не столяр я,
Не стекольщик, а поэт —
Прорубаю словом стены,
Чтоб в домах струился свет.

Перевел с еврейского И. Гуревич.

СИНЕВА

Какая синева в глазах твоих!
Однако этим сказано так мало.
Вот теплотой повеяло от них,
А вот железным холодом сковало.
Природа, ну когда еще, скажи,
Так неожиданно соединяла
Синь василька, согретую во ржи,
И синеву холодную кинжала?

Перевел Ю. Телесин.

СЕМЬ ПЕВЦОВ

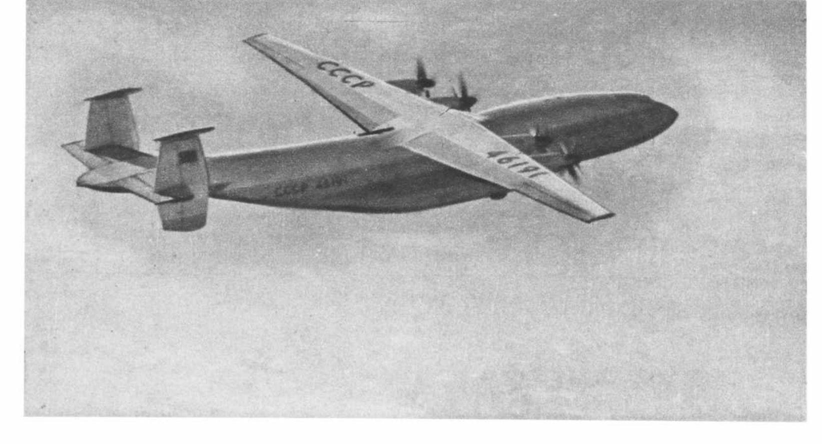
Сорвалóсь гнездо, какая жалость!
И случись же этакое чудо:
Гнездышко лишь накренилось малость,
Ничего не выпало оттуда.
Все на месте — перышки, соломинки...
Семь яичек в маленькой хороминке,
Розовые, с лоском, ни царапинки,
А по ним — коричневые крапинки.

Я нагнулся, глаз не оторву!
Взял гнездо, карабкаюсь живей.
Вот раздвинул пышную листву,
Примостил его среди ветвей.

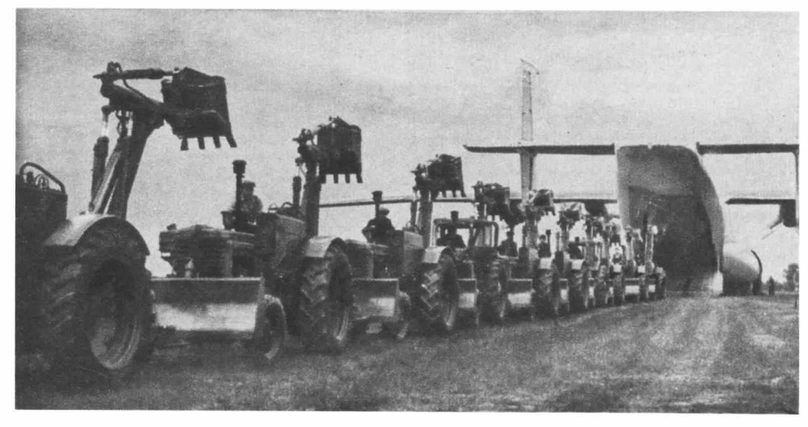
Что я вижу! На моих глазах
Выпорхнули из гнезда семь птах
И расселись на семи ветвях.
Семь секунд молчали, а потом
В семь колен запели всемером,
Так запели эти семь певцов,
Что помолодели семь дубов —
Семь дубов, седых богатырей,—
И зажглось над ними семь светил,
Заблистало семь путей-дорог...

Семь певцов! Далёко я хватил!
Гнездышко дрожит среди ветвей...
Вылупись один — и то дай бог!

Перевела Вера Потапова.

«АН-22» в полете.

Эта колонна тракторов выгрузилась из воздушного гиганта.
Фото В. Магдыка

САМОЛЕТ-ВЕЛИКАН

На воздушные магистрали Советского Союза вышел новый самолет-великан «АН-22». Этот крылатый гигант, созданный конструкторским коллективом Олега Константиновича Антонова, превзошел все ожидания. Даже в наш век трудно представить самолет, который способен вместить полтысячи пассажиров. И уж совсем поражает, когда в просторной герметической кабине «АН-22» рассаживаются семьсот двадцать человек.

Сегодня это самый большой самолет в мире. С семьюстами двадцатью пассажирами на борту «АН-22» способен пролететь без посадки пять тысяч километров. Вдумайтесь в эти цифры! Одним рейсом из Москвы в Иркутск он доставит столько же пассажиров, сколько перевез бы скорый поезд в составе пятнадцати спальных вагонов.

Но и это еще не все. Кроме пассажирских перевозок, воздушный великан «АН-22» рассчитан на транспортировку тяжелых, крупногабаритных грузов. В его вместительную тридцатитрехметровой длины грузовую кабину, которая в пять раз больше кабины известного самолета «АН-12», свободно въезжают минские самосвалы и подъемные краны, громоздкие бульдозеры и тягачи на гусеничном ходу. «АН-22» поднимает сразу двенадцать колесных тракторов «Беларусь» с навесной системой экскаваторов на каждом. Да что трактор! Этот крылатый богатырь без особого труда перевозит железнодорожные пульмановские вагоны и речные корабли на подводных крыльях.

Максимальная грузоподъемность самолета «АН-22» составляет восемьдесят тонн. А с полезным грузом в сорок пять тонн дальность полета увеличивается до одиннадцати тысяч километров. Огромный грузовой люк и специальное оборудование позволяют производить быструю погрузку и выгрузку различных крупноразмерных грузов, которые по своим габаритам не вписываются в железнодорожные нормы.

И несмотря на внушительный вес этого воздушного тяжеловоза, он не требует специальных аэродромов с бетонным покрытием. «АН-22» свободно садится на обычный грунт и легко взлетает с травных аэродромов. Незначительная длина разбега на взлете, всего 1 100—1 300 метров, позволяет использовать «АН-22» в отдаленных, труднодоступных районах. Экипаж этого гиганта состоит всего из пяти человек. Все они размещаются в носовом отсеке, в просторной двухэтажной кабине. На первом этаже находится штурман. На втором — командир корабля, второй пилот, бортрадист и бортинженер. В этом светлом, комфортабельном помещении созданы все условия для работы.

На могучих крыльях «АН-22» установлены четыре самых мощных в мире турбовинтовых двигателя по пятнадцати тысяч лошадиных сил каждый. Даже при отказе одного из них во время взлета самолет спокойно продолжает полет к намеченному пункту.

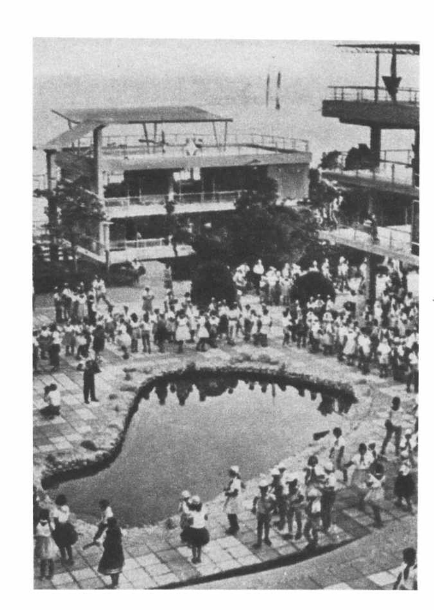
Большая грузоподъемность этого корабля делает его очень экономичным. Стоимость перевозки грузов не превышает железнодорожные тарифы. Тонна-километр обходится всего в пять копеек. Это в несколько раз дешевле, чем на самолетах иностранных авиакомпаний. Применение контейнерных перевозок в обычной стандартной таре дает возможность широко использовать эту машину в народном хозяйстве.

Создание и постройка воздушного гиганта «АН-22» является новым крупным достижением нашей отечественной авиапромышленности.

Так растут и мужают могучие крылья нашей Родины.

ЗДЕСЬ ОТДЫХАЮТ ДЕТИ МИРА

Исполняется 40 лет Артеку. Редакция связалась по телефону с директором управления Артек Дмитрием Александровичем Трусевичем. Вот что рассказал он читателям «Огонька».

Всесоюзный пионерский лагерь Артек имени В. И. Ленина был основан в 1925 году Российским обществом Красного Креста и Центральным Комитетом комсомола. 16 июня 1925 года в Артеке был впервые поднят флаг, ознаменовавший открытие лагеря. В то время это был палаточный городок, где жили восемьдесят человек. Первыми, кому посчастливилось побывать в Артеке, были пионеры Самарской, Московской, Нижегородской и Ленинградской губерний.

О значении Артека хорошо сказала Клара Цеткин, посетившая его в 1926 году: «Свободные, счастливые, красивые пионеры из лагеря Артек — это богатство Советского Союза, всего человечества».

Анри Барбюс, побывавший в Артеке тоже в первые годы его существования, писал: «Артек — настоящий рай, но рай земной, реальный, где жизнь детей трудящихся проходит в оздоровлении своих физических сил, приобретении знаний и в спорте».

В наше время в Артеке 8 пионерских лагерей, в которых одновременно находится более четырех тысяч детей в смену. А в течение года отдыхают более 25 тысяч ребят нашей страны и многих стран мира.

В прошлом году в Артеке побывали дети 36 стран мира, причем впервые были ребята из Камбоджи, Туниса, Алжира, Йемена, Греции.

На территории пионерского лагеря, которая протянулась вдоль берега моря на 8 километров, расположено более трехсот зданий и сооружений. В этом году строителями будут сданы новые объекты: стадион на 7 тысяч мест со спортивными площадками, Дом пионерской учебы, где разместятся многие лаборатории и кружки по техническому творчеству. Будут построены два лагеря — «Дружина», «Горная». Буквально на днях закончена большая площадка для костра, где смогут проводить вечера более 4 тысяч ребят.

А в недалеком будущем появятся лагери «Лазурный», «Кипарисовый». Будет построен городок науки и техники, новый городок аттракционов, новые пляжи, набережная Артека, детская автострада, заповедники для редких растений. В 1970 году в Артеке одновременно смогут отдыхать больше 7 тысяч детей.

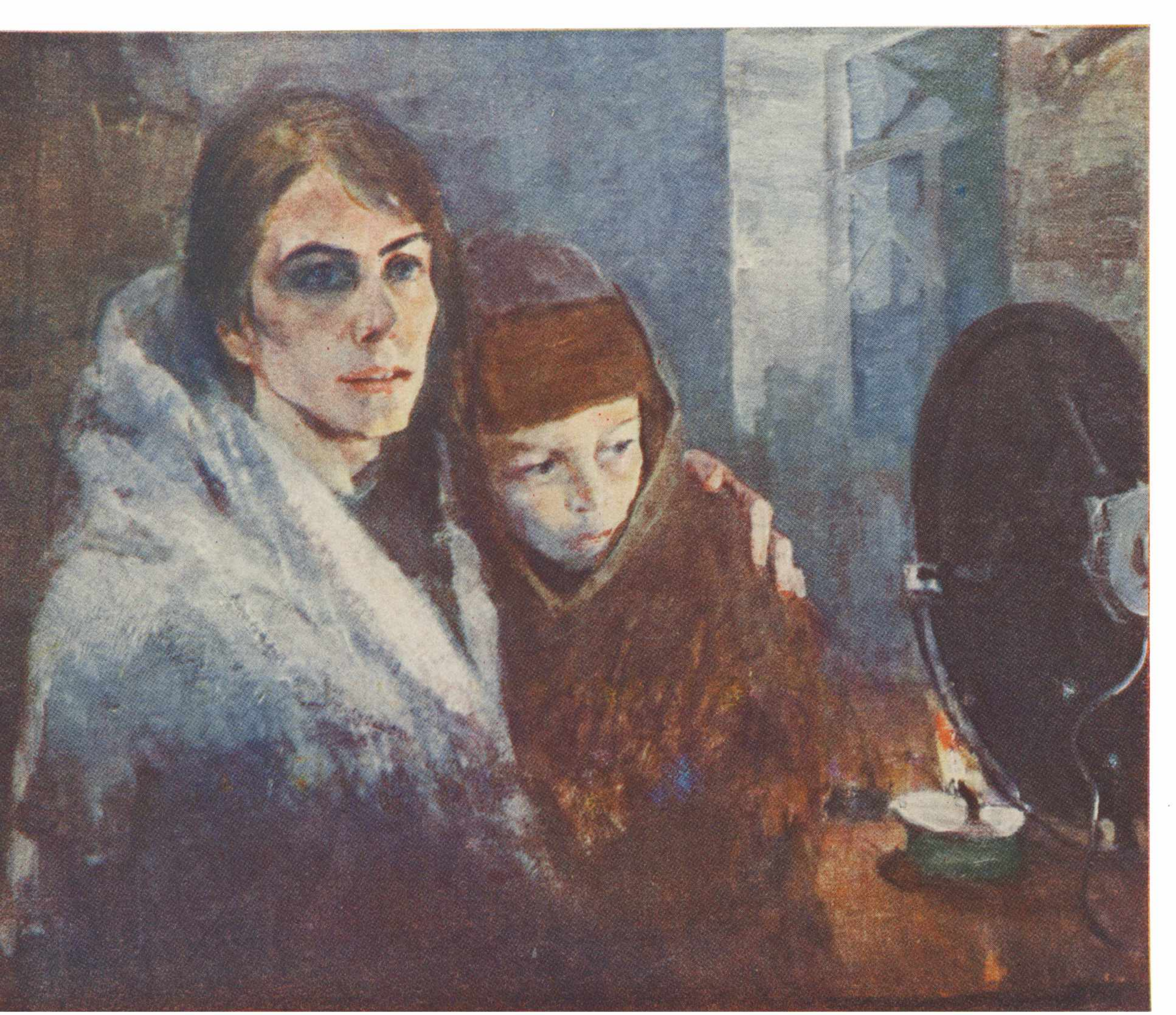

К. Филатов (Одесса) КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

ВСЕСОЮЗНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА

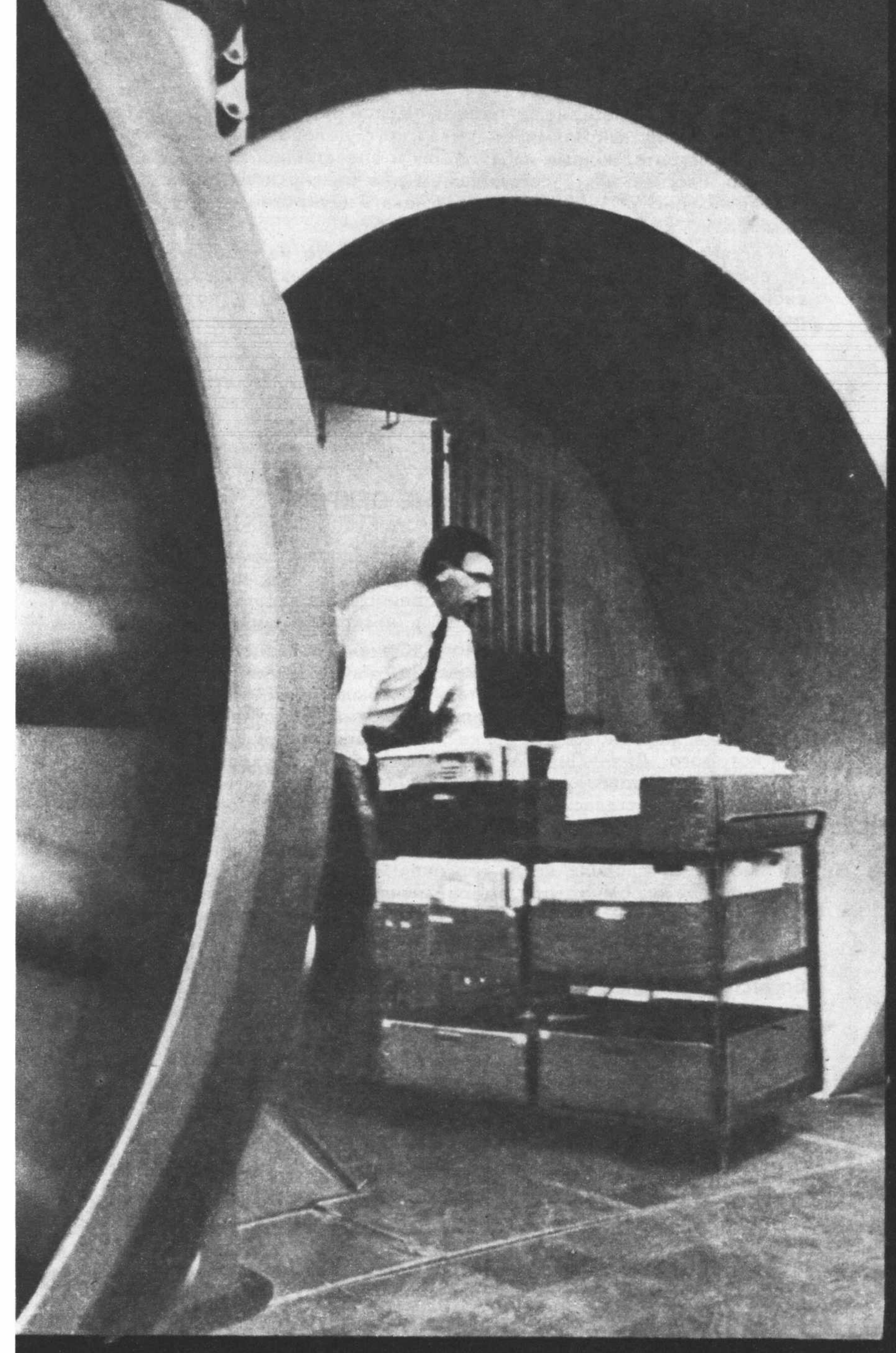
НА СТРАЖЕ МИРА

Н. Присекин (Москва) ПОСЛЕДНИЕ ИЗ РАВЕЛИНА.

Ю. Тулин (Ленинград) ЛЕНИНГРАДКА. 1942 ГОД.

Вал. ЗОРИН,
доктор исторических наук

Святая святых Морганов — бронированный подвал, где они хранят свои сокровища. 52-тонная стальная дверь откатилась — клерк вывозит на тележке ценные бумаги.

Внуки «Корсара»

ТРАДИЦИИ И БИЗНЕС, ИЛИ ОБ ОДНОМ НЕСОСТОЯВШЕМСЯ РАНДЕВУ

Несколько минут грохота в мрачных катакомбах подземной дороги «самого богатого в мире города», и позади остается центр с фешенебельными кварталами. Десяток-другой ступеней, засыпанных давно не убирающимся мусором, и я на тротуаре Бродвея. Нет, это не та многократно описанная и изображенная в десятках кинофильмов сверкающая огнями улица, так сказать, городской фасад. Это так называемый Даун-таун — деловая часть Нью-Йорка.

Уже давно этот район покинули состоятельные люди: жить здесь им неудобно и «неприлично». Одна за другой перекочевывают сейчас отсюда и штаб-квартиры крупнейших банков и корпораций, когда-то густо гнездившиеся именно в этой части города. Сегодня признаком респектабельности для фирмы является офис в центре города — где-нибудь на Мэдисон или Пятой авеню.

И тем не менее я не ошибся, направившись в суетливый и неметеный Даун-таун. Банкирский дом Морганов, так же как и много десятилетий назад, расположенный в невысоком, каком-то пузатом здании, воздвигнутом в ложноклассическом стиле (идеал купцов прошлого века), не нуждается в рекламе своей прочности, в алюминиево-стеклянной показухе; он не гонится за блеском шикарных кварталов, его репутация в кругах большого бизнеса достаточно прочна, чтобы он мог позволить себе пренебречь велениями моды. А пока Морганы остаются на Уолл-стрите, Уолл-стрит остается Уолл-стритом.

Несмотря на солнечный день, на улице царит сумрак. На углу Уолл-стрита и пересекающей ее Брод-стрит — здание под номером 23. Небольшая, начищенная до блеска медная табличка на массивных дверях сообщает, что здесь обосновался банкирский дом Морганов.

Вот он, знаменитый «Угол», в течение многих десятилетий играющий роль одной из подлинных столиц капиталистического царства, место, куда сходятся незримые нити, дергая за которые хозяева этого дома неприметно для постороннего глаза и вместе с тем весьма реально направляют экономическую и политическую жизнь Соединенных Штатов, оказывают самое существенное влияние на политический курс столиц капиталистического мира. Внутри чинный сумрак и прохладная тишина, солидные клерки, бесшумно скользящие в своих мышиного цвета костюмах по длинным коридорам.

Глубоко под землей — бронированные подвалы, где за стальными 52-тонными с дистанционным управлением дверями, в прочнейшей стали отсеках, под охраной сложнейших электронных систем, ключ к которым известен лишь двум-трем людям, хранятся несметные сокровища. В центре здания — зал со стеклянными стенами и перегородками. В зале, отделенные друг от друга зеркальными стеклами, полтора десятка подчеркнуто старомодных конторок с не менее старинными приборами. За конторками в вертящихся креслах восседают холеного вида мужчины. Это тузы, ответственные руководители моргановского бизнеса.

Они верны традициям. Предпочитают сумрачный Уолл-стрит фешенебельной Мэдисон-авеню, старомодное приземистое здание — алюминиево-стеклянным чудесам, допотопную мебель а-ля мистер Пиквик — ультрамодерну. Но не спешите с выводами. «Несмотря на приверженность традициям, ничего старомодного в стиле работы банка Морганов нет»,— так утверждает журнал «Лайф». А он знает: Морганы среди тех, кому этот журнал принадлежит.

За несколько дней до путешествия на Уолл-стрит автор, собиравший материалы о бизнесе Морганов, обратился к одному из нынешних руководителей моргановской империи, мистеру Генри Клею Александеру, с предложением о встрече. Уже миновали те времена, когда американские бизнесмены не считали себя заинтересованными в контактах с представителями советской общественности, и сейчас наигранное безразличие сменилось у них нескрываемой и повышенной заинтересованностью.

Поэтому письмо на фирменном бланке «Морган гаранти траст компани» даже несколько удивило меня. Мистер Александер, оказывается, был обижен... на советскую прессу. Он горько сетовал в своем послании на то, что один из советских журналов посвятил его деятельности заметку. Ни одного из фактов, приведенных в материале, господин Александер не опроверг. Но, поскольку общий тон заметки отличался от восторженных панегириков, которыми награждает его печать американских монополий, избалованный лестью бизнесмен счел себя обиженным и надул губы.

Одним словом, рандеву не состоялось. Это, впрочем, не очень помешало мне выполнить поставленную перед собой задачу — собрать материал о деятельности и богатствах моргановской империи сегодня. Документы, хранящиеся в архивах, отчеты банков и промышленных кор-

пораций, книги, материалы периодической печати, а также встречи и беседы с представителями американского делового мира, в том числе и на Уолл-стрите, личные наблюдения и впечатления дали немало интересного. Рассказывая о сегодняшнем дне банкирского дома Морганов, я, конечно, рискую еще больше разгневать неукротимого мистера Александера, но, как говорится, бог не выдаст...

Рассказ о Морганах — это рассказ о тех, кто не стремится мелькать на авансцене, кто, предпочитая тишину деловых кабинетов политической трескотне официальных департаментов, стоит у котлов, в которых создается политическое варево, именуемое государственным курсом Вашингтона.

НЕСЕКРЕТНЫЕ СЕКРЕТЫ

Морган-старший, осчастливший мир своим появлением в 1837 году, собственно, уже был сыном миллионера. Его папаша Юний С. Морган всеми правдами, а преимущественно неправдами сколотил немалое по тому времени состояние в несколько миллионов долларов.

Среди наследства, оставленного Юнием Морганом своему отпрыску, которому суждено было положить начало самой могущественной из империй современного капитализма, было нечто более важное, чем даже первые моргановские миллионы. Этим богатством было особое положение моргановского банка, явившееся тем рычагом, при помощи которого Джон-Пирпонт Морган-старший превратил этот банк в ростовщика мирового масштаба. Стечением обстоятельств моргановскому банку досталась роль посредника в деловых операциях между молодой заокеанской республикой и Англией, а затем и всей Европой. Все это и сыграло решающую роль в дальнейшей судьбе моргановских миллионов. В условиях, когда торговля между Старым и Новым Светом приобретала огромное для американской экономики значение, связи с Англией и оказались тем волшебным средством, при помощи которого Морган сумел направить золотой поток в свои сундуки.

Чем же владеют сегодня наследники старого Моргана, каковы их богатства, влияние, сфера их деятельности? Одним словом, каковы границы сегодняшней империи Морганов?

Сегодня Морганы являются самой богатой семейной группой в США да и, пожалуй, во всем мире. Под их контролем находится неправдоподобно огромный капитал более чем в 90 миллиардов долларов.

Группа Морганов осуществляет в настоящее время прямой контроль над пятью крупнейшими банками США, 32 промышленными корпорациями, среди которых такие, как «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», «Дженерал электрик» и др. Под контролем Морганов находится 13 крупнейших железных дорог, 3 гигантских страховых компании, 14 коммунальных предприятий. Капиталы 12 из моргановских компаний превышают миллиард долларов.

Секрет возникновения гигантского состояния этого семейства заключается не только в положении посредника между Старым и Новым Светом. Важным обстоятельством было и то, что с самого начала банкирский дом Морганов строил свое благополучие на «бизнесе смерти». Первая же деловая операция старого Моргана, совершенная им в 20-летнем возрасте, была связана с мошенничеством при продаже правительству Соединенных Штатов Америки партии устаревшего оружия. С тех пор любая война, где бы она ни вспыхивала, оборачивалась для семейства Морганов золотым дождем.

За последние 10—12 лет американское министерство обороны — орган, руководящий гонкой вооружений и распределяющий военные контракты между компаниями и фирмами,— сменило несколько руководителей. Но по странному «совпадению» каждый раз во главе этого министерства оказывается либо непосредственный представитель моргановских компаний, либо человек, близкий к ним.

Судите сами: первым министром обороны в правительстве Эйзенхауэра был президент моргановско-дюпоновской корпорации «Дженерал моторс» Чарльз Вильсон, тот самый Вильсон, который прославил себя циничной формулой: «Что хорошо для «Дженерал моторс», то хорошо и для страны». Вильсона сменил президент другой моргановской компании, «Проктер энд Гэмбл», миллионер Нейл Маккелрой. Ему на смену пришел Томас Гейтс — одна из наиболее влиятельных фигур сегодняшней моргановской империи. И нынешний министр обороны США Роберт Макнамара пришел в Пентагон с поста президента компании Фордов, связанной с моргановскими банками. Меняются правительства, приходят и уходят президенты и их министры. Но остаются неизменными Морганы и военный бизнес.

И, наконец, говоря об обстоятельствах неимоверного обогащения моргановского семейства, надо сказать и о личных качествах основателя империи. Не о тех, о которых, захлебываясь от восторга, пишет буржуазная пропаганда, а о действительных, способствовавших необыкновенному обогащению этого семейства. Полная беззастенчивость в выборе средств, презрение к каким бы то ни было моральным и человеческим нормам, жестокость и алчность — вот что отличало Моргана-старшего. Не случайно он вошел в историю американского бизнеса под приклеенной ему его же сподвижниками малопочтенной кличкой «Корсар». Характеризуя его подлинный облик, буржуазный исследователь Р. Корсей пишет: «Упорный в своей ненависти, Морган никогда не забывал и не прощал обиды, а обижался он легко. Отличаясь железной решимостью, Морган неустанно, беспощадно преследовал свои цели; и если при этом надо было затоптать людей, ну что ж, он их и топтал».

Тот факт, что огромное состояние оказалось именно в руках Морганов, в известной степени случаен. Но то, что обладателем этого состояния стал человек, явившийся вместилищем почти всех человеческих пороков,— не случайность, а закономерность капиталистического общества.

ОБЪЯСНИМЫЕ ПАРАДОКСЫ

Итак, один из главных «секретов», которому обязаны своим возникновением моргановские миллиарды,— тесная связь с военным бизнесом. Так было в прошлом веке, так обстоят дела и сейчас. И тем не менее здесь ныне не все столь уж просто, как может показаться на первый взгляд.

...Разговор продолжался уже более двух часов. Мои собеседники, с удобством расположившиеся в низких креслах большой комнаты, обставленной дорогой старинной мебелью, явно не торопились завершить беседу. И уже одно это было необычным. Ведь передо мной сидели два крупных предпринимателя: один — промышленник из Кливленда, другой — влиятельный уолл-стритский финансист, заметная фигура в моргановских банках. А известно, что американские бизнесмены меньше всего расположены к неторопливым беседам.

Не потому, конечно, что все они этакие счетно-решающие машины в человеческом облике, но потому, что они рабы лихорадочного темпа. Того темпа, который ощущаешь прямо-таки физически, когда, стоя на галерее в главном зале Фондовой биржи (расположенной, кстати сказать, рядом с моргановской штаб-квартирой на Уолл-стрите), глядишь на большой экран, на котором непрерывно бегут, стремительно вытесняя одна другую, черные строчки биржевых котировок. Сменяются названия компаний и фирм, цифры стоимости их акций, нервно и неритмично бьется пульс американской экономики. И если цена акций одной компании на мерцающем биржевом экране вдруг полезла вверх, принося барыш их обладателям, то чаще всего это происходит за счет другой компании, акции которой тут же ухают вниз, оборачиваясь для мелких держателей разорением, потерей денег, накопленных за всю жизнь, нищетой.

Деловых людей интересовало многое, но особенно перспективы расширения советско-американской торговли. Дальнейшее наращивание гонки вооружений, заметил финансист,— вещь бесперспективная, надо искать для американской экономики новые стимулы, и торговля с Востоком вполне может быть таким стимулом. К этой мысли он возвращался несколько раз. Признаюсь, я не придал этому в тот момент должного значения, посчитав это за форму любезности.

Но вскоре после этой встречи в мои руки попал бюллетень, который издает для своих клиентов главный банк моргановской империи — «Морган гаранти траст». Вот что было написано в номере за август 1963 года этого бюллетеня: «В настоящее время кажется более разумным, чем когда-либо раньше во время «холодной войны», начать поиски поворота с дороги все растущих и растущих военных расходов». Это — уже не случайное высказывание в ходе частной беседы. Это адресовано акционерам банка.

В последнее время американские наблюдатели обратили внимание на то, что некоторые представители моргановских компаний иногда выступают против линии Пентагона, критикуют крайности гонки вооружений, высказываются за некоторое сокращение военных ассигнований, настаивают на бездефицитном бюджетном планировании и сбалансированном бюджете.

Быть может, Морганы решили изменить своим вековым традициям? Но почему же? Ведь кто-кто, а эта наиболее могущественная группа монополистов США располагает возможностью получить и получает немалую часть правительственных военных заказов и, следовательно, имеет свою долю военных прибылей!

Некоторые американские экономисты, социологи и публицисты либерального толка пытаются объяснить такое, по их мнению, почти парадоксальное явление «наибольшим политическим опытом» и «прозорливостью» старейшей монополистической династии, тем фактом, что Морганы, дескать, понимают всю опасность (экономическую и политическую) безудержной гонки вооружений.

Не следует преувеличивать «оппозицию» Морганов официальному курсу Вашингтона, на который они оказывают немалое влияние и имеют надежные рычаги для того, чтобы его в случае необходимости корректировать. Но нельзя отрицать и того, что особые оттенки в их позиции действительно имеют место.

Интересы Морганов-банкиров иногда приходят в противоречие с интересами Морганов—военных промышленников. Если последним усиление гонки вооружений выгодно безусловно, то первым это выгодно до известной степени. Ведь чрезмерные ассигнования, создавая систематическое перенапряжение бюджета, стимулируют инфляцию, обесценивание доллара, которое в годы «холодной войны» приняло невиданные прежде темпы и размеры. А обесценивание доллара невыгодно тем, кто хранит в своих подвалах огромные денежные суммы. Да и вообще все, что подрывает финансовую стабильность, не может не вызвать тревогу банкиров. А Морганы прежде всего банкиры, а уж потом промышленники, в том числе и военные. Потому-то они и пытаются, не выступая против гонки вооружений в целом, ибо она приносит им немалые барыши, ввести ее в какие-то рамки, регулировать дело таким образом, чтобы не нарушались их финансовые интересы.

В последние годы дают о себе знать и некоторые более общие обстоятельства, заставляющие наиболее опытных деятелей американского бизнеса проявлять в отношении дальнейшего раздувания военного производства некоторую осмотрительность, совершенно несвойственную им еще совсем недавно. Это может иметь отношение и к объяснению «моргановского парадокса».

Сколь ни странным может это показаться на первый взгляд, но некоторые крупные дельцы время от времени высказываются на тему о

том, что гонка вооружений и неуклонное наращивание государственных средств на ее финансирование, служившие основным средством активизации американской экономики на протяжении полутора десятков лет, теряют свою эффективность. Руководители американского делового мира столкнулись с серьезными трудностями, явившимися результатом ярко выраженной и возрастающей кривобокости американской экономики.

Концентрация материальных и людских ресурсов в узкоспециализированных областях ракетно-ядерного производства, омертвление колоссальных ценностей на складах вооружений — все это привело к резко отрицательным последствиям для экономики США в последнее десятилетие. Промышленные товары США вследствие известного отставания гражданских отраслей промышленности стали неконкурентоспособными не только на мировых рынках, но и внутри страны, где их стали теснить западноевропейские и японские изделия. Стремясь привлечь покупателя, американские торговцы на самые видные места витрин выкладывают итальянскую обувь и трикотаж, английскую шерсть, западногерманские автомобили, японские радиоприемники и оптику. Все это и добротнее и дешевле американских товаров. Делая покупку, американец руководствуется далеко не патриотическими соображениями, а выгодой.

Нечего и говорить о том, как отрицательно сказалась гонка вооружений в таких областях жизни США, как народное образование и здравоохранение. Гонка вооружений тяжело отразилась и на состоянии государственных финансов США. Хронические бюджетные дефициты и как результат огромный рост государственного долга. В связи с уменьшением доли США в мировой экспортной торговле, а также с высокими военными расходами за границей острый и хронический характер приобрел дефицит американского платежного баланса, вызвавший, в свою очередь, резкое сокращение золотых запасов страны.

На смену временному эффекту, который давал допинг в виде гонки вооружений, идут свойственные каждому допингу резко отрицательные последствия.

Новая ситуация требует новых решений, новой тактики. Огромные деньги дали возможность дому Моргана сколотить высококвалифицированную команду управляющих, работающих на приумножение моргановских миллиардов. Благодаря этому Морганы раньше других улавливают, куда дует ветер, и таким образом не в первый раз обходят своих конкурентов.

Итак, парадокс объясним. Нет, Морганы не отказались и, судя по всему, не собираются отказываться от военных прибылей. Но они приноравливаются к новой обстановке.

КТО ОНИ, МОРГАНЫ СЕГОДНЯ?

Джона-Пирпонта Моргана-старшего знали миллионы людей. Знали его необузданный нрав, его жестокость и надменность, знали его слабости и привычки — словом, знали конкретного человека по имени Джон Морган, по кличке «Корсар».

Нынешних Морганов мало кто знает в Америке, мало кто сейчас отчетливо представляет себе роль, которую играют те или иные члены семьи Морганов в экономической и политической жизни страны. Причина этого—и умышленное стремление спрятать подальше от посторонних глаз свои богатства и свою деятельность и просто-напросто безликость нынешних членов этого семейства.

Джон-Пирпонт Морган II был воплощенной посредственностью. Главной особенностью наследника Корсара было отсутствие какой-либо индивидуальности. И поэтому, когда 30 лет спустя, в 1943 году, он последовал за своим отцом в мир теней, составители его некрологов были поставлены в крайне затруднительное положение: они не смогли сообщить о покойнике ровным счетом ничего, кроме астрономических цифр его состояния. Но и тут им пришлось признать, что рост этого состояния ни в какой степени не связан с деловыми качествами Джона-Пирпонта Моргана-младшего. Просто миллионы делали новые миллионы, а «младший» при сем присутствовал. В годы, когда династию возглавил Морган II, ее фактическим руководителем являлся крупнейший банкир, Томас У. Ламонт, которого приставил к своему наследнику знавший его бездарность старый Морган.

Сейчас дела в моргановском семействе вершат представители третьего и четвертого поколений. Изредка даже не в разделе «Бизнес», а чаще всего в разделе «Светская хроника» американских журналов можно увидеть фотографию пожилого долговязого господина с большими залысинами и злым ртом. Это внук Моргана-старшего 65-летний Генри-Старгис Морган — теперь старший член семейства. Он восседает во главе стола в загородном поместье, где время от времени собирается семейство для обсуждения дел.

В 1960 году умер его старший брат, Джуниус-Спенсер Морган, формально числившийся главой третьего поколения Морганов, но предпочитавший жуирование скучным бухгалтерским книгам и потому еще при жизни передоверивший трон главы династии брату. Своего 47-летнего сына Джуниус Морган назвал Джоном-Пирпонтом. Таким образом династическая нумерация пополнилась Джоном-Пирпонтом Морганом III.

К этому же, четвертому, поколению Морганов относятся 62-летний Уильям-Артур Морган и 57-летний Аллен Морган. Имеет голос на семейных советах и кузен Джуниуса и Генри Морганов 78-летний Томас-Альфред Морган.

Кто же из них является хозяином моргановского бизнеса?

Пожалуй, все и никто.

Бытует в США побасенка о том, что единственное моргановское, что осталось в империи Морганов,— это фамилия, а все капиталы, мол, уже перешли в руки тысячи акционеров и, таким образом, империя, дескать, превратилась в «демократическую республику». Но сегодняшние Морганы не менее цепко, чем их отец и дед, держат в своих руках огромные капиталы своей империи.

Однако ни один из сегодняшних Морганов не располагает той властью и бесконтрольностью, с какой ворочал своими делами Корсар. Сложное переплетение финансовых связей, свойственное современным монополиям, а также безликость и деловая посредственность нынешних отпрысков этого семейства привели к тому, что ни один из этих людей не претендует и не в состоянии взять на себя роль полновластного хозяина.

Сегодняшние Морганы не могут обойтись без приказчиков. Слишком сложен сейчас бизнес. Он требует обширных профессиональных знаний в области техники, финансов, экономики. Но зачем Морганам, обладателям десятков миллиардов, чрезмерно себя утруждать? У Морганов сохранился нюх на покупку наилучших администраторов. «Основная сила банка Морганов,— пишет журнал «Форчун»,— в кадрах, в быстро поворачивающихся, хорошо знающих свое дело управляющих».

Здесь нам следует вернуться к очень обидчивому мистеру Генри Клею Александеру, о котором уже шла речь. Именно он в настоящее время возглавляет всю иерархию моргановских управляющих, является главным визирем империи Морганов. Этот высокий, сухопарый, не без элегантности, шестидесятитрехлетний мужчина с аккуратным пробором, с глубокими складками на лице и брезгливо опущенными уголками рта сосредоточивает в последние годы в своих руках большую власть в том огромном комплексе, который именуется бизнесом дома Морганов.

Александер — типичная фигура управляющего. Он начал свою деятельность после окончания юридического факультета Йельского университета в качестве юрисконсульта одной из моргановских компаний.

В тридцатые годы, в обстановке «великого кризиса», под напором недовольства трудящихся правительство Рузвельта предприняло некоторые шаги, создавая видимость борьбы с монополиями. Против ряда корпораций, подмявших под себя уж слишком много, было выдвинуто обвинение в нарушении так называемых антитрестовских законов. Попал под кампанию и банкирский дом Морганов. На этом правители того времени рассчитывали заработать особенно большой политический капитал — дескать, на самих Морганов замахнуться не побоялись.

Бывшему в то время главой этого дома Джону-Пирпонту Моргану-второму пришлось отправиться в Вашингтон и предстать перед сенатской комиссией по делам банков. Его советником во время этих заседаний был Александер. Его-то ловкости в известной степени Морганы обязаны тем, что обвинение в нарушении антитрестовских законов было с них снято. Впрочем, речь идет лишь о форме, ибо по существу успех Александера был связан с тем, что всерьез притеснять Морганов ни один буржуазный правитель Вашингтона не решался и не решится.

С этого момента карьера Александера была обеспечена. Он стал компаньоном своих хозяев, их доверенным лицом. И очень скоро Джуниус-Спенсер Морган, тяготившийся бременем руководства, решил уйти с поста председателя правления семейного банка, назначив на это место верного человека — Генри Клея Александера. Впервые во главе моргановского банка стал человек, не входящий в семейство Морганов.

Это произошло в 1950 году. Голос Александера — это голос, к которому сегодня внимательно прислушиваются на биржах Нью-Йорка и Лондона, в вашингтонских департаментах. Ведь это голос моргановских миллиардов. Не случайно поддержки Александера искали и ищут руководящие деятели американской столицы. Одним из своих главных политических капиталов в ходе избирательной кампании 1960 года Ричард Никсон считал помощь Александера. А когда вскоре после убийства Кеннеди Александер посетил Белый дом и обещал свою поддержку Линдону Джонсону, американская печать расценила это как факт первостепенной политической важности, который должен сыграть видную роль на выборах 1964 года. Так в действительности и произошло.

Но Александер стареет. Ему все труднее обеспечивать новые прибыли своим хозяевам. Все чаще на Уолл-стрите говорят, что недалеко то время, когда Морганы сменят своего премьер-министра. Называют уже и кандидатуру его преемника. Это Томас Гейтс-младший. Он потомственный банкир, его отец Томас Гейтс-старший возглавлял крупную финансовую компанию в Филадельфии и считался представителем Морганов среди филадельфийских банкиров.

Гейтсу, хотя он и именуется младшим, далеко за пятьдесят, он имеет большой опыт и в бизнесе, как компаньон своего отца, и в политике. В 1959 году Эйзенхауэр доверил ему одну из ключевых позиций в своем правительстве — пост министра обороны,— поручив этому ставленнику моргановских банков распределение правительственных военных заказов среди предпринимателей. Надо думать, что, с точки зрения Морганов, Гейтс справился с этим делом неплохо. Во всяком случае, когда правительство Эйзенхауэра, потерпев поражение на выборах, ушло в отставку, Гейтс не только был принят с распростертыми объятиями в моргановской штаб-квартире, но и сделан ближайшим помощником Александера. А сейчас держащие нос по ветру служащие моргановских компаний обращаются с ним особенно почтительно и предупредительно.

Но как бы ни было велико влияние и могущество Александера, Гейтса и им подобных, они остаются спицами в моргановской колеснице. А Морганы остаются Морганами.

Да, люди, носящие сегодня фамилию Морганов, входящие в состав самого богатого и могущественного семейства капиталистического мира, обладающие ценностями, с которыми не может потягаться никто, посредственны, ординарны, лишены деловых талантов и индивидуальностей. Отмеченные печатью вырождения, они не способны управлять и не управляют своим гигантским бизнесом — паутиной, опутавшей десятки стран. Но Морганы — символ современного капитализма. Морганы — это деньги, миллиарды, награбленные вековой эксплуатацией.

ЛЮДИ
БОЛЬШОЙ
НАУКИ

Ким БАКШИ

Фото Л. Шерстенникова.

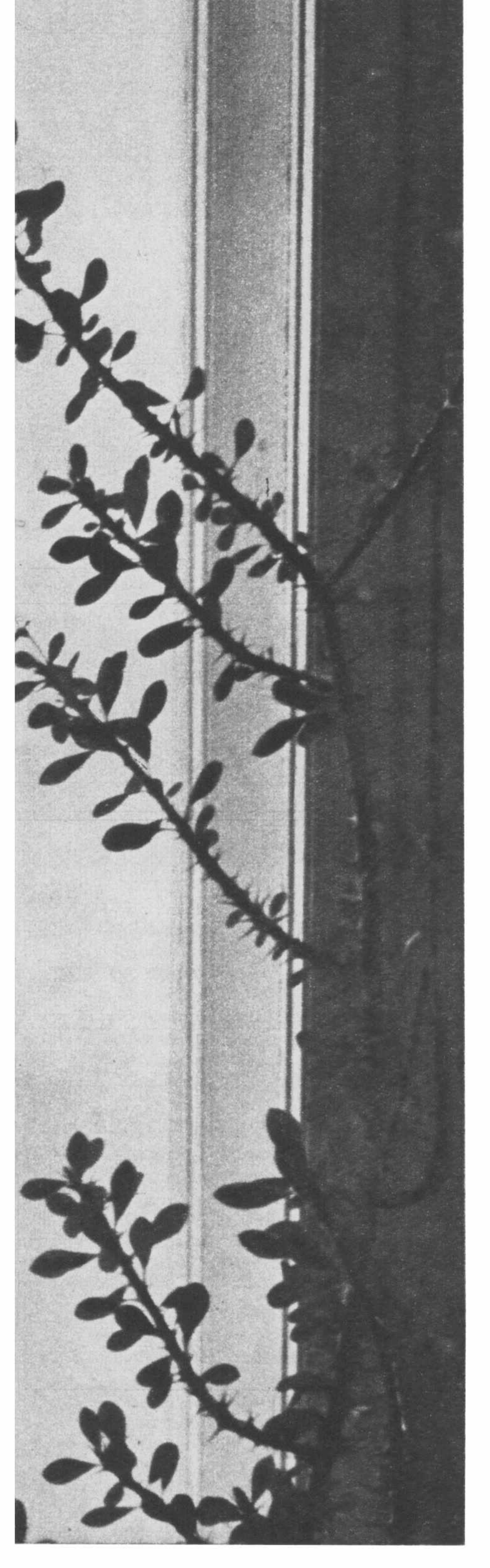
В нем есть что-то домашнее. Глядя на него, представляешь, какой он нежный отец и как дети его не боятся, лезут прямо на колени, на плечи, а он только беспомощно и благодарно улыбается и поправляет свои невесомые, с металлическими полосками у бровей очки.

И в то же время в нем есть что-то от спортсмена — легкость, собранность, экономность в движениях.

Совершенно невозможно себе представить, что в сорок третьем после ранения он долго ходил на костылях, так и поступил в институт; нога не разгибалась, был перебит нерв, дело казалось безнадежным. Рассказывают, что вылечил он себя сам, каким-то безжалостным способом, будто бы ежедневно привязывал на несколько часов кирпич к ноге. Так или иначе, но вместо костылей постепенно в руках появилась палочка, впоследствии и она была отставлена: Эдуард Якубайтис пришел на волейбольную площадку.

Не в Президиуме Академии наук Латвийской ССР, не в институтской лаборатории, не на кафедре Политехнического института, а именно на волейбольной площадке понимаешь, что Эдуард Якубайтис молод. Не в том переносном смысле, как мы иногда говорим про ученого: «Ему девяносто, но он молод душой». Якубайтис просто молод, без всяких «но», в обычном, тривиальном смысле слова. Как молода наука, которой он занимается.

Якубайтис — кибернетик, директор Института электроники и вычислительной техники, академик-секретарь Отделения физико-тех-

Эдуард Александрович Якубайтис.

дежи, есть корифеи (независимо от возраста). В комнатах, переделанных из гостиничных номеров (здание Латвийской Академии наук сначала было задумано как высотный Дом крестьянина), ребята в синих халатах «маракуют» над кибернетическими машинами. В номерах поменьше сидят и курят теоретики. Говорят, что один ревизор пришел как-то утром проверить, чем же они все-таки занимаются. Видит: ничем, сидят — и все. Днем проверил—то же. Вечером — то же. Просто сидят и думают. И вроде бы ничего не делают.

В институте разрабатываются сложнейшие логические автоматы, развиваются новые идеи технической кибернетики. В институте не сидят «от» и «до»: мысль нельзя уложить в промежуток от звонка до звонка, она обязательно высовывается за рамки рабочего времени.

В институте, как в каждом порядочном молодежном «инкубаторе» гениев, время от времени возникают эпидемии: то все повально сражаются в шашки, то отправляются в тур- и альппоходы, то снимают любительские фильмы, а то играют в крестики-нолики. Отдел на отдел, лаборатория на лабораторию, на лично-командное первенство института; победитель улыбается в объектив...

Подождите иронизировать! Заглянем в солидный кибернетический сборник. В нем напечатано исследование о «крестиках-ноликах», детская игра рассматривается с точки зрения математической теории, которая позволяет решать далеко не детские задачи.

Институт электроники и вычислительной техники открыли пять лет назад. Первый раз — 1 апреля. Но не были соблюдены какие-то формальности, поэтому второй раз его открывали 1 июня. Тогда в штатах числился только один человек — директор Якубайтис.

Эдуард Александрович рассказывает об экскурсах кибернетиков института в весьма далекие от математики области. Например, в спорт. Речь идет о составлении программ бега на средние и длинные дистанции для легкоатлетов с учетом их индивидуальных возможностей, тренированности, состояния здоровья накануне старта и т. д.

Ученые института вместе с биологами разрабатывают математические модели живой клетки, вместе с химиками — машину-исследователь химического процесса. Она сможет управлять ходом реакций, поддерживать заданный режим. Перспективы, что и говорить, блестящие. Об этой машине из вышестоящих инстанций, в том числе из Комитета химической промышленности, пришла солидная кипа резолюций, одобрительных писем, нетерпеливых запросов. «Но будем же деловыми людьми! Где средства? Где дополнительные кадры? Почему до сих пор их не дали институту? Поэтому так все медленно и тянется, поэтому и нет еще машины до сих пор!»

Я уже слышал об этом свойстве Якубайтиса. Он не просто любит порассуждать на тему о том, как хороша и могуча кибернетика. В Президиуме Латвийской Академии наук, на разных ведомственных и межведомственных совещаниях, в главках и министерствах он выступает, невзирая на лица, против тех, кто на словах приветствует кибернетику, а на деле палец о палец не хочет ударить, чтобы внедрить ее в жизнь.

Есть мысль, которую Якубайтис считает кардинальной и разработке которой уделяет много времени: нужно, чтобы кибернетические машины создавались не за полтора-два года, а, скажем, за несколько дней. Для этого должна быть разработана система стандартных деталей, логических элементов. Из них, как из детского конструктора, можно будет составлять любой логический автомат, была бы схема. В конце концов эту работу можно поручить специальной машине. Когда же автомат больше не нужен, его можно разъять на логические элементы.

* * *

Я расспрашиваю Якубайтиса о новых разработках института — о логических автоматах для проверки полупроводников и радиоприемников — и при этом пытаюсь как-нибудь незаметно перейти к личности моего собеседника, к его вкусам, склонностям.

Якубайтис легко раскрывает мой тайный план. Он вспоминает, как однажды на какой-то научной конференции иностранный корреспондент поинтересовался: «Чем господин академик больше всего любит заниматься дома?»

— И что же вы ответили?

— Господин академик очень любит воспитывать свою жену и дочку... в кибернетическом духе. В результате чего дочка получила тройку по арифметике, я рычал от ярости, а жена сказала: «Вечно ты со своей кибернетикой, не мешай ребенку учиться».— Якубайтис лукаво щурит глаза.

На самом деле кандидат филологических наук Тамара Аслангиреевна Якубайтис «болеет» кибернетикой. Она работает над изучением статистических данных латышского языка. Определяет вероятность появления букв или их сочетаний в тексте, среднюю длину слов и предложений, частоту, с которой встречаются слова в языке. Оказывается, самое распространенное слово у латышей, как и во многих европейских языках, союз «и», самый частый падеж — родительный, самый редкий — дательный. Оказывается также, что пословица «Кто сказал «а», должен сказать «б» имеет глубокий математический смысл: в языке есть закономерности появления одних букв за другими.

Зачем все это? Даже трудно сразу все перечислить. Изучение латышского языка уже сейчас показывает, что он ближе к славянской группе, чем к какой-либо другой. Вот вам математический аргумент в пользу балто-славянского единства языков. А в перспективе — создание математической модели языка, составление программы для машинного перевода. Дело это только начинается, еще так мало известно о закономерностях языков!

* * *

Некоторые (в том числе и я) считают, что у каждого человека есть свой «пунктик». Стоит натолкнуться на него, скажем, случайно в разговоре, и собеседник теряет спокойствие. Уж он теперь вас так не отпустит! «Пунктик» у человека — это всегда огромное увлечение, которое порой становится главной целью, содержанием его жизни.

Эдуард Якубайтис не может спокойно говорить о кибернетике. О чем бы ни шла речь: о том, как обучать студентов или как строить железнодорожные вагоны, — везде он видит возможность применения кибернетики. И это естественно. Главное дело его жизни так важно, перспективы его науки так блестящи и многообразны, что вряд ли можно сыскать такую сторону деятельности человека, где бы нельзя было найти приложение кибернетике, и притом с большой пользой. Планирование хозяйства целых экономических районов, управление цехами и заводами, медицинский диагноз, расшифровка древней письменности, проникновение в тайны мозга — это еще не полный перечень.

В Институте электроники под Новый год выходит стенгазета с обязательной анкетой. Вопросы шутливые: какого цвета будет ваша машина (Якубайтис: «Цвета платья голого короля»), как вы относи-

еток — кибернетика

нических наук АН Латвийской ССР.

Ученым нравится, когда о них в журналах пишут короче, чем они сами пишут про себя в анкетах, что-нибудь вроде: ф. и. о. плюс краткий перечень опубликованных работ.

Эдуард Якубайтис все время отсылал меня «пройтись» по институту, «познакомиться с людьми». Ну что ж. В институте много моло-

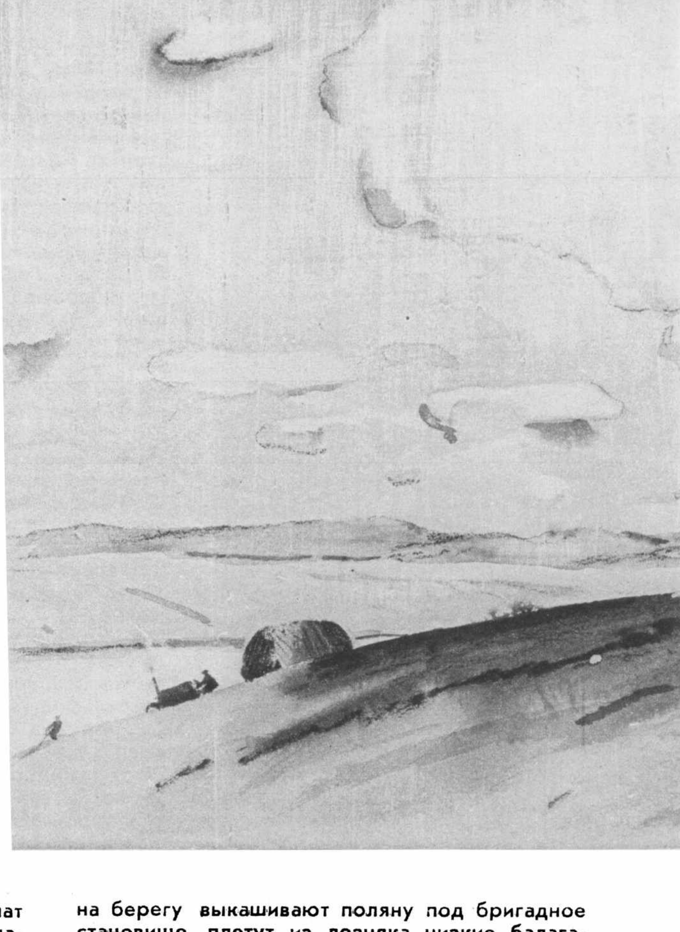
тесь к эмансипации мужчин (Якубайтис: «Надо бороться, хоть это и нелегко»). Если продолжить шутку и вообразить, что Якубайтис, как некая кинозвезда, серьезно отнесся бы к вопросам анкет (ваш любимый цветок, камень, запах и т. п.), то ответы были бы, мне кажется, однозначны:

любимый камень—кибернетика,
любимый цветок—кибернетика,
жизнь моя — кибернетика!

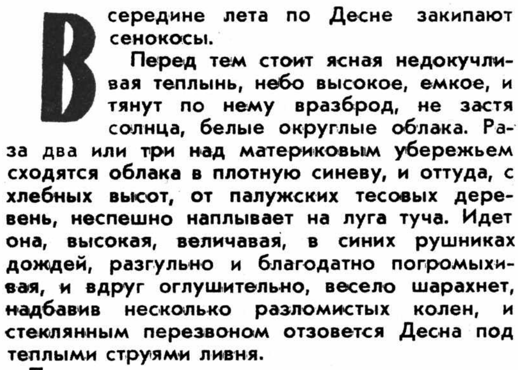
РАССКАЗ

Шумит луговая овсяница

Евгений НОСОВ

Рисунок И. Гринштейна.

В середине лета по Десне закипают сенокосы.

Перед тем стоит ясная недокучливая теплынь, небо высокое, емкое, и тянут по нему вразброд, не застя солнца, белые округлые облака. Раза два или три над материковым убережьем сходятся облака в плотную синеву, и оттуда, с хлебных высот, от палужских тесовых деревень, неспешно наплывает на луга туча. Идет она, высокая, величавая, в синих рушниках дождей, разгульно и благодатно погромыхивая, и вдруг оглушительно, весело шарахнет, надбавив несколько разломистых колен, и стеклянным перезвоном отзовется Десна под теплыми струями ливня.

Полощутся в спором дожде притихшие лозняки, набухают сахарные пески в излучинах, пьют травы, пьет земля, набирает влагу про запас в кротовые норы, и, опустив голову, покорно и охотно мокнет среди лугов стреноженная лошадь.

После таких дождей вдруг выметывает в пояс луговая овсяница, укрывает собой клевера, белые кашки, желтые подмаренники, выколашивается фиолетовой дымкой. И как только накатит этот чуткий дымок на луга — днями быть сенокосу.

Первыми съезжаются в пойму председатели и бригадиры — местные, из палужских колхозов, и дальние, с суходолов. Суходольские тоже имеют здесь свой пай. Ходят по пояс в травах, осматривают деляны, ставят тычки, и у каждого в зубах по травинке.

Дня через два-три двинут в луга тракторы, сенокосилки, колесные грабли. Суходольские косари спускаются с знойных бугров и междуречий будто на великое переселение: в пароконках бочки с горючим, артельные казаны, связанные по ногам бараны, кули с мукой и картошкой, пуки деревянных граблей, старых и новых, белых, только что наструганных. Едут целыми семьями — с женами и ребятишками, ветхие старички и те увязались, трясутся в новых рубахах, ухватясь черными, сухими пальцами за грядки, будто едут к причастию. Иные еще бодро сидят в передках, крутят концами вожжей над лошадьми, покрикивают с незлобивой хрипотцой: «Но-о! Окаянные! Шевелись!» — а сами все поглядывают на буйную травяную вольницу. В глазах озабоченность и много-много раз пережитая радость предстоящей сенокосной страды, крестьянской работы-праздника.

Молодежь едет особняком. Парни в пестрых майках, крутые узловатые плечи в каштановом загаре, девчата, как одна, в косынках шалашиком. Сидят в больших сенных телегах, свесив босые ноги в бортовые решетки. Полощутся над головами, мельтешат листвой натыканные торчком березовые ветки.

Останавливаются на самом берегу, глушат тракторы, в тени лозняков распрягают лошадей с темными пропотелыми холками, засыпают им вдоволь, полные телеги свежескошенной травы, по которой еще прыгают кузнечики, а сами, изголодавшись на своих хлебных увалах по вольной воде, лезут в Десну. Гулко бухаются с глинистого уреза парни, выныривают, мотая головами, стирая с глаз прилипшие волосы, блаженно отфыркиваясь. Девчата визжат от ласки воды, неистово колотят ногами, выбрызгивая белые пузыристые столбы, полоумно шарахаются от змеиных извивов водорослей, и растревоженная Десна бьет маслянистыми зелеными волнами в берег, качает и рвет на осколки опрокинутое в реку солнце.

А на мелком, сев на край и сперва испробовав воду вытянутой ногой, перекрестясь, сползают на костлявых задах в реку старики, бледнотелые, с темными, непомерно большими кистями рук и темными, будто из другой кожи, шеями. У иных на синеватой наготе багрово проступают старые солдатские отметины. Забредая по коленки, не стыдясь сраму, в простой житейской потребности плещут на себя бегучую хрустальную теплынь, ахая и придыхая, потом долго намыливаются, пуская шапки пены по струе, ласково разговаривая с пескарями, что доверчиво тычутся в ноги. Моются обстоятельно, на весь год, до следующего сенокоса, если еще приведется.

Ребятишки, уже накупавшись до звона в ушах, жарятся в песочных лунках, засыпают себя каленым крупитчатым сахаром, а потом, серые от песка, который, просыхая, шурша осыпается, с приятным зудом во всем теле, бегут в лозняки, трещат кустами, визжат, обстрекаясь о крапиву, и объедаются ежевикой, синей ничейной ягодой.

На лужку, на обрыве, вытянув по траве ноги, сложив в подол между коленок ненужные руки, сидят рядышком замужние бабы, отвыкшие за многие годы семейных забот от вольной речной воды, стыдясь при таком народе, при таком солнце оголиться, снять с себя одежду. Сидят, поглядывают с виноватыми улыбками на молодых беспечных девок, на Десну в слепящем блеске. Для них в кои-то разы посидеть вот так на бережку — и то радостно. Кто-нибудь из озорников подкрадется по воде, выхватит из-под берега и шмякнет прямо в подол линючего, облезлого рака. Бабы взвизгнут, раскатятся по траве, подбирая ноги, начнут журить шалопута и вдруг, устыдясь своей праздности, встанут и пойдут к телегам искать какого-нибудь дела, без коего не может баба чувствовать себя нормальным человеком ни в праздники, ни в похороны.

Под вечер, наполоскавшись в реке, тут же на берегу выкашивают поляну под бригадное становище, плетут из лозняка низкие балаганы, каждый на свою семью, закидывают их тяжелой травой, оставляя узкий, пчелиный, лаз, поодаль врывают казан под общий кулеш, и так по всему берегу на много верст возникают временные сенные селища с теми же привезенными названиями: Меловое, Сухой Колодец, Полыновка.

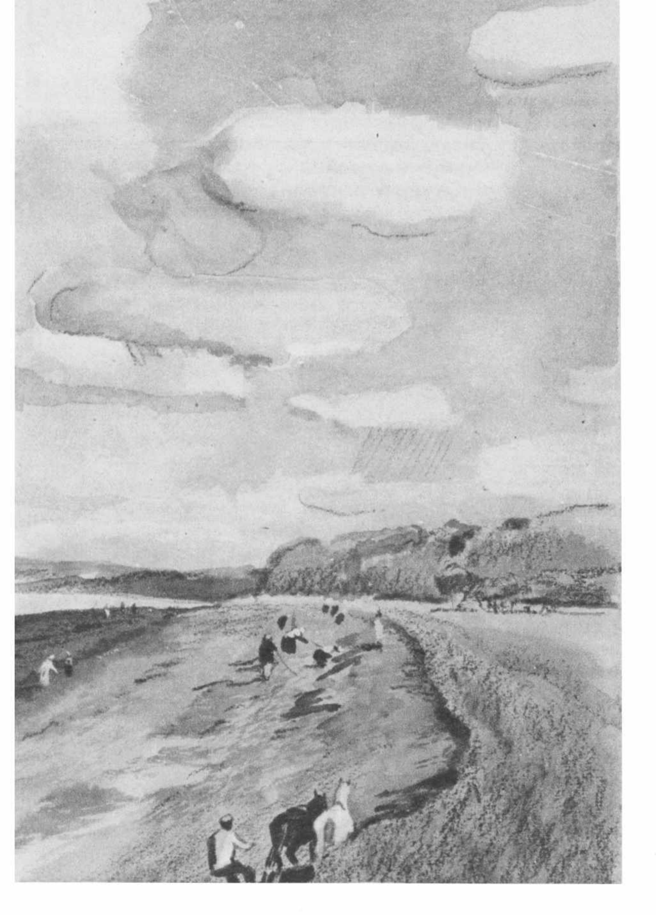
Палужане в отличие от суходольских выезжают в луга налегке, без баранов и кулей муки — за всем этим ездят на колхозное подворье по ходу дела, однако, чтобы не тратить времени, тоже живут балаганами, вкапывают артельные котлы, и у них становища зовутся не так сурово: Лужки, Доброводье, Поречное или какие-нибудь Лебяжьи Капустичи.

Две недели кипит в лугах жаркая неуемная работа. Начинается она с рассветом. Все вокруг еще в призрачной дреме. Диковинными башнями громоздятся на той стороне неясные лозняки и ветлы. Десна — под куревом тумана, только слышно, как на весь плес бормочут струи вокруг затонувшей коряги. Все мокро и серо от росы: мокры задранные оглобли телег, горбатые спины бочек с соляркой, мокры и седы балаганы становища, и на дне остывшего казана за ночь набежало чистое озерко росы над остатками пшенной каши.

Но вот зашебаршило в одном из шалашей, рука прокопала сенную затычку в лазе. Наружу, как большой неуклюжий жук, выползает дед Тимофей. Выпрямляется, с кряхтеньем отрывая от земли оплетенные веревками руки, да так и не выпрямившись до конца, остается стоять на полусогнутых ногах с широкой сутулой спиной — не спиной, а столешницей. Тимофей сипло откашливает вчерашнее курево, долго и зло скребет под рубахой за поясом: приходит в себя. И, еще не ожив как следует, уже крутит цигарку и, щурясь, приглядывается к косам, что, как винтовки, составлены рядами, свисают крючковатыми носами с ошкуренной слеги.

Тимофей осматривает косы, выбирает одну, присаживается с ней на козелки с наковаленкой и прицеливается перевернутым молотком. «Ди-у, ди-у, ди-у» — чисто, ясно, певуче разносится над лугами, над сонным становищем. И тотчас на той стороне в лозняках отзоается еще тоньше и певучей: «Ти-у, ти-у, ти-у...»

Шуршат сеном разбуженные балаганы, один за другим выползают багровые, заспанные, измятые, будто в тяжком похмелье, косари, вытряхивают из рубах и всклокоченных волос сенную труху, крякают от сырой прохлады, разминают намаянные, не отдохнувшие за воробьиную ночь поясницы, бегут, пошатываясь, споласкиваться к реке. А Тимофей все тюкает

по наковальне, правит косы, и вот уже и ниже по течению, в суходольской бригаде, отозвались, затюкали по косе, и выше, в Меловом, и еще дальше... И так по всей реке, по всем ее извивам, близко и далеко, загомонили молотки и наковаленки — славят зорю.

Выбирается из своего шалашика молодая, ладная баба Анфиска, сладко, с хрустом потягивается, заламывая за голову бронзовые литые руки с острыми локотками, и тоже сбегает босиком к Десне, на ходу расстегивая кофту и бросая ее на кусты. Забредя в реку и зажав подол юбки между колен, Анфиска шумно, радостно полощется, наплескивая дымящуюся паром воду на крепкие округлые плечи в белых лямках ночной рубахи. Соломистая коса ее сваливается со спины и пишет концом по воде.

Косятся мужики на Анфиску, цепляют озорными словами:

— Фиска, давай спину потрем...

— Продерем с песочком...

Спугнутая Анфиска сердито закидывает за спину косы, опускает на воду юбку, выбирается на сухое. Мужики провожают ее долгим прищуром, примечая в Анфискиной фигуре всякие соблазны, потом переглядываются, без слов понимая друг друга.

— Кончай курить! — по-армейски командует бригадир и колотит обгорелой палкой по пустому гулкому казану.

Всхрапывает запущенный трактор, громко стреляет синим дымом. Мужики запрягают в косилки лошадей, разбирают косы и уходят в луга по росе до завтрака. И уже при солнце идут ворошить сено бабы и девки. Над пестрыми косынками грабли, будто оленьи рога. Плетутся неспешно, с ленцой. А придя на место и рассыпавшись, сноровисто и легко начинают подбивать и ворошить сено граблями. Дело вроде бы немудрящее, а поди ж ты: забивают здоровых девок пожилые женщины! Держатся прямоспинно, с неуловимым достоинством, грабельки в руках невесомы, знай себе мелькают обшорканными до костяного блеска зубьями. Не гнет, не старит работа, а, наоборот, молодит: не дело делают — кружево вяжут.

На стыке двух соседних лугов иногда останавливаются побалагурить суходольские мужики. И обязательно из всех выделяют Анфиску.

— И чья же такая будет? — подбоченивается суходольский косарь, ползая по Анфиске глазами.

Анфиска закусывает губы и еще проворнее перебирает грабельками.

— Приходь вечерком под копенку, потолкуем...

— Гляди, парень, чтоб граблями не перетянула,— вступаются за Анфиску бабы.

— Ей-бо, стерплю! Приходи только.

— А ну попробуй...

Косарь передает косу товарищу, обеими руками покрепче натискивает кепку и бежит, по-медвежьи раскорячась и расставив руки-лапищи. Бабы взвизгивают и дружно поднимают грабли для обороны.

— А ну, девки, лови его, обормота! Ломай крапиву!

Косарь поворачивает и, перепрыгивая сразу через два валка, улепетывает к своим.

Но все это так, между прочим. Сенокос же кипит своим чередом. День-деньской катает по лугу свои колеса-бублики «Беларусь»-тракторок, снуют, стрекочут конные сенокосилки, полнятся и взблескивают, освобождаясь, конные грабли, и лошади ошалело мотают мордами и секут оводов хвостами. А уж по всяким неровностям, по старым окопам, по кустам да мочажинкам машут косами мужики. Выпростаны из штанов рубахи, чтоб обдувало, мокры и темны сатиновые и ситцевые спины, багровы лица под выгоревшими картузами и кепками, виски влажно лоснятся, а косари все ступают и ступают рядами, нога в ногу, замах в замах: так спорей и легче, чем вразнобой. Ярко сверкнет сразу дюжина кос над травами, переступит сразу дюжина сапог, на одно мгновение задержатся, повиснут в воздухе косы и тотчас снова с шелестящим певучим звоном все разом нырнут в зеленую глубину. Будто узкие белые рыбы играют, выплескиваются над волнами. И ложатся травы в ровные валки, то с подкошенным ирисом, желтой дугой промелькнувшим на пятке косы, то с малиновой свечкой иван-чая. Свежие валки истекают соком, терпко млеют от зноя, и тянет по всему поречью сладким настоем увядания.

К полудню все живое собирается к воде: поят и купают лошадей, пьют и полощутся сами, смывая сенной зуд и соль. Потом, разлегшись вокруг артельных алюминиевых полумисок, хлебают огненный бараний кулеш. Едят по старинке, блюдя очередь по кругу от старшего, подпирая донышки резных ложек ломтями хлеба, с хрустом заедая горячее хлебово зеленым луком. А насытившись, располагаются по балаганам, где под темными сводами еще хранится ночная прохлада. Но и тут, завидев, между прочим, как Анфиска на четвереньках, белея заголившимися круглыми икрами, заползает в низкий лаз своего шалашика, кто-нибудь непременно пошутит:

— Фис, пусти на полчасика...

За первой на деревне девкой так не следят, так не приглядываются, как за вдовой и ладной бабой. Пройдет она обыкновенно, как все, а уже и кажется, что не идет, а играет бедрами. Девки купаются — ничего, а войдет она в воду — и опять-таки вроде как с умыслом. Ни пойти ей, ни прилечь без хитрого прищура со стороны, тем более, что дело-то необычное: сенокос! Кругом воля-вольная, и в косарях бродит хмельная удаль, как ни при какой прочей работе. И хоть и в шутку задевают Анфиску, но и в пустых словах косарей извечный тайный намек и мужицкая надежда на лотерейный греховный билетик...

Меж тем сено начали копнить, а на второй неделе сенокоса в каких-нибудь два-три дня все поречье на много десятков верст вверх и вниз по Десне дружно взбугрилось копнами, и не было такого места в лугах, куда бы можно было пройти напрямик, не натолкнувшись на копнушку. И, закругляя дело, стали сволакивать их на места повыше, посуше и там выкладывать округлые приземистые стога. Под конец, свезя к стогам сено с балаганов, поплескавшись в Десне на прощанье, выпив за ранним ужином сельповской перцовки, поплясав или так просто поговорив на вольном досуге, начали сниматься и сами бригады. И вот уже и вовсе опустели берега. Остались только притоптанные поляны покинутых становищ, черные, закопченные ямы из-под котлов да плетеные скелеты раскрытых балаганов. И еще остались стога... Неспешно тянутся мимо них отъезжающие обозы, и люди провожают взглядом памятники отшумевшей страды. Молча хранят они в себе и безмятежные радости ребятишек, и чьи-то первые сердечные тайны, и хозяйственные надежды на сытый год с молоком и хлебом, и общее удовлетворение завершенной работой.

Глядят косари на стога, на долгие вечерние тени от них, часто перечеркнувшие дорогу, и сами удивляются: как наворочали!

ТВОЯ ЗВЕЗДА В ТВОЕЙ РУКЕ

Галина КУЛИКОВСКАЯ

ЮНОША И ЗНАМЯ

Во Львове нас пригласили на вечер. Устраивал его телевизорный завод, и назывался он «Посвящение в рабочие».

Мы шли мимо особняков с трапециевидными крышами и шпилями, смутно себе представляя, где и как этот ритуал происходит. Со всех сторон нас обтекала по-весеннему нарядная уличная толпа. Над нею, над нами в бездне лазури щедро и величаво «расписывался» самолет-реактивщик.

Необычное началось еще в вестибюле старинного дома, недавно переданного заводу под Дворец культуры. Его не успели осовременить — высокосводчатый, он выглядел мрачновато. Но вот девушка у лестницы пришпилила каждому входящему, будь он юн или стар, символический значок: в мускулистой руке полыхающая пламенем звезда. Потом, когда раздвинулся занавес, все увидели точно такую звезду там, в глубине сцены, в руке, увеличенной во много раз. Она напоминала и звала: и ты можешь достать и понести свою звезду.

Но прежде ты должен ее найти!

Под своды взлетел призывный клич горна, и через весь зал поплыло бархатное темно-пурпурное полотнище. Его нес совсем молодой человек в клетчатой ковбойке. Видно, он немалого достиг

В этом телеателье все необычно...

в свои двадцать лет, если ему, одному из нескольких тысяч рабочих завода телевизоров, доверили такую честь.

Потом к заводскому знамени приблизится юноша и преклонит перед ним колено. Прожекторы ярким пятном высветят этот миг, и зал в предчувствии самого важного затаит дыхание. Юноша приподнимет тяжелый край стяга и прикоснется к нему губами. Перед лицом своих товарищей, родителей, учителей поклянется всей своей жизнью самоотверженно и честно служить делу рабочего класса, быть верным его сыном. Всей своей жизнью! Той, которая есть, и той, которая будет.

...У Валерия Шевкиса она только начинается. Улыбка застенчивости блуждала на смуглом лице, когда на другой день в цехе он рассказывал о себе. Валерий был еще совсем ребенком, когда его примагнитил маленький кристалл германия. Отец помог ему соединить кристалл с наушниками, катушкой и антенной, и наушники тоненько заговорили. Учился он тогда во втором классе. Через четыре года мальчик собрал первый в своей жизни транзисторный приемник. Потом поступил на завод, ходил в учениках. Сейчас ставит на каркас плату, принимающую и усиливающую звук в настоящем телевизоре. Пятьсот плат за смену.

Нет, не с пустыми руками пришел Шевкис к рабочему знамени в свои семнадцать с половиной лет. Он познает труд и творчество. И когда главный инженер завода Евгений Бородин бросил в зал: «Молодость и прогресс — синонимы»,— а он в счастливую пору своего тридцатилетия более чем кто-либо имеет право произносить их,— верилось, что такие вот, как он сам, как знаменосец слесарь-изобретатель Роман Булыч, как Валерий Шевкис, станут носителями прогресса.

В тот вечер Шевкису и еще пятидесяти девяти именинникам торжественно вручили любовно сделанные в одном из цехов завода памятные медали «Посвячуэться в робітники». Пройдут года, и, быть может, исполнится пророческое пожелание старшего их товарища, секретаря парткома Г. М. Кордюкова: «Это первая ваша медаль. Но в монетном дворе страны уже чеканятся награды. Они ждут достойных!»

Пусть будет так! И пусть будет романтически приподнятым день посвящения в рабочие. Он запомнится на всю жизнь.

СТРАНИЦА БИОГРАФИИ

Быстро движется конвейер. И надо еще быстрее сделать двадцать паек. Девушка не смотрит на синьку со схемой, на которой цветными карандашами отмечены точки.

Таня Емельянова знает схему на память. На Тане белый халат, красная повязка на густых волосах. В восьмом цехе, в котором собирается телевизор «Огонек», все работницы носят такие вот алые ленты. В других цехах—голубые, желтые, белые.

В руке у Тани паяльник, под рукой кусачки, ножик, пинцеты. Если б не канифоль, и банки с припоем и флюсом, и не разноцветные провода, можно было бы подумать, что Таня орудует набором маникюрного инструмента. Но Емельянова — монтажница.

Она училась в подшефной заводу школе № 17. В десятом классе началась практика. Тане очень понравилось здесь: чистые, небесно-светлые и просторные цехи с цветами в вазах, мягкими шторами от солнца, с шеренгами небольших светло-зеленых станков, аккуратных и быстроходных, как швейные машинки, с разными автоматами и поточными линиями. Все здесь двигалось, дышало, жило...

На громадном конвейере настройки телевизоры начинают говорить, показывать, петь. Покачиваясь на удобных «перинах» транспортеров, они важно и медленно часами прогоняются по цеху, подымаются все выше и выше, пока наконец кладовые завода не проглатывают их.

Открылась тогда Тане еще одна особенность увиденного: оказывается, как объяснил им потом мастер, многие автоматы и агрегаты впервые появились здесь, на заводе, придуманы своими и местными конструкторами и изобретателями. Вот почему сюда, во Львов, часто приезжают за опытом специалисты Сибири, Поволжья, Белоруссии. Не случайно завод стал ведущим в создании унифицированных телевизоров и именно отсюда началось их шествие по стране.

Словом, школьница Емельянова решила стать монтажницей телевизоров. И не откладывая. Одиннадцатый класс можно посещать в вечерней школе. Через полгода обучения ее послали в цех на монтаж только что разработанных конструкторами приемников «УНТ-47»—«Огонек» и «УНТ-49» — «Электрон». По мере того как набирались сил новые телевизоры, росла и сама Таня. Сначала на потоке было всего десять приемников, потом двести, а теперь две с половиной тысячи в месяц. А будет еще больше во много раз.

...Мы встретились с Таней через несколько дней в знакомом нам Дворце культуры. В зале вместо кресел партера и амфитеатра стояли полукружием столики. На столиках—кофе, конфеты, пирожные. Создатели «Огонька» собрались на свой улыбчивый, остроумный «огонек» отдыха. Шутки, смех перелетали со стола на стол, пока не началось состязание кавээновцев. Потом заиграл заводской эстрадный оркестр, и к микрофону вышла девушка в пушистой светлой кофточке, старая наша знакомая Таня Емельянова. Она оказалась обладательницей приятного голоса.

Сосед по столу заметил:

— Это у нее по наследству. Ее мать Маргарита Григорьевна — преподаватель класса вокала в консерватории.

— А Таня — сюда?

— Видимо, по призванию. Собирается поступать в политехнический, на факультет радиотехники. Завод растет. Видели кругом котлованы и краны? Станет в два раза больше. Понадобится много специалистов. Вот молодежь и учится. Каждый третий у нас — либо студент, либо учащийся вечерней школы, либо курсант.

ДИКТУЕТ КРАСОТА

Кто сказал, что коридоры и лестничные марши должны быть окрашены в один монотонный, ровный цвет? Что цехи должны быть в каких-то серо-мрачных, грязных тонах?

Эти и многие другие вопросы волнуют сейчас самый юный коллектив Львовского телевизорного завода—группу промышленной эстетики. Ей всего лишь несколько месяцев. Невзирая на младенческий возраст этой группы, директор завода С. О. Петровский специальным приказом дал ей самые широкие полномочия, и ни один мазок кисти отныне не может быть сделан без ее ведома.

Виль Островерхов, заместитель руководителя этой группы, тоже молодой человек (средний возраст работающих на заводе — 22 года), показывает нам наброски и эскизы. Сейчас предприятие обновляется, всюду идет ремонт. Впервые он совершается по заранее продуманному плану. Никогда еще не был грохочущий штамповочный цех светлым, но посмотрите, во что превращает его художник! Он становится почти белым, воздушным, словно раздвигает свои стены. Гальванический участок считался самым грязным, неаккуратным. Светло-салатные панели подтянут людей, заставят их следить за чистотой.

Много на ватмане деталей оформления. Им придается значение не меньшее, чем цельным композициям. Подставка под цветы — ну что тут особенного? Но вот декораторы придумали ее так: светлые рейки на черных раздвинутых ножках посыпаны галечником. А на рейках — горшки. Стеллажи для чертежей и синек, шкафы для бухгалтерских книг, доски почета и стенды, удобные, поворачивающиеся стулья для рабочих и работниц и одежда: комбинезоны, фартуки, пионерский костюм заводских ребят — все это приобретает современный вид и формы, ласкающие глаз.

В старом корпусе заводоуправления, где когда-то делали простые электрические счетчики, нам показали новый уголок завода. Толкнули мы самую обыкновенную дверь и увидели знакомые нам по рисункам цветочные подставки с традесканциями и аспарагусами, броско расписанные стены, дневной свет, излучаемый трубками. Тут расположен информационно-вычислительный центр. В комнатах счетные машины и приборы. Пока здесь выполняются некоторые бухгалтерские и финансовые операции. В дальнейшем центр будет управлять всем ходом производства. Над этим работают ученые из Киевского института кибернетики. Головное телевизионное предприятие Министерства радиопромышленности СССР становится заводом высокой технической культуры и прогресса.

ДОЛГ ЧЕСТИ

Настройщик телевизора ищет чистоту изображения и звука, устанавливает гармонию между ними. Для этого он должен знать все, что происходит в сложном организме приемника. Богдан Татарский — настройщик. Кроме того, он студент последнего курса электромеханического техникума. Учится там вместе с Сашей, своей женой. И еще есть у них дочка. Живут все в маленькой комнатке студенческого общежития. Достаточно, казалось бы, у молодых родителей забот и хлопот. Однако Богдан взвалил на себя еще одну обязанность, которой очень гордится.

Богдан достает из внутреннего кармана маленькую пунцовую книжечку — удостоверение. Рядом с фотокарточкой и фамилией напечатано, что он, Б. Татарский, «ведет бесплатный ремонт телевизоров, является добровольцем бескорыстного труда». Никто его не принуждает, сам по своему собственному убеждению идет он по вызову на дом и делает все, чтобы голубой экран светился, чтобы в доме, который он посетил, остались после него радость и благодарность. Единственный ему судья — собственная совесть.

Татарский рассказал мне, что шестьдесят мастеров, инженеров, бригадиров, настройщиков завода имеют такие удостоверения. И нет кары для кого-нибудь из них горше, чем лишиться этой маленькой книжицы. С тех пор, как она введена, не было ни одного случая, чтоб кто-либо оступился, погрешил. Это тут просто невозможно. Таковы на Львовском заводе современные понятия о долге и чести, о чести родного завода, которую берегут, как свою собственную, и несут ее высоко, как звезду.

Потом Богдан привел нас на улицу Франко, в центре Львова, к дому, в котором размещается телеателье «Спасибо». За стеклянной дверью — пальмы, полочки с книгами, панно, расписанное студентами института прикладного и декоративного искусства. Словом, все, как в любом салоне хорошего ателье. А потом начинается знакомство с незаурядным. Оказывается, за ремонт здесь не берут ни копейки. Оказывается, горсовет освободил телеателье от всяких налогов и платежей. Оказывается, в нем нет ни одного штатного или платного сотрудника.

Заведующий производством? Пожалуйста, вот он, Роман Василевский. Диспетчер? Познакомьтесь, Марта Юськевич, монтажница третьего цеха. Приходит в ателье «Спасибо» почти каждый день. Что же касается ремонтеров, то тут их всегда полно. Есть у них последователи. Вот, например, Валерий Быстров. Живет он довольно далеко, в.... Перми. Львовцы выслали ему свое удостоверение. Он открыл там своеобразный филиал телеателье «Спасибо». Отзывы о нем поступают самые лучшие.

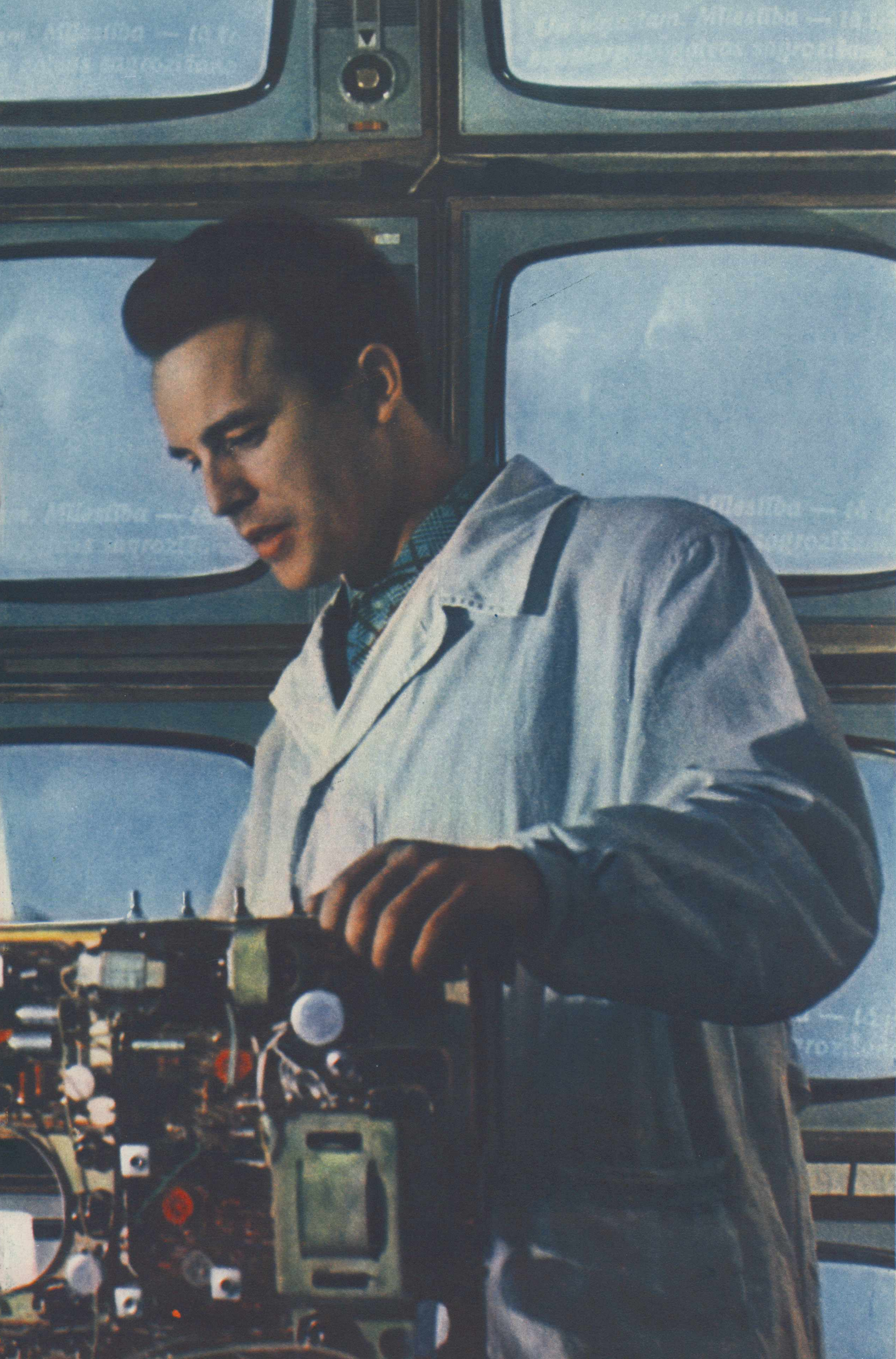
— Какие ремонтируем телевизоры?—переспрашивает Богдан.— Всех марок и систем. Тысячу шестьсот аппаратов отремонтировали. И здесь, в мастерской, и на дому. Руками тех, кто имеет удостоверение. Начальство у нас выборное — совет ателье. Возглавляет его сейчас старший инженер одного из отделов завода Ян Степанский.

Так мы познакомились с самоуправляемым, поразительным по своей демократичности учреждением Львова. Оно показывает юным, вступающим на стезю труда: и ты можешь принять в нем участие.

Марина Боднар—монтажница, комсомолка, выпускница средней школы... Таких, как она, много на Львовском телевизорном заводе.

Голубыми окнами, распахнутыми в мир, смотрят экраны новых телевизоров Львовского завода. В их рождении участвуют монтажница Таня Емельянова и старший мастер цеха Игорь Строев.

Фото Дм. Бальтерманца.

В саду.

Фото О. Неелова.

Петрусю Бровке, народному поэту Белоруссии, исполняется 60 лет.

Добрый и светлый талант этого мастера давно полюбился читателям и получил признание не только в родной республике, но и далеко за ее пределами.

Высокое чувство гражданственности и проникновенный лиризм с подкупающей естественностью сливаются в стихах Бровки, а традиционная песенность и прозрачность его письма счастливо сочетаются с современным строем поэтической речи.

Сельский парень, один из первых белорусских комсомольцев, чья юность совпала с великой революцией, Бровка с первых же строк принес в поэзию свежесть восприятия новой жизни, глубокое знание народного быта, романтику созидания.

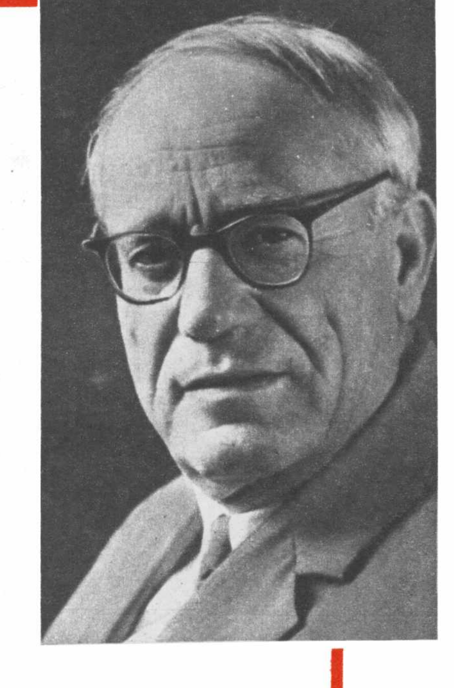
Стихи 30-х годов, гневные строки военных лет, поэмы «Хлеб», «Леса наддвинские», роман «Когда сливаются реки» и, наконец, сборник стихов «А дни идут...», удостоенный Ленинской премии,— все это этапы большого пути талантливого художника.

С годами творчество Бровки, не теряя молодого запала, становится все более зрелым, мастерство его крепнет.

Свое 60-летие Петрусь Бровка встречает в пути, в работе. На днях в русском переводе выходит новая книга его стихов «Труби, мой бор!». А на рабочем столе поэта уже лежит рукопись сборника лирики «Кленовые листья», готовящегося к изданию.

Поздравляя нашего друга, желая ему вдохновения и счастья, мы печатаем сегодня строки из этой, только что законченной им книги.

Петрусь БРОВКА

Свидание с весной

* * *

Все подытожить поспешили
(Твой список послужной не пуст),
Достойно в фас изобразили,
Из глины вылепили бюст.

Биограф проследил по датам —
От прадедов — твой скромный
род.
А библиографами взяты
Все строки строго на учет.

Ты воспевал родную землю,
И у тебя в конце пути
Уже наметился преемник,—
Он может далеко пойти!

Преемник есть? Привет
сердечный!
Желаю счастья и побед!
Но вы позвольте хоть словечко
И мне сказать на склоне лет.

Не одного певца, а многих
Напутствовать почту за честь.
Но я и сам еще в дороге,
Еще живой, такой, как есть!

Хочу искать и спорить, братцы,
Дерзать и пробовать опять,
Пускай порою ошибаться,
Но от друзей не отставать.

Бывает, сам себе твержу я:
— Что мог, то сделал...
Помолчи! —
Но, протестуя, негодуя,
Строка прорежется в ночи.

И зазвучит, не замирая,
Все непокорней и смелей.
А следом двинется вторая,
И третья ринется за ней.

И я в ряду. И я со всеми.
И что мне старые тома?
А точку пусть поставит время,
Она объявится сама...

* * *

Свидание с весною ранней!
Она, пока не грянул гром,
Сквозь толщу белую проглянет
Подснежниковым огоньком.

В окно с налету постучится,
Очистит облачный зенит,
Прикажет возвращаться птицам
И вербы нежно опушит.

На склонах снег растопит ветхий,
Взломает реку, вскроет пруд.
А там, глядишь, уже и ветки
Листвою свежей обрастут.

Зеленое вздымая знамя
И штурм ведя со всех сторон,
Весна прозрачными руками
Стремится небо взять в полон.

Пусть это сделать и не просто,
Дерзание в крови у ней.
И спорят рощи, реки, воздух,
Кто зеленей, а кто синей.

* * *

За окном — пожар зеленый.
Зашумело, занялось.
А вчера еще, казалось,
лес просвечен был насквозь.

Прутья голые в бессилье
леденели на ветру.
Что за сила воскресила
эти ветви поутру?

Каждый лист, неповторимый,
свежий, клейкий, вырезной,
Полыхает, словно факел,
смело поднятый весной.

Листья шепчутся, лопочут —
от окна наискосок.
Их прожилки набухают,
и по ним струится сок.

А лучи сквозь эту зелень
так и рвутся напролом.
День весенних новоселий,
низко бью тебе челом!

Бью челом тебе, природа!
Хорошей и молодей,
Прародительница, щедро
одарившая людей!

Остроту дала ты взору,
сердцу — мужество и пыл.
Не беда, что крыльев нету...
Крылья разум заменил!

Все умеем, знаем, видим,
ценим все твои дары —
И соседние тропинки и далекие
миры.

Наши поиски безмерны,
нам земля уже тесна.
Так шуми, пожар зеленый,
беспокойная весна!

Бью челом тебе, природа!
Первым громом прогреми.
Помогай цветам и всходам.
Будь поласковей с людьми.

Больше света! Больше влаги!
Чтоб и в этот год и впредь
Не желтеть листве до срока,
нам до срока не седеть.

Чтоб на свете жить подольше
всем, а в том числе и мне.
Бью челом тебе, природа!
Низко кланяюсь весне!

* * *

Люблю я пильщиков доселе.
Всегда звучит в моих ушах
Тот спор пилы с упрямой елью —
Шух-шах,
шух-шах,
шух-шах,
шух-шах.

А у пилы характер пылкий,
Змеиный шип у той пилы.
Из-под нее летят опилки,
Как снег, белы, как снег, белы.

Я, прислонясь к стволу сосёнки,
Гляжу на пильщиков в упор.
Один подпер затылком солнце,
Другой
подошвы
в грунт упер.

Я в боровой зеленой школе
Уже мальчишкою постиг,
Что есть у пильщиков мозоли,
Зато достатков — никаких.

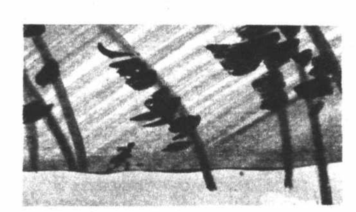

Я благодарен той науке.
Просвет в их жизни наступил,
Когда винтовки взяли в руки
Однополчане вместо пил.

* * *

Есть люди — им всего дороже
Покой, их собственный покой.
Таких ничто задеть не может,
Тревоги в сердце никакой.

Они и бури не заметят.
Не бытие, а сонный быт...
А у меня — чуть вспыхнет ветер —
И сразу сердце зачастит.

Живу, не ведая покоя,
В движении всегда, везде.
Как мельничное колесо я:
То миг на солнце,
То — в воде.

Перевел с белорусского
Яков Хелемский.

Чемпион Европы и восьмикратный чемпион СССР, заслуженный мастер спорта Борис Самородов.

Шипы и розы

Вл. КРУПИН

Чехословацкие детишки любят игру «в слова». Если один говорит: «Море», другой должен отвечать: «Вода». Если произносится слово «космос», в ответ раздается: «Гагарин». И так далее. А если кто-нибудь скажет: «Гонки по гаревой дорожке», то — по свидетельству А. Кубы, заместителя редактора журнала «Свет мотору»,— непременно прозвучит: «Уфа»!

Франтишек Новак, спортивный комиссар ФИМ — Международной мотоциклетной федерации,— высказался еще категоричнее. Закрывая первенство Европы 1965 года по мотогонкам на льду, он обратился к уфимским зрителям со следующими словами:

— Ваш город по праву может считаться столицей мотоспорта. Я поздравляю вас с триумфом спортсменов из Башкирии.

Не скрою, я с особым удовольствием цитирую этих знатоков, потому что сам болею за Уфу. Еще приятнее было бы аккуратно перечислить трофеи, привезенные в Уфу со стадионов Чехословакии, Швеции, Финляндии, Австрии, Великобритании, ФРГ. Но подробный перечень призов занял бы слишком много места, даже если не считать бронзы. Число золотых и серебряных медалей, завоеванных уфимскими мотогонщиками на всесоюзных и международных состязаниях, перевалило сегодня за полсотни!

А началось с поражений.

...Июль 1959 года. Гаревая дорожка. Первая международная встреча — СССР — Польша. Первое серьезное испытание. Из двадцати заездов поляки выиграли шестнадцать.

Через несколько месяцев боевое крещение на льду. Уфа. Кубок дружбы с участием гонщиков Финляндии, Чехословакии, Швеции, СССР. Победили шведы.

К тому времени уфимский гонщик Фарит Шайнуров уже открыл счет «золотым запасам» Уфимского мотоклуба. Он стал первым чемпионом СССР в гонках по гаревой дорожке. Победил и в первенстве страны на льду. Тем горше ощущал он поражение на международной арене! До «мирового стандарта» нашим ребятам не хватило тогда двух шагов. Не хватило хладнокровия, не хватило умения.

Умение — очень емкое слово. Оно не случайно вписано в герб Международной мотоциклетной федерации. Pro virtuti et scientia. За мужество и умение!

Умение гонщика включает в себя многое: нужно отлично знать мотоцикл и уметь подготовить его к долгой борьбе. Нужно уметь управлять машиной на больших скоростях, до 90—95 километров в час, машиной, которая — заметьте! — лишена тормозов. Нужно уметь управлять собой. Лезть вперед напролом, очертя голову нельзя. Трек тесен. Одно неосторожное движение на льду — и можно задеть и поранить соперника шипами. Не забывайте, что на шинах каждого колеса в три ряда установлены длинные стальные шипы: на переднем около сотни, на заднем еще больше! Шипы — это необходимое сцепление со льдом. Три сотни шипов — это 5—6 килограммов веса. Лишняя тяжесть — это потеря мощности, потеря скорости.

Общественное конструкторское бюро при тресте № 3 получило задание постараться облегчить вес шипов. Проявили техническую смекалку и сами гонщики. Почти все они в Башкирии имеют прямое отношение к технике. Борис Самородов — шофер. Юрий Дудорин — механик. Габдрахман Кадыров — студент машиностроительного техникума. Изменив расположение шипов на шине, ребята сумели сократить их число и немного облегчить машину.

Шайнуров, проигравший из-за падения в Уфе Кубок дружбы, занялся проблемой устойчивости на поворотах. У гонщика несколько точек опоры: колеса, стальной башмак на ноге, которой спортсмен притормаживает на вираже, металлический наколенник, позволяющий накренить машину почти до отказа. Фарит пошел дальше: он предложил ввести металлический налокотник. Гонщик получил точку опоры, недостающую в самых критических случаях...

Ответный визит шведам советские гонщики нанесли в 1962 году. Первая схватка в Линчепинге, на льду открытого плавательного бассейна. Итог ее не особенно утешителен. Первое место завоевал швед Хернфельд, второе занял москвич С. Старых, третье — швед Фундин, четвертое, пятое и шестое Самородов и Шайнуров поделили с Холандером. «У русских достаточно высокая техника, но им еще не хватает тактического мастерства,— отмечала пресса,— круг за кругом они идут по одному и тому же следу, не пытаясь импровизировать, не меняя тактики».

Да, в этом была наша слабость. Но если быть честным до конца, то и техники порой не хватало. Немалых трудов еще стоило удержать машину на повороте, когда центробежная сила неумолимо выбрасывала гонщика из седла. Еще немели руки и перехватывало дыхание. Еще сказывалось отсутствие опыта.

Опыт накапливался в каждом заезде, в каждом ледовом бою. В Стокгольме Борис Самородов набрал одинаковое количество очков вместе с Хернфельдом и Фундином — по одинадцати. Для выявления победителя надо было провести дополнительный заезд. Но организаторы соревнований предпочли признать победителями всех троих. Не потому ли, что почувствовали в Самородове грозную силу, которой трудно противоборствовать?

Стадион «Уллеви» в Гетеборге собрал 50 тысяч зрителей — столько, сколько бывает на интереснейших хоккейных и футбольных матчах. Жребий свел Самородова со всеми четырьмя шведами.

Для удобства зрителей, судей да и самих гонщиков спортсмены, выезжающие на старт, надевают нашлемники разного цвета. Старт! Вперед сразу вырывается красный шлем. Зрители, не разглядевшие номер, спешат справиться в программе заездов. Красный цвет принес удачу гонщику по фамилии Самородов.

Новый заезд. С небольшой разницей. Первый — синий шлем. В программе под этим цветом значится... Самородов! Снова меняются цвета. На этот раз финиширует желтый. И опять — Самородов!

Последний заезд. Победил белый. Кто? Самородов.

Гонщики стартуют, как бегуны на двухсотметровке,—перед виражом, а не на прямой. В этом и заключается особая сложность старта. На вираже приходится сбавлять скорость. Иначе мотоцикл дыбится, как необъезженный конь, стремящийся сбросить седока. Самородов чутьем нащупал ту кривую, которая позволяла ему выходить из виража, не уменьшая, а набирая скорость и сохраняя при этом равновесие. Он сразу отрывался от конкурентов и уже не сдавал позиций до самого финиша.

Газеты по-иному заговорили о наших ребятах. «Гетеборгпостен» в статье «Блестящая премьера советских гонщиков» отмечала, что Самородов вписал новую страницу в историю «Уллеви».

За премьерой последовали триумфальные гастроли в Хельсинки и Москве, Стокгольме и Ленинграде. Кубок ФИМ 1963 года завоевал Борис Самородов. Он же увез в Уфу и другой приз, учрежденный Шведской федерацией мотоспорта,— «Трофей наций». А в следующем году гегемония уфимских гонщиков на льду стала безраздельной. На первом первенстве Европы Советский Союз пред-

ставляли четыре гонщика: Габдрахман Кадыров, Вячеслав Дубинин, Юрий Дудорин и Борис Самородов; все — Уфа.

Ленинградский стадион технических видов спорта в день открытия не сумел вместить всех желающих Кто-то из болельщиков выбросил плакат с категорическим призывом: «Золото — в Уфу!» Уфимцы не подкачали ни на одном из пяти этапов. Они выполнили наказ и увезли с собой и золото, и серебро, и бронзу, и четвертое место в придачу. Салютуя победителям, болельщики, пришедшие на финал в Лужники, зажгли десятки тысяч факелов, сделанных из газет и программ.

1965 год. Чемпион Европы—снова уфимец — Самородов. Экс-чемпион Кадыров завоевал на этот раз серебро.

...Но вернемся на гаревую дорожку.

Здесь было, пожалуй, потруднее. Ряд тяжелых уроков преподали советским гонщикам и поляки и чехи. У поляков — отточенная техника езды. Чехи, как никто, готовят машину к соревнованиям. Шведский конек — гибкая тактика, хладнокровие и расчет.

У себя дома получалось неплохо. Дома, как известно, и воздух помогает. Шайнуров, Самородов, Игорь Плеханов уверенно занимали первые места в первенствах Башкирии, РСФСР, Советского Союза. Но стоило им попасть в непривычную обстановку, и более опытный противник брал верх.

Плеханов занялся анализом ошибок и недостатков. Разложив дистанцию на составные элементы, он методично, терпеливо отрабатывал каждое движение, добиваясь автоматизма и непринужденности. Тренер советской команды заслуженный мастер спорта Владимир Иванович Карнеев не раз напоминал, что гонщик должен провести за сезон 60—70 тренировок. Иначе на успех нечего рассчитывать.

Игорь удвоил себе задание, он приходил на стадион каждый день после работы. То, что Самородову давалось по вдохновению, на ходу, Плеханову приходилось брать с боем, кропотливым и вдумчивым трудом.

Борис бросался в схватку азартно, горя от нетерпения поскорей вырваться вперед. И, случалось, срывался. Падал. Игорь не любил падать. Он любил действовать наверняка. Принимал вызов не сразу, частенько, казалось, медлил с решающим броском. Осторожничал? Ни в коем случае! В мужестве ему отказать никак нельзя. Риск? Да. Но основанный на жестком расчете. Быстрота? Да. Но только не суетливость. Безрассудная храбрость спортсмену ни к чему. Очень часто она приводит к потере настоящего мужества. Падение — всегда травма. Не только физическая. Ушибы, синяки — полбеды. Они проходят. Переломы, и те заживают. С психикой сложнее. Травма выводит из строя надолго. Человек начинает осторожничать, перестраховываться. Он возвращается, но он уже не боец. За его плечами и опыт, и техника, и умение. Но теперь не хватает мужества!

Еще в Майкопе, в горькие дни поражений, польский тренер так сказал о Плеханове:

— Я смотрю на Игоря и восхищаюсь: молниеносные старты, железное спокойствие, редкое упорство и вера в себя — все это говорит о большом спортивном будущем советского гонщика.

Гаревая дорожка стала родной стихией для уфимцев. Из Пардубице Плеханов наконец-таки привез в Уфу «Золотой шлем», а на стадионе «Уэмбли» в Англии добыл серебро, оттеснив на ступеньку ниже знаменитого шведа Ове Фундина.

Как мне хотелось бы продолжить хронику наших побед! Рассказать об остальных уфимских богатырях — чемпионах СССР и РСФСР Николае Чернове и Федоре Ивлеве. О спокойном, на первый взгляд медлительном увальне Юрии Дудорине, который бывал самым быстрым и напористым на многодневных гонках в Австрийских Альпах (золотая медаль!) и на льду в Пардубице (приз «Серебряный шип»). О Габдрахмане Кадырове, который показал образец спортивной дружбы, отдав свою машину для выступлений гонщику из ФРГ Конраду Холлериту, когда у того вышел из строя мотоцикл. О новой надежде команды — юном слесаре Юрии Чекранове. Но пора закругляться. Естественный вопрос: в чем секрет уфимцев?

Ярослав Гвезда, генеральный директор объединения «Ява», поставщик гоночных машин, ответил мне на него так:

— Энтузиазм плюс коллектив. Энтузиасты создали гонщикам отличные условия. Коллектив — это значит совместные тренировки, взаимное обогащение мастерством и никаких секретов друг от друга.

Напоследок несколько слов о прошлом сезоне. Он закрывался глубокой осенью в Алмалыке (Узбекская ССР). Здесь на только что открытом треке состоялось первенство СССР. Обновить новую гаревую дорожку прибыли сразу целых три башкирских команды: «Уфа», «Башкирия», «Салават». И гонщики этих команд учинили настоящий разгром всем своим соперникам. Башкирские спортсмены снова заняли все ступеньки почета. Они счастливо улыбались, прижимая к груди завоеванные призы и пышные букеты осенних роз.

Розы были первым трофеем у механика Бориса Бурляева, ученика Шайнурова, и у других молодых мастеров из Уфы, Салавата, Стерлитамака. Первым, но никак не последним. Я верю в башкирских гонщиков. Впереди у них серебряные шипы, живые розы и, главное, золото первенства мира, до которого в прошлом году нашим ребятам оставалась только одна ступенька.

Спидвей — кольцо скорости. На вираже — И. Плеханов и Ф. Шайнуров.

Фото М. Герасимова и Р. Гайнуллина.

Порт Хе

Эрнест Хемингуэй. Мадрид. 1959.

В мае 1950 года в журнале «Нью-Йоркер» появился очерк о Хемингуэе, написанный тогда еще малоизвестной журналисткой Лилиан Росс. В 1961 году очерк был выпущен отдельной книжкой под названием «Портрет Хемингуэя».

Впервые Лилиан Росс встретилась с Эрнестом Хемингуэем накануне рождества 1947 года в городке Кечам, штат Айдахо, куда писатель любил приезжать на охоту и где он трагически погиб в 1961 году. Хемингуэй помог Л. Росс написать ее первый очерк об американском тореадоре Сиднее Франклине, выступавшем в Мексике. Так началось их знакомство и дружеские отношения, которые продолжались до самой смерти Хемингуэя.

Лилиан Росс пишет в своем предисловии к «Портрету»: «Он так много давал, когда говорил, и всегда в том, что он говорил, было так много понимания, сострадания и тонкости чувств... Я попыталась описать предельно точно, каким Хемингуэй, который имел смелость не быть похожим ни на кого на земле, был в действии... попыталась нарисовать портрет человека, каким он был во всей его уникальности и жизненности, со всем его огромным и неувядаемым чувством юмора. Когда он говорил, он был свободен. Звучание и содержание его речи были удивительно живыми».

Нам кажется, что Лилиан Росс удалось справиться с нелегкой задачей: в «Портрете» читатель увидит и услышит живого Эрнеста Хемингуэя.

Лилиан РОСС

Эрнест Хемингуэй — вероятно, величайший в современной Америке романист и мастер коротких рассказов — в Нью-Йорк приезжал редко. Многие годы он почти безвыездно жил на ферме Финка Виджиа, в девяти милях от Гаваны, с женой, девятью слугами, пятьюдесятью двумя кошками, шестнадцатью собаками, двумя сотнями голубей и тремя коровами. В Нью-Йорке он бывал только проездом.

В конце 1949 года по дороге в Европу Хемингуэй остановился в Нью-Йорке на несколько дней. Я написала ему, что хотела бы с ним встретиться. В ответном письме, напечатанном на машинке, он сообщил, что не возражает, и предложил встретить его в аэропорту. «Я не хочу видеть тех, кто мне неприятен, не хочу рекламы, не хочу быть связанным во времени,— писал он.— Собираюсь побывать в зоопарке в Бронксе, в Метрополитэн-музее, Музее современного искусства, Музее естественной истории и хочу посмотреть матч бокса. Хочу увидеть того доброго Брейгеля, что в Метрополитэн, одного, нет, пожалуй, двух хороших Гойя и «Толедо» Эль Греко. Не хочу идти к Тутс Шору [1]. Попытаюсь сделать так, чтобы от приезда до отъезда держать язык за зубами. В ночные кабаки не пойду. Отказ встретиться с прессой не поза. Просто времени у меня хватит только на то, чтобы повидать друзей». Карандашом было приписано: «Чего-чего, а времени у нас в обрез».

В день прилета из Гаваны Хемингуэй не производил впечатления человека, у которого не хватает времени. Он должен был прилететь на аэродром «Айдлуайлд» к вечеру, и я поехала его встречать. Когда я добралась до аэропорта, самолет уже приземлился. Хемингуэй стоял у выхода и ждал жену, которая пошла получать багаж. Одной рукой он прижимал к себе потертый, старый портфель, облепленный ярлыками отелей; другой рукой обнимал какого-то маленького жилистого человечка, на лбу которого выступили крупные капли пота. На Хемингуэе была красная рубашка из шотландки с узорчатым шерстяным галстуком, поверх кирпично-рыжего вязаного жилета — пиджак из коричневого твида, тесно обтягивавший спину и с куцыми рукавами, серые фланелевые брюки, клетчатые шерстяные носки и мокасины. Он был похож на добродушного, смущенного медведя.

Длинные, зачесанные назад волосы были совсем белые на висках, как и усы и неровно подстриженная короткая борода. Над левым глазом — шишка величиной с грецкий орех. Глаза прикрыты очками в стальной оправе, на переносице под дужку был подложен кусочек бумаги. Он вовсе не торопился попасть на Манхэттен. Крепко обнимая рукой портфель, он сказал, что в нем незаконченная рукопись его новой книги «За рекой, в тени деревьев». Не менее крепко он прижимал к себе маленького жилистого человечка и объяснил, что это его попутчик по самолету. Человечка звали Майерс, если я правильно разобрала его невнятное бормотание, и он возвращался из деловой поездки на Кубу. Майерс сделал слабую попытку высвободиться, но Хемингуэй не ослаблял дружеского объятия.

— В самолет все время читал книга,— сказал Хемингуэй.

Он имитировал английскую речь индейцев, но акцент у него был жителя Среднего Запада.

— Думаю, книга понравился,— добавил он, слегка встряхивая Майерса, и с улыбкой поглядел на него сверху вниз.

— Будь здоров! — сказал Майерс.

— Книга его замучил,— продолжал Хемингуэй.— Книга начинался медленно, потом набирал скорость, так что мог сбить с ног. Я нагнетаю эмоцию до тех пор, пока ее становится трудно переносить. Потом мы снижаем скорость, чтобы читателю не понадобился кислород. Книга, как машина: надо тормозить помаленьку.

— Будь здоров! — сказал Майерс.

Хемингуэй отпустил его.

— В книге не может быть ничьей,— сказал он.— Выигрыш может быть любым — и 12 : 0 и 12 : 11.

Майерс ничего не понимал.

— Эта книга лучше, чем «Прощай» [2],— сказал Хемингуэй.— Я думаю, что она самая лучшая. Но ведь всегда судишь предвзято.

---

[1] Ресторан в центре Нью-Йорка, где собираются писатели, художники, артисты. (Прим. пер.)

[2] Имеется в виду «Прощай, оружие».

рет
мингуэя

Особенно, если хочешь быть первоклассным.— Он потряс руку Майерса.— Спасибо, что прочитал книгу,— сказал он.

— Пожалуйста,— сказал Майерс и отошел нетвердой походкой. Хемингуэй посмотрел ему вслед и повернулся ко мне.

— Когда кончаешь книгу, ты словно труп,— сказал он мрачно.— Но ведь никто этого не знает. Зато все уверены, что писателю наплевать на все, когда он кончил работу. Забывают о том, какая это ответственность — писать.

Он сказал, что сильно устал, хотя физически чувствует себя хорошо; ему удалось сбросить вес до 97 килограммов, и давление у него тоже упало. Нужны еще большие переделки в книге, и он твердо решил переписывать ее до тех пор, пока сам не будет абсолютно доволен.

— Романист — это им не игрок в бейсбол, его с поля не выбьешь,— сказал Хемингуэй.— Он должен пройти весь круг, даже если это убивает его.

К нам подошла жена Хемингуэя, Мэри, маленькая, энергичная, жизнерадостная женщина, с коротко подстриженными светлыми волосами, одетая в длинное норковое манто с поясом. За ней носильщик толкал тележку, нагруженную чемоданами.

— Папа, вещи все целы,— сказала она Хемингуэю.— Теперь мы можем идти, Папа.

Своим видом он дал понять, что не собирается торопиться. Он медленно пересчитал чемоданы. Их было четырнадцать, и половина из них — огромные фибровые чемоданы, сделанные, как сказала мне миссис Хемингуэй, по чертежу мужа, и на них стояли вензеля, придуманные им самим. Когда Хемингуэй кончил считать, его жена попросила объяснить носильщику, куда отвезти багаж. Хемингуэй велел носильщику подождать с багажом; затем повернулся к жене и сказал: «Давай не будем спешить, дорогая. По распорядку дня прежде всего полагается выпить».

Мы зашли в бар аэропорта и остановились у стойки. Хемингуэй положил свой портфель на хромированный стул и пододвинул его к себе. Он заказал виски с водой. Миссис Хемингуэй попросила того же, а я заказала чашку кофе. Хемингуэй дал знак бармену налить двойные порции. Он ожидал виски с нетерпением, положив на стойку обе руки и мурлыча какой-то неясный мотив. Миссис Хемингуэй сказала, что надеется попасть в Нью-Йорк до темноты. Хемингуэй ответил, что для него это не имеет ни малейшего значения, потому что Нью-Йорк — город грубый, фальшивый, город, в котором ночью все так же, как и днем, и что он вообще не в восторге от того, что попадет туда. Вот в Венецию ему хочется поехать, сказал он.

— Где я люблю бывать, так это на Западе, в Вайоминге, в Монтане и в Айдахо, и еще мне нравится Куба, и Париж, и окрестности Венеции,— сказал он.— Вест-порт наводит на меня ужас.

Миссис Хемингуэй закурила сигарету и протянула мне пачку. Я предложила сигареты ее мужу, но он сказал, что не курит: курение притупляет обоняние, которое он считает совершенно необходимым для охоты.

— Для человека с тонким обонянием сигареты пахнут ужасно,— сказал он и засмеялся, ссутулившись и поднеся тыльную сторону кулака к лицу, словно защищаясь от удара. И добавил, что может отличить по запаху лося, оленя, опоссума и енота.

Бармен принес напитки. Хемингуэй сделал несколько больших глотков и сказал, что прекрасно ладит с животными, иногда лучше, чем с людьми. Однажды в Монтане с ним жил медведь, и медведь спал рядом, напивался с ним, и они были добрыми друзьями. Он спросил меня, есть ли еще медведи в зоопарке в Бронксе. Я сказала, что не знаю, но совершенно уверена, что медведи есть в Центральном парке.

— В Бронксе я всегда ходил в зоопарк с Гранни Райсом,— сказал он.— Я люблю ходить в зоопарк. Но не по воскресеньям. Я не люблю смотреть, как люди насмехаются над животными, ведь правильнее было бы наоборот.

Миссис Хемингуэй вынула из сумки маленькую записную книжку; она сказала мне, что составила список дел, которые они с мужем должны выполнить до отплытия из Нью-Йорка. Им надо купить крышку для термоса, начальную грамматику итальянского языка, краткую историю Италии, а для Хемингуэя — четыре шерстяных рубашки, четыре пары хлопчатобумажных трусов, две пары шерстяных трусов, ночные туфли, ремень и плащ.

— У Папы никогда не было плаща,— сказала она.— Нам необходимо купить Папе плащ.— Хемингуэй хмыкнул и навалился грудью на стойку.— Хороший, непромокаемый плащ,— повторила миссис Хемингуэй.— И потом ему надо починить очки. Ему нужны очки, которые бы не резали переносицу. Эти причиняют ему боль. Он целыми неделями носит на переносице один и тот же кусочек бумаги и меняет его только тогда, когда хочет как следует вымыться.

Хемингуэй снова хмыкнул.

Подошел бармен, и Хемингуэй попросил принести еще виски. Затем он сказал:

— Мэри, как только мы приедем в отель, мы прежде всего позвоним Капусте.

Он снова засмеялся, поднес кулак к лицу и объяснил мне, что «Капуста» — это ласковое прозвище Марлен Дитрих, его старого друга, и что есть целый обширный словарь смешных кличек и условных оборотов, бытующих на ферме Финка Виджиа.

— Нам доставляет удовольствие говорить на этом шутливом жаргоне,— сказал он.

— Прежде всего мы позвоним Марлен, а потом закажем икру и шампанское, Папа,— сказала миссис Хемингуэй.— Я целую вечность ждала икры и шампанского.

— Капуста, икра и шампанское,— медленно перечислил Хемингуэй, как будто запоминал сложный военный приказ. Он опорожнил свой стакан, кивком попросил бармена повторить и повернулся ко мне.— Хотите пойти со мной покупать плащ? — спросил он.

— Купить плащ и починить очки,— сказала миссис Хемингуэй.

Я ответила, что с радостью помогу ему сделать и то и другое, и напомнила, что он хотел посмотреть бокс. Единственный матч на этой неделе, как я выяснила у одного своего осведомленного друга, состоится сегодня вечером на ринге Сент-Николас. Я сказала, что у моего друга есть четыре билета и он с удовольствием пригласит нас всех. Хемингуэй спросил имена боксеров. Когда я назвала их, он сказал, что все они лодыри.

— Лодыри,— повторила миссис Хемингуэй и добавила, что у них на Кубе боксеры намного лучше.

Хемингуэй посмотрел на меня долгим укоризненным взглядом.

— Запомни, дочка: лучше вовсе не ходить, чем смотреть плохой бокс,— сказал он.— Мы все пойдем на бокс, когда вернемся из Европы, потому что необходимо, совершенно необходимо хоть несколько раз в году увидеть хороший бой. А если долго не ходить на бокс, то и вовсе отвыкаешь от него, а это опасно...— Он закашлялся.— В конце концов,— закончил он,— приучишься киснуть дома.

Мы еще немного посидели в баре, потом Хемингуэи пригласили меня поехать с ними в отель. Багаж погрузили в такси, мы же сели в другую машину. Было уже темно. Мы ехали по широкому проспекту, и Хемингуэй внимательно следил за дорогой. Миссис Хемингуэй сказала мне, что он всегда так делает и обычно садится с шофером. Эта привычка у него еще с первой мировой войны. Я спросила, что они намерены делать в Европе. Они сказали, что собираются провести неделю или около того в Париже, а затем поехать на машине в Венецию.

— Люблю возвращаться в Париж,— сказал Хемингуэй, не отрывая глаз от дороги.— Вхожу как бы с черного хода, не даю никаких интервью, и никто обо мне не знает. И, как в старые добрые времена, ни разу там не стригусь. Люблю ходить в кафе, где знакомых у меня — только один официант да его сменщик. Люблю смотреть новые картины и старые тоже, ходить на велосипедные гонки и бокс и знакомиться с новыми гонщиками и боксерами. Я нахожу хорошие дешевые рестораны, где всегда наготове твоя собственная салфетка. Люблю ходить из конца в конец по городу и смотреть: вот здесь мы ошибались, а здесь рождались у нас изредка светлые идеи. В дымные сумерки изучать программу бегов и пытаться отгадать победителей, а на следующий день ставить на них на бегах в Отейле или Энгиене...

— Папе везет на бегах,— сказала миссис Хемингуэй.

— Когда хорошо знаю программу,— сказал он.

Мы проезжали по мосту Квинсборо, и стали видны небоскребы Манхэттена. Они были освещены. Хемингуэй не обратил на них внимания.

— Не мой это город,— сказал он.— Это город, в который можно только заглянуть. Он убивает. А вот Париж был для меня вторым домом... Я одинок и в то же время донельзя счастлив в этом городе, где мы жили, работали, учились, росли, а потом все стремились вернуться туда.

Другим домом для него была Венеция. Последний раз, когда он был с женой в Италии, они четыре месяца жили в Венеции и в долине Кортина, и он ходил на охоту и сейчас, в новой книге, описал это место и некоторых людей.

— Италия так чертовски прекрасна! — сказал он.— Это как если бы ты умер и тут же вознесся на небеса. Просто невозможно себе представить.

Миссис Хемингуэй сказала, что, катаясь там на лыжах, она сломала себе правую лодыжку, но они все-таки собираются снова поехать туда кататься на лыжах. В Падуе Хемингуэй лежал в больнице с воспалением глаза, но он хочет снова побывать в Италии и повидать своих многочисленных хороших друзей. Он очень хочет увидеть гондольеров в ветреный день, отель «Гритти-палас», где они останавливались в прошлую поездку, и «Локанду чиприани», старый постоялый двор в Торчелло, остров в лагуне к северо-востоку от Венеции, где коренные венецианцы жили еще до того, как построили Венецию. Сейчас всего около семидесяти человек живут в Торчелло, и все мужчины зарабатывают охотой на уток. Там Хемингуэй много охотился на уток с садовником старого постоялого двора.

— Мы плавали по каналам и стреляли уток влет, и я ходил по камышам во время отлива, охотясь на бекасов,— заговорил Хемингуэй.— Через это место проходит путь уток, которые летят из Припятских болот. Стрелял я хорошо и стал уважаемым человеком. Там водится какая-то пичуга, которая, поклевав виноград на севере, летит за ним на юг. Местные люди стреляют их на земле. Мне иногда удавалось бить их на лету. Однажды я выстрелил дуплетом по стае, и садовник закричал от восторга. Идя домой, я подстрелил утку, высоко летевшую на фоне восходящей луны, и она упала прямо в канал. Это потрясло моего партнера, и я думал, что он никогда не успокоится. Не помогла даже бутылка кианти. Каждый из нас взял с собой по бутылке. Свою я выпил по дороге, чтобы согреться. Он же выпил свою, когда не мог больше сдерживать волнения.— Мы помолчали, потом Хемингуэй сказал:—Венеция — чудесная страна.

Хемингуэи остановились в гостинице Шерри-Недерлэнд. Он заполнил анкетку и сказал портье, что не желает, чтобы знали о его приезде. Он никого не желает видеть, ни с кем не хочет говорить по телефону, кроме мисс Дитрих. Затем мы поднялись в приготовленный для них номер, состоявший из гостиной, спальни и маленькой кухни. Хемингуэй задержался у входа, осматривая гостиную. Это была большая комната с кричащими обоями и мебелью под стиль XVIII века. В поддельном камине лежали фальшивые угли.

— Берлога что надо,— сказал он, все еще стоя в дверях.— Они наверняка называют это китайской готикой.

Он вошел, и в гостиной сразу стало тесно. Миссис Хемингуэй направилась к книжному шкафу и исследовала его содержимое.

— Взгляни-ка, Папа,— сказала она.— Они фальшивые. Это не настоящие книги, Папа, а одни корешки.

Хемингуэй положил портфель на ярко-красную кушетку и подошел к шкафу. Затем медленно, с выражением, прочитал названия: «Начальная экономика», «Правительство Соединенных Штатов», «Швеция — земля и люди», «Спи спокойно» Филлиса Бентли.

— Похоже, что мы неуклонно идем к угасанию,— сказал он, стаскивая с себя галстук.

Сняв галстук, а затем и пиджак, Хемингуэй протянул их жене, которая пошла в спальню, сказав, что будет распаковывать вещи. Он расстегнул воротничок и подошел к телефону.

— Позвоню Капусте,— сказал он.

Он позвонил в Плазу и спросил мисс Дитрих. Ее не было, и он попросил передать ей, что ждет ее к ужину. Затем он по телефону заказал в ресторане икру и две бутылки шампанского «Перрье-Жуэ», сухого.

Подойдя снова к книжному шкафу, он постоял там в задумчивости, словно не зная, что сказать, потом посмотрел на картонные корешки и сказал:

— Такие же фальшивые, как и город.

Я сказала, что в эти дни о нем очень много говорят в литературных кругах. Критики толкуют не только о книгах, которые он уже написал, но и о том, что он еще напишет. Хемингуэй ответил, что из всех, кого он не желает видеть в Нью-Йорке, на первом месте стоят критики.

— Они похожи на людей, которые приходят на бейсбол и не могут даже назвать игроков, не заглянув в программку,— сказал он.— Мне наплевать, что делают те, кого я не люблю. Какого черта! Если они в состоянии причинить зло, ну что ж, пускай! Это все равно, что играть в бейсбол и обижаться на то, что тебе дают слишком сильный прямой мяч и ты не можешь поймать его. Это обидно, но игра есть игра.

Хемингуэй сказал, что вслед за критиками, с которыми ему меньше всего хотелось бы встречаться, идут писатели, которые пишут о войне, никогда не понюхав пороха.

— Они похожи на игроков, которые не могут даже поймать хороший мяч, а роняют его на землю и сводят на нет все усилия команды или же, когда подают мяч сами, то стараются вывести из игры как можно больше игроков.

Когда он подавал мяч, сказал он, то никогда не выбивал игроков, если не видел, что это совершенно необходимо.

— Этой рукой я сделал много быстрых и точных бросков,— сказал он,— и всегда старался ловить мяч в воздухе или на земле.

Пришел официант с икрой и шампанским, и Хемингуэй попросил открыть бутылку. Миссис Хемингуэй вышла из спальни и сказала, что не может найти его зубную щетку. Он сказал, что понятия не имеет, где она, но что можно купить другую. Миссис Хемингуэй согласилась и пошла обратно в спальню. Хемингуэй налил два бокала шампанского, один дал мне, из второго отпил сам. Официант с откровенным интересом следил за ним. Хемингуэй втянул голову в плечи и что-то сказал официанту по-испански. Оба они засмеялись, и официант ушел. Хемингуэй с бокалом в руке подошел к красной кушетке и сел. Я опустилась в кресло напротив.

— Я помню, что первая мировая война вызывала у меня такое отвращение, что я целых десять лет не мог писать о ней,— сказал он, неожиданно рассвирепев.— Война оставляет у писателя рану, которая очень медленно заживает. Когда-то давно я написал об этом три рассказа: «В чужой стране», «Какими вы не будете» и «Сейчас я себя предал».

Он назвал имя одного писателя, который писал о войне и считал себя вторым Толстым, но напоминал Толстого лишь тем, что бегал по траве босиком.

— Он и выстрела-то никогда не слыхал, а хочет тягаться с Толстым, артиллерийским офицером, который сражался в Севастополе и отлично знал свое дело, был настоящим мужчиной, будь то в постели, за бутылкой или же просто в пустой комнате, когда он сидел за столом и думал. Я начал очень скромно и побил господина Тургенева. Затем — это стоило большого труда — я побил г-на де Мопассана. С господином Стендалем у меня дважды была ничья, но, кажется, в последнем раунде я выиграл по очкам. Но ничто не заставит меня выйти на ринг против господина Толстого, разве что я сойду с ума или достигну несравненного совершенства.

Хемингуэй сказал, что новая его книга возникла из короткого рассказа.

— А затем я не мог остановиться. Рассказ превратился в роман,— объяснил он.— Так было со всеми моими романами. Когда мне было двадцать пять, я читал романы Сомерсета Моэма и Стефана Сент Виксена Бенета.— Он хрипло засмеялся.— У них уже были книги, и мне стало стыдно, что у меня нет ни одной. Так я написал «Солнце». Мне было тогда двадцать семь лет, и я написал книгу в шесть недель: начал в день моего рождения, двадцать первого июля, в Валенсии и кончил шестого сентября в Париже. Но роман получился дрянной, и я переделывал его почти пять месяцев. Может быть, это послужит примером молодым писателям, и они не станут слушаться советов своих врачей-психоаналитиков. Однажды один из таких врачей написал мне: «Чему вы научились у психоаналитиков?» Я ответил, что очень немногому и надеюсь, что и они почерпнули не больше из моих книг, если вообще поняли их. Боксер, который только защищается, никогда не выиграет. Не лезь на рожон, если не можешь побить противника. Загони боксера в угол и выбей из него дух. Уклоняйся от свинга, блокируй хук и изо всех сил отбивай прямые. Папа все это узнал на собственной шкуре...

Хемингуэй налил себе еще бокал шампанского и сказал, что любит писать от руки, хотя недавно купил себе магнитофон, но все не решается его опробовать.

— Я хочу научиться пользоваться говорящей машиной,— сказал он.— Говорящей машине можно рассказать все и отдать секретарю перепечатать.

Пишет Хемингуэй трудно. И только диалоги даются ему легче.

— Когда люди у меня разговаривают, я не могу быстро записывать их слова, не поспеваю за ними; но всегда делаю это с огромным удовольствием. Я вкладываю в фразу больше, чем она может вместить, потом отпускаю ее в свободный полет, в смелый, даже безумный полет, как летают иногда подлинно хорошие пилоты. Большую часть времени они летают спокойно, по прямой, получая удовлетворение лишь от огромной скорости. Так продлеваешь жизнь. То есть, я хочу сказать, так дольше живут произведения. Ну, что вы скажете на это, джентльмены?

Казалось, этот вопрос имеет какое-то особое значение для него, но он не стал мне объяснять.

Я поинтересовалась, чем, по его мнению, новая книга отличается от других. Он посмотрел на меня тем же долгим, укоризненным взглядом.

— А как вы сами думаете?— спросил он, помолчав.— Не хотите же вы, чтобы я написал что-нибудь вроде нового «Прощай, оружие» — о солдатах в Аддис-Абебе или о солдатах, захвативших канонерку?

Он сказал, что книга его — о командирах во вторую мировую войну.

— Меня не интересуют все эти «якобы солдаты».— Он снова разозлился.— Или несправедливости, которые претерпел лично Я — с большой буквы. Меня, черт побери, интересует жестокая наука войны!

В новом романе, по его словам, много грубых слов.

— Это потому, что на войне разговаривают грубо, хотя я всегда стараюсь выражаться вежливо,— сказал он.— Мне кажется, что в этом отношении роман сильнее, чем «Прощай».—Он дотронулся до портфеля.— В этой книге нет той молодости и наивности. — Потом он спросил устало: — Ну, что вы скажете, джентльмены?

В дверь постучали. Хемингуэй быстро встал и открыл дверь. Это была Марлен Дитрих. Их встреча была радостной. Миссис Хемингуэй вышла из спальни и радушно приветствовала гостью. Марлен Дитрих отступила на шаг от Хемингуэя и одобрительно оглядела его.

— Папа, ты выглядишь чудесно,— медленно сказала она.
— Я соскучился по тебе, дочка,— сказал Хемингуэй. Он поднес кулак к лицу, и его плечи затряслись в беззвучном смехе.
Мисс Дитрих была в норковой шубе. Она громко вздохнула, сняла шубу и отдала ее миссис Хемингуэй. Потом снова вздохнула и опустилась в глубокое мягкое кресло. Хемингуэй налил в бокал шампанское, подал ей и наполнил остальные бокалы.
— Капуста в отличной форме,— сказал он, передавая мне мой бокал.

— Через несколько месяцев я тоже собираюсь стать дедушкой,— сказал он.— Жена моего сына Бамби ждет ребенка.
Миссис Хемингуэй объяснила мне, что Бамби — прозвище старшего сына ее мужа, Джона, армейского капитана, находящегося в Берлине. Второй сын, Патрик, по кличке «Мышонок»,— студент второго курса Гарвардского университета, ему двадцать один год, он собирается жениться в июне. А Грегори, прозванный «Жижи», только что поступил в военную академию Сент-Джон в Аннаполисе. Ему всего восемнадцать. Кроме нынешней миссис Хемингуэй

Эрнест Хемингуэй, Марлен Дитрих и театральный критик Джордж Джин Натан.

Эрнест Хемингуэй—военный корреспондент. 1944.

Затем он пододвинул стул и сел рядом с Марлен Дитрих. Они стали говорить о друзьях и о себе. Говорили о театре и о кинематографистах, одного из которых Хемингуэй называл «морским пиратом».
Марлен поинтересовалась, почему он называет его так.
— Потому что море больше, чем суша,— ответил Хемингуэй.
Миссис Хемингуэй вышла из комнаты и через несколько минут принесла бутерброды с икрой.
— Мэри, я рассказываю Папе, что, став бабушкой, я себя должна вести по-другому,— сказала Марлен, беря бутерброд.— Мне приходится все время думать о детях. Ты же знаешь, Папа?
Хемингуэй понимающе хмыкнул, а Дитрих достала из сумочки несколько любительских снимков внука и дала их нам посмотреть. Она сказала, что внуку здесь полтора года. Хемингуэй сказал, что малыш похож на чемпиона бокса и что, будь он сам боксером, он гордился бы таким здоровьем.
Мисс Дитрих сказала, что у ее дочери скоро будет второй ребенок.
— Я стану двойной бабушкой, Папа,— сказала она.
Хемингуэй невесело посмотрел на нее.

Патрик собирается пригласить на свадьбу вторую жену Хемингуэя, Полину Фейфер, мать его и Жижи. Первую жену Хемингуэя, мать Бамби, звали Хедли Ричардсон, теперь она миссис Поль Скотт Моурер. Третьей женой Хемингуэя была Марта Геллхорн.
— Все, что мы делаем, мы делаем ради наших детей,— сказала Марлен Дитрих.
— Все для детей,— подтвердил Хемингуэй... Он наполнил ее бокал.
— Спасибо, Папа,— сказала она и вздохнула.— Я живу в Плазе,— сказала она ему,— но большую часть времени провожу у дочери на Третьей авеню. Папа, ты бы видел меня, когда дочь с мужем уходят,— продолжала она и отхлебнула шампанского. — Я нянька. Как только они уходят из дома, я принимаюсь расхаживать по квартире, заглядываю во все щели, закрываю ящики, вытираю пыль. Я не могу быть в доме, если там беспорядок и грязь. Я лазаю по всем углам с полотенцем, которое приношу с собой из Плазы, и убираю во всем доме. Потом они приходят — в час или два ночи, а я забираю с собой грязное полотенце и детское белье, которое надо постирать, и с узлом ухожу и беру такси — шофер думает, что я старая прачка с Третьей авеню, подсаживает меня в

машину и сочувствует мне, а я боюсь ему сказать, что мне надо в Плазу. Я выхожу из машины за квартал от дома и иду пешком со своим узлом, и стираю вещички ребенка, и только после этого ложусь спать.

— Дочка, ты это делаешь не для них, а для себя,— сказал Хемингуэй серьезно.

В дверь позвонили. Рассыльный принес цветы. Миссис Хемингуэй открыла коробку и достала зеленые орхидеи, их прислала ее мать. Она поставила цветы в вазу и сказала, что пора заказывать ужин.

За ужином Хемингуэи и Марлен Дитрих говорили о войне. Все трое видели ее близко. Миссис Хемингуэй, в то время Мэри Уэлч, была корреспондентом «Тайма» в Лондоне, где и познакомилась с Хемингуэем. Оба они довольно часто встречались с Марлен Дитрих там, а позже в Париже. Она работала во фронтовой актерской бригаде и выступала почти на всех фронтах Европы. Она погрустнела, когда заговорила о войне. Она любила выступать перед солдатами, и теплое отношение этих людей, оторванных от дома, по ее словам, было для нее дороже всего.

— Они были такими, какими людям надо быть всегда,— сказала Марлен.— Не подлецами и не трусами, а просто людьми, хорошо относящимися друг к другу.

Хемингуэй выпил за ее здоровье.

— Наконец-то я поняла, почему теперь, когда война кончилась, Папа иногда кажется таким забитым,— сказала миссис Хемингуэй.— Потому что у него нет случая показать свою храбрость в мирное время.

— На войне все по-другому,—сказала Дитрих.— Люди не так черствы и помогают друг другу.

Хемингуэй спросил у нее о пластинках, которые она записала во время войны,— это были популярные американские песни, переведенные на немецкий язык. Он сказал, что хотел бы их иметь.

— Меняю рукопись своей новой книги на эти пластинки, дочка,— сказал он.

— Папа, с тобой я не меняюсь. Я тебя люблю.— сказала мисс Дитрих.

— Лучше тебя я никого не видал на ринге,— сказал Хемингуэй.

На следующее утро меня разбудил телефонный звонок. Хемингуэй просил меня немедленно приехать в отель. Голос его показался мне встревоженным. Я быстро проглотила чашку кофе, и, когда подошла к его номеру, дверь оказалась открытой. Я вошла. Хемингуэй говорил по телефону. На нем был клетчатый оранжевый купальный халат, который, кажется, был ему мал. В руке он держал бокал с шампанским. Его борода была еще более всклокоченной, чем вчера.

— Мой сын Патрик приезжает из Гарварда, и я просил бы оставить ему номер,— говорил он в телефон.— Патрик, первая буква «П».— Он помолчал и отхлебнул из бокала.— Большое спасибо. Он приезжает из Гарварда.

Хемингуэй положил трубку, достал из кармана халата коробочку с пилюлями, высыпал две на ладонь и запил их шампанским. Он сказал мне, что встал в шесть утра, что жена еще спит, что утром он достаточно поработал и теперь хочет поговорить. Разговаривая, он отдыхает. Он всегда просыпается на рассвете, потому что у него очень тонкие веки, а глаза очень чувствительны к свету.

— Я видел все восходы солнца, которые были на моем веку, а это полсотни лет,— сказал он.

Этим утром он очень внимательно перечитал рукопись.

— Я проснулся утром, и у меня в голове стали складываться фразы, и мне надо было от них избавиться — выговориться или записать их,— сказал он.— Как вам понравилась Капуста?

Я сказала, что очень.

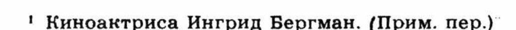
— Я люблю Капусту и люблю Ингрид[1],— сказал он.— Если бы я не был женат на мисс Мэри и не любил бы мисс Мэри, я бы попытался подцепить обеих. У одной есть то, чего нет у другой, и мне нравится все, что есть у каждой.— На мгновение он удивился своим словам, а затем быстро добавил: — Никогда не женился бы на актрисе: они должны делать карьеру и работают в очень неудобное время.

Я спросила его, все ли еще он собирается купить себе плащ. Он ответил, что, конечно, собирается, но не желает толкаться в толпе; к тому же на улице холодно.

На маленьком столике возле кушетки в двух ведерках со льдом стояли бутылки шампанского. Он взял бокал, вынул одну из бутылок и заглянул в нее. Она была пуста. Тогда он откупорил вторую бутылку и, пока наливал шампанское в бокал, запел: «Дайте, дайте мне патроны и не выгоняйте меня из третьей дивизии. Ты солдат с собачьей мордой, парень мировой». Помолчав, он объяснил:

— Это песня третьей пехотной дивизии. Мне она нравится, и я всегда пою ее, когда душа просит музыки. Я люблю всякую музыку, даже оперную. Но у меня нет голоса, и я не умею петь. У меня чертовски хороший слух, хотя по слуху я не могу играть ни на одном инструменте, даже на рояле. Мать хотела научить меня играть на виолончели. Однажды она для этого даже забрала меня из школы. А я хотел играть в футбол. Ей же хотелось, чтобы у нас в доме звучала камерная музыка.

Окончание следует.

[1] Киноактриса Ингрид Бергман. (Прим. пер.)

КОМАНДИР «КЕРЧИ»

Четвертый этаж старинного дома в центральном районе Москвы. Дверь в квартиру открыла женщина, удивительно знакомая, хотя я твердо знал, что раньше я ее никогда не видел. Небольшого роста, энергичная, подвижная. Это правнучка Г. И. Невельского — Анна Сергеевна Кукель. Мы знакомимся и продолжаем разговор в единственной комнатке, которую она занимает. Здесь я узнал удивительную историю внука адмирала-Владимира Андреевича Кукель-Краевского.

Он, по примеру деда, воспитывался в Морском корпусе. Служил на многих боевых кораблях и в июне 1917 года был переведен на Черноморский флот, где 29 марта назначен командиром эскадренного миноносца «Керчь»—одного из наиболее революционных кораблей Черноморского флота.

Выдающаяся роль принадлежит В. А. Кукель-Краевскому в выполнении приказа В. И. Ленина: затопить суда Черноморского флота в Новороссийске.

Получив 16 июня 1918 года от изменника-командующего приказ о возвращении эскадры в Севастополь, В. А. Кукель-Краевский на общем собрании команды «Керчи» заявил, что он и еще несколько матросов решили этого приказа не исполнять и принять все меры к тому, чтобы затопить не только свой эсминец, но и те корабли, которые сами этого сделать не смогут. Команда единодушно поддержала своего командира и поручила ему единоличное командование кораблем, что в то время являлось признаком совершенно исключительного доверия. 17 июня часть судов под влиянием контрреволюционеров вышла на внешний рейд Новороссийска, чтобы идти в оккупированный немцами Севастополь. На «Керчи» был поднят сигнал: «Судам, идущим в Севастополь: позор изменникам России».

Вечером на «Керчи» состоялось совещание, на котором была избрана специальная комиссия и разработан план действий. А 18 июня 1918 года на рейд были выведены линкор «Свободная Россия», 8 эсминцев и миноносцев. Во второй половине дня линкор и эсминец «Фидониси» были торпедированы, у остальных кораблей взорваны машины и открыты кингстоны. Вечером В. А. Кукель-Краевский продиктовал радисту текст известной радиограммы: «Всем, всем. Погиб, уничтожив те корабли Черноморского флота, которые предпочли гибель позорной сдаче Германии. Эскадренный миноносец «Керчь».

Ночью эсминец пришел в Туапсе, команда была свезена на берег, и на рассвете 19 июня корабль был затоплен на рейде.

С приходом в Новороссийск германо-турецких крейсеров «Гебен» и «Гамидие» В. А. Кукель-Краевский был вынужден скрываться, пробрался в Астрахань. С этого времени и до мая 1920 года он работает начальником штаба Волжско-Каспийской флотилии. Приказом Реввоенсовета Республики он награжден орденом Красного Знамени «за самоотверженную работу по организации победы на Каспийском море».

Затем В. А. Кукель-Краевского назначили начальником штаба Балтийского флота. С 1921 года он на дипломатической работе.

Жизнь его оборвалась трагически. В 1937 году он был арестован и погиб 19 декабря 1940 года.

А. АЛЕКСЕЕВ,
кандидат географических наук

САШУ СПАСЛИ

Горе пришло в семью Аллы Цыбулаевой неожиданно. Она сжигала в огороде мусор и на минуту отлучилась. К костру подошел четырехлетний Саша, подошел близко, и на нем вспыхнула рубашка. Какая-то минута, и тело ребенка обгорело.

В Зуйской больнице делали все возможное, но ожог глубокий, третьей степени. Необходима пересадка кожи. Мать предложила свою, но у нее на руках восьмимесячная Людочка, и, кроме того, кожи нужно много, у одного человека столько нельзя взять.

Молодой хирург Николай Калинский выехал в Красновку к Сашиным землякам и рассказал им о смертельной угрозе, нависшей над их маленьким односельчанином. Безразличных к судьбе мальчика не оказалось. Сплошной стеной встали доноры-добровольцы.

— Берите нашу кожу,— сказали,— пересаживайте Саше, только пусть живет...

Из них отобрали 9, у которых была Сашина группа крови. В больницу приехали и легли на операционный стол недавно вернувшиеся со службы во флоте двоюродные братья Федор и Владимир Нечаевы, тракторист Иван Рябченко, прицепщик Илья Мунтян, строители Петр Ламаренко и Яков Белоус, шестнадцатилетние ученики вечерней школы Аня Шумейкина и Володя Николюк, табаковод Николай Шкворец — работы много, и все нужно сделать быстро.

Врачи Николай Калинский, Владимир Кремнев, Владимир Белоблотский, хирургические сестры Галина Бахметьева и Галина Петрова четыре часа не сходили со своих рабочих мест. На помощь зуйским медикам поспешила из Симферополя хирург Вера Мазурова.

Саше сделали спасительную «рубашку». Саша выздоравливает.

Д. ПРИКОРДОННЫЙ,
собкор «Огонька»

А. **Пластов** (Москва) НАШИ ИДУТ.

Н. Толкунов (Москва) 49 ДНЕЙ В ОКЕАНЕ.

Для № 24 «Огонька» репортаж о чемпионате Европы по баскетболу делался за «пять минут» до конца — неделя предварительных игр была уже позади,— два дня еще требовались для полуфинальных и финальной встреч. А теперь нам остается завершить репортаж фотографией. Вот она перед вами:

Первая секунда победы команды СССР.

Фото А. Бочинина.

СЕМЬ ЧЕМПИОНОВ

А. КУЛЕШОВ

После того как наша команда борцов классического стиля завоевала шесть золотых медалей на чемпионате мира в Карлсруэ, казалось невозможно сделать большее. Однако в Тампере этот рекорд побит: семь советских борцов вернулись на родину с золотыми медалями чемпионов мира.

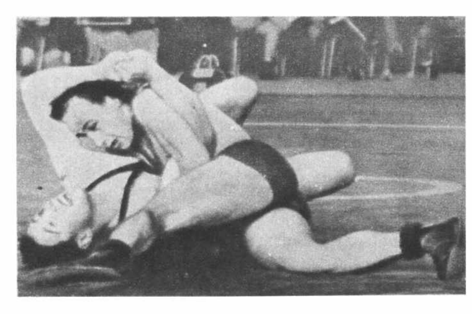
Когда я обратился к президенту Международной федерации борьбы французу Роже Кулону с просьбой прокомментировать этот результат, он сочувственно взглянул на наших радостно обнимавших друг друга тренеров и сказал:

— Очень хороший результат для борцов. Очень неважный результат для руководителей: получите следующий раз шесть медалей, вам дома скажут: «Всего-то! Заметный регресс...»

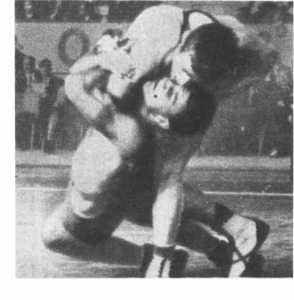
Господин Кулон — шутник. Но недаром говорят: в каждой шутке есть доля истины. Как бы действительно не нашелся у нас кто-нибудь, кто через год, если мы одержим победы «всего» с четырьмя-пятью медалями, не стал бы ворчать: вот, мол, сдали позиции...

Спорт есть спорт, в нем одерживаются победы, большие и малые. В нем, между прочим, терпят иногда и поражения. Ведь растет не только техника, не только совершенствуются методы подготовки. Главное, приходят новые люди. А люди ведь разные.

Ю. Григорьев — тот рубака. Только вступив на ковер, он начинал неустанно трудиться. Он «работал» безостановочно и самозабвенно, подавляя своих противников энергией, напористостью. Г. Сапунов — образец воли и мужества. Но позвольте, скажут знатоки, ведь Сапунов не новичок, он чемпион мира 1963 года. Правильно! Только выступал он тогда в полулегком весе, а теперь пробовал свои силы в легком. На таком уровне, как первенство мира, это все равно, что дебютировать. Однако собранность и воля Сапунова не подвели его. Посмотрели бы вы, как он боролся с иранцем М. Мирмаленком!

Г. Сапунов побеждает норвежца О. Барли.

Р. Богданас ведет схватку с польским борцом Б. Мацкевичем.

Фото АП — ТАСС.

А наш тяжеловес Н. Шмаков, о котором одна газета писала, что ему не хватало только ковбойской шляпы и пары пистолетов на поясе, чтоб выглядеть героем-красавцем американского боевика! Шмаков стал представителем совсем другого стиля. О нем Кулон выразился так:

— Шмаков, видимо, замечательно борется, только я не могу сказать, как,— не успел рассмотреть.

Действительно, на все схватки, кроме первой, когда он осваивался и выиграл лишь по баллам, Шмаков затратил меньше времени, чем полагается на одну. Его противники разнообразно и красиво, каждый по-своему, летели на ковер. Особенно эффектно это выглядело во время встречи с олимпийским чемпионом венгром И. Козмой, весящим 144 килограмма. На него тоже было потрачено всего около четырех минут.

— Слушай,— спросил меня тренер французской команды Р. Баллери, словно завороженный, наблюдавший эту битву,— у вашего Шмакова случайно нет сыновей? Если есть, пришли одного, тогда у нас хоть через десять лет будет чемпион!

Как видим, искусство наших борцов не имеет предела. К сожалению, предел есть у журнальных страниц — обо всем не расскажешь. Но как обойти молчанием Р. Богданаса и В. Анисимова, С. Рыбалко и А. Колесова? Ведь тот же Колесов уже не в первый раз завоевывает титул чемпиона мира!

Когда-то специалисты присвоили прославленному В. Балавадзе звание профессора борьбы. Думаю, что своим искусством Колесов тоже вполне заслужил это почетное звание. Впрочем, как и все его шесть друзей.

Тампере—Москва.

ТЕАТР ДЕТЯМ

На небольшой скромной афише несколько загадочное название: «Факел золотого огня». Это феерия на воде, на льду и на суше в постановке Московского гастрольного театра комедии.

С первых же минут представления ребята попадают в сказочный мир. Их добрые знакомые — доктор Айболит, барон Мюнхаузен, капитан Григорьев, веселый робот «ДЭМ-65» со множеством невероятных приключений добывают заветный факел — тот самый, который приносит людям счастье. Конечно, в этом героям помогают школьники, смелые, отважные пионеры.

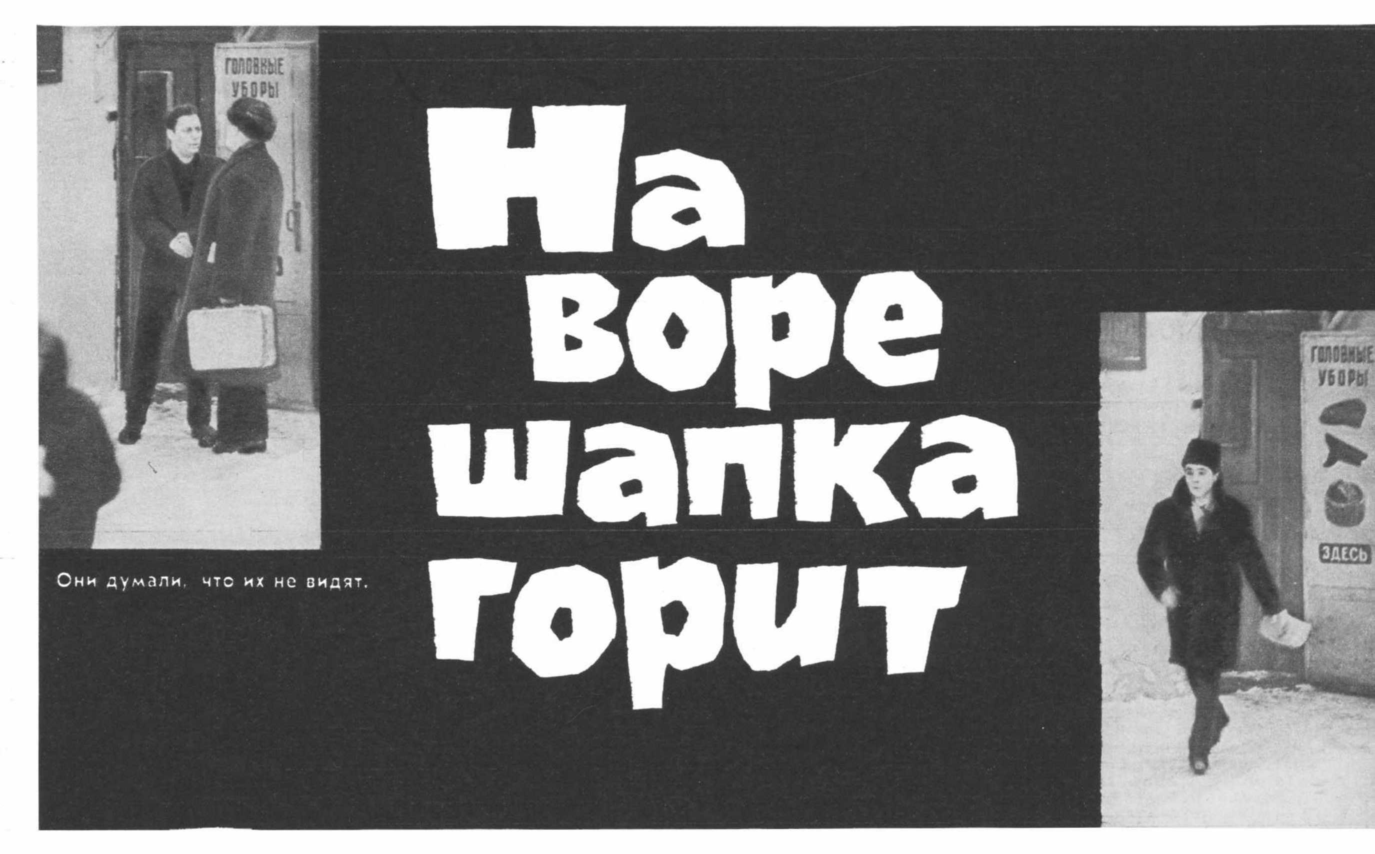
В спектакле-ревю объединены почти все жанры: балет на льду, цирковая акробатика, художественная гимнастика и... плавание в бассейне. Русалки и Ихтиандр из «Человека-амфибии», как им и полагается, выходят из своей стихии.

Надо отдать должное талантливости коллектива театра и артистам Госконцерта, смелости и изобретательности режиссера Ю. Левицкого.

Р. ЛИХАЧ

Т. АИРАПЕТЯН, Е. УМНОВ,
специальные корреспонденты
«Огонька»

На воре шапка горит

Они думали, что их не видят.

Хотя и несколько узковатая, эта дверь выгодно отличалась от множества других дверей. Она несла на своих петлях двойную нагрузку. Если ее сородичи только открывались и закрывались, то эта дверь служила еще и рекламой. На тыльной ее стороне красовались слова: «Головные уборы...» Бывало, отопрут ее утром, распахнут, и начнет она зазывать клиентов в мастерскую на Каланчевской улице.

От заказчиков не было отбоя. Удивляло лишь то, что в помещении, где буквально нельзя повернуться, такой размах. Настораживало также поведение многих посетителей мастерской. Перешагнув со свертками за порог, они воровато оглядывались и старались быстро скрыться в толпе прохожих. Работники ОБХСС заинтересовались несколькими подозрительными людьми, которые периодически навещали мастерскую. Одни из них направлялись к заветной двери с пустыми чемоданами, а выходили, заметно сгибаясь под тяжестью, другие же, оставив содержимое саквояжа, покидали мастерскую налегке. Поступали в милицию и сигналы о том, что в мастерской шьют шапки из меха, предназначенного для экспорта.

Следственный отдел на Московской железной дороге совместно с работниками ОБХСС решил пресечь махинации жуликов.

По просьбе «Огонька» Министерство охраны общественного порядка РСФСР разрешило принять участие в этой работе фотокорреспонденту и автору этих строк.

Мы были свидетелями тщательной разработки предстоящей операции группой следователей и оперативных работников под руководством подполковника милиции А. М. Ромашова. Взвешивались все «за» и «против», уточнялись мельчайшие детали, каждому ставилась задача.

И вот один из дней конца минувшей зимы. Рано утром одновременно в нескольких направлениях ринулись милицейские машины.

Стук. Открывается дверь, и мы в квартире работника мастерской Б. И. Шнайдермана. Хозяина дома знакомят с постановлением о его задержании и предъявляют ордер на обыск. Его лицо выражает удивление с примесью негодования: мол, что за произвол и беззаконие.

Но сотрудников милиции не удивишь этим. Они давно знакомы с такими нарочитыми минами. Очень вежливо сотрудники милиции предлагают Шнайдерману одеться. Его увозят, а в квартире в присутствии понятых начинается обыск.

Одновременно обыски идут в домах и у других участников подпольного бизнеса. Чуть позже был произведен детальный осмотр мастерской.

Комната, где расположился штаб сотрудников операции, к вечеру оказалась буквально заваленной так называемой «левой» продукцией. Здесь несколько десятков меховых шапок, свыше сотни кепок, гора всевозможных кусков тканей, различные шкурки.

Вначале задержанные лгут, отрицают свою причастность к преступлению, пытаются свалить вину на другого, грызутся, как пауки в банке.

Вот диалог на очной ставке между Б. Д. Смагиным, который выполнял заказы на дому, и бригадиром мастерской М. А. Гицисом.

Смагин: — Знаком с Гицисом с пятьдесят девятого года.

Гицис: — Врет. Я видел его раза два в мастерской. Но фамилии и имени его не знаю.

Смагин: — Так вы же были у меня на дне рождения дочери. Ведь

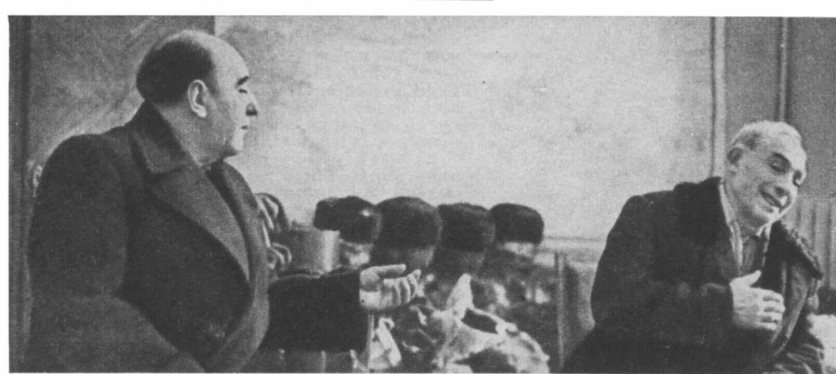
Штаб оперативной группы.

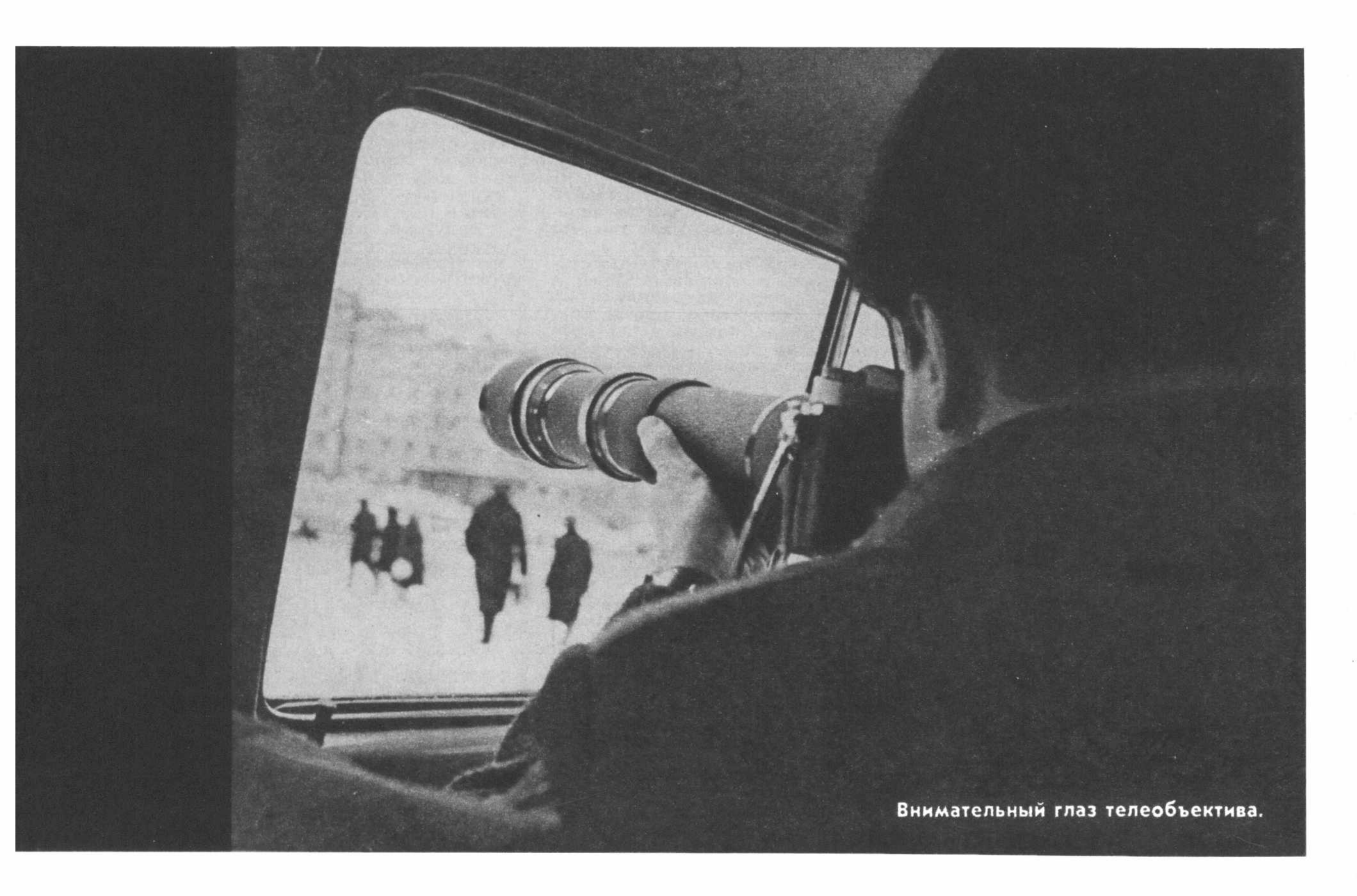
Идет обыск на квартире.

Очные ставки.

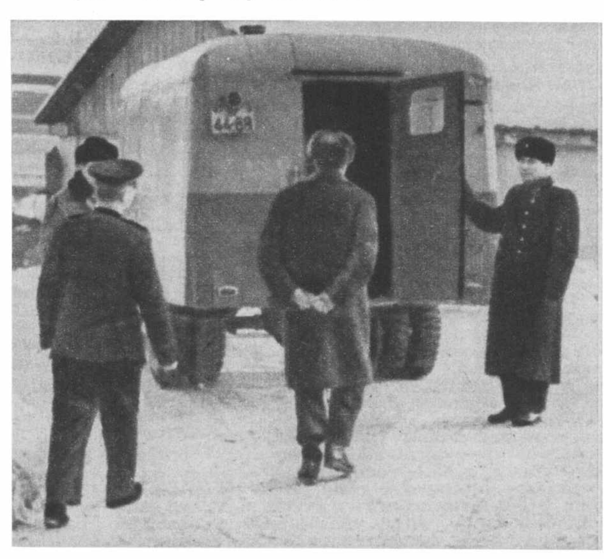

Внимательный глаз телеобъектива.

Найдена крупная сумма денег.

Куда ведет преступный путь...

эту шапку сшил вам я. (Показывает на шапку, которую держит в руках Гицис.)

Гицис:— Вроде припоминаю...

А вот другой диалог того же Гициса с надомником Функовым.

Гицис: — Этого гражданина я не знаю.

Функов: — Как же так?! Вы же сами мне давали заказы.

Гицис: — Вроде один раз какой-то чемодан с товаром я тебе закрывал. Но что в нем было, мне неизвестно.

Функов: — Припомните. Клянусь честью (?!), это ваш товар...

Неопровержимые вещественные доказательства, данные экспертизы, показания свидетелей изобличают жуликов, и они становятся разговорчивыми.

Гицис после долгого запирательства наконец признается в совершении преступления и рассказывает о грязных махинациях.

— Мне нет смысла молчать. Я уже был ранее осужден к восьми годам,— говорит он.— Шнайдерман поставил передо мною условия, что примет меня на работу, если я дам ему восемьсот рублей и возьму на себя бригадирство, но бригадиром буду формально, фактически мастерской должен руководить он. Я согласился.

Разные люди приносили похищенные меха и ткани, и из них мы шили головные уборы. Шапки продавали по повышенным ценам, без квитанций. У заказчика мы принимали такой кусок меха, от которого может остаться часть после пошива шапки. Чтобы выполнить план, мы выписывали квитанции на вымышленных лиц. Обычно наши заказы выполняли нелегальные надомники. А что касается мастера Шнайдермана и его дружков, то они в рабочее время ходили по ресторанам или играли в карты.

Картину стяжательства дополняет бурная деятельность нелегальных надомников. Смагин из похищенных материалов сшил 500 шапок. В мастерской, реализовав их без квитанций, выручили более 15 тысяч рублей. У Функова обнаружили неоприходованного товара на сумму 400 рублей. Пожалуй, пальма первенства по части подпольной работы на дому принадлежала М. В. Чурилову. Он успел за короткое время сколотить изрядное состояние и положить на книжку 4 100 рублей.

Отдать должное нужно и его корысти и жадности. При обыске в его квартире нашли крупную сумму денег. Сотрудник милиции стал пересчитывать их. Чурилов бросился на стол и лег на деньги.

Здесь читатель вправе спросить: как могли среди бела дня на людном месте в столице свить свое гнездо жулики? Неужели их никто не проверял и не заглядывал к ним?

Представьте себе, не проверяли, а что касается визитов, то здесь особый разговор.

Мастерская, о которой мы ведем речь, подчинялась ОРСу Московско-Рязанского отделения железной дороги. Руководители высоких инстанций очень уж лелеяли тружеников фронта головных уборов.

Например, заместитель начальника ОРСа З. Д. Лукина предлагает закрыть мастерскую. Начальник же Московско-Рязанского отделения Московской железной дороги А. Е. Гнатюк иного мнения. Он 4 ноября 1962 года пишет на имя начальника отдела зданий и сооружений товарища Сазонова такое письмо: «Обязываю Вас в 10-дневный срок рассмотреть договор с райпотребсоюзом Куйбышевского района на аренду помещения под мастерскую головных уборов, занимаемого в доме № 29/31 по Каланчевской улице...»

В следующем году по настоянию начальника отделения дороги Шнайдерману предоставляется отдельная квартира.

Но было бы несправедливо, если бы мы упрекнули А. Е. Гнатюка заботами о магах иглы и козырька лишь на расстоянии. Он частенько сам навещал мастерскую. Благодарный Шнайдерман в знак глубокого уважения подарил А. Е. Гнатюку две шапки из ондатры и возил на своей машине на лоно природы, где у ночного костра жарились шашлыки...

Итак, кропотливый труд следователей по делу преступников, орудовавших в мастерской на Каланчевской улице, начатый еще зимой, в настоящее время завершен. Лазейка стяжателей с рекламой «Головные уборы» забита.

А. РЕМЕЗОВ

Фельетон

Рисунок В. Черникова.

Это не игрушки

Вряд ли кто-нибудь из читателей не был свидетелем такой сценки.

Дети ссорятся из-за куклы. Девочка тянет куклу к себе и кричит:

— Отдай сейчас же, негодный мальчишка! Это моя кукла! Отдай, или я пожалуюсь...

— Нет, это ты отдай! — отвечает на высоких нотах «негодный мальчишка».— А то это я пожалуюсь...

Ссора обычно прекращается из-за быстрого примирения сторон или активного вмешательства взрослых. Дети оставляют куклу в покое и принимаются за другие игрушки.

Ссора, о которой я хочу рассказать, была далеко не безобидной, хотя и протекала по тому же самому принципу «отдай-отдай». Состоялась она в минском суде.

Ссорились бывшие супруги. Ссорились долго, рьяно, прибегая при каждом удобном случае к образным выражениям и к реальным угрозам. На то они и взрослые! Но делили эти взрослые не куклу, нет! Никак не могли поделить они шестилетнюю голубоглазую Олю.

— Отдай дочь, негодяй! — кричала разгневанная супруга.— А не то я буду писать выше...

— И не подумаю. Мой ребенок! — отвечал супруг и тоже клялся жаловаться выше и дальше.

А несколько лет назад он и она клялись друг другу совсем в другом. Они рисовали радужные планы на будущее и созывали родных и близких на свадьбу. Гости несли подарки, выкаблучивали лявониху, кричали «горько» и лезли целоваться с молодыми — шофером Леонидом и медсестрой Галиной.

А затем между супругами пробежала кошка. Вскоре после рождения Оли хлопнула Галина дверью и отбыла устраиваться на работу в соседнее село. Сначала изредка навещала дочь, потом перестала приезжать совсем. Как говорят об этом документы, «девочка была оставлена матерью у бабушки и отца в грудном возрасте, вскормлена искусственно, матери не знает».

Лишь через два года вспомнила Галина о девочке и обратилась в суд с требованием возвратить ребенка. С тех пор и начались судебные споры. Папа просит призвать к порядку маму и «присудить» Олю ему. Мама ругает папу и грозит забрать дочь с помощью судебных исполнителей.

— Раз пошли на принцип, да чтоб я уступил ей?! — говорит папа.

— Назло мужу силой отберу Ольгу! — клянется мама.

Отцовский дом, в котором живет девочка, постепенно стал напоминать осажденную крепость. Двери на крепких запорах, гостей придирчиво расспрашивают через форточку, кто они и зачем пожаловали. Девочку если и выпускают на улицу, то только под усиленной охраной.

Как-то к дому подкатил автобус. Трое дюжих молодцов гуськом подошли к крыльцу, хором пробасили:

— Мы туристы. Заблудились. Нельзя ли попить воды?

«Туристы» переступили порог, схватили Олю и бросились за ворота.

Примерно через месяц ответную экспедицию провели отец и тетка. Машину поставили недалеко от дома матери и тщательно замаскировали. Ждали час, два. Как только Оля показалась во дворе, ее подхватили на руки и увезли.

Прошло еще время. Снова к дому отца подкрадывается несколько человек. Мать и работники милиции. И хотя все превосходно знают, что насильственным путем запрещено отбирать ребенка, наступающие бросаются врукопашную. Ломаются двери, летят выбитые рамы, стекла... Мать лезет в окошко, вступает в драку с бабушкой. И все это на глазах у ребенка, забившегося от страха за печку.

«Попытка принудительно исполнить решение суда,— говорится в документах,— привела к тому, что девочка стала заикаться, пугаться посторонних лиц», «при упоминании о поездке к матери ребенок начинает плакать, прячется, держится за бабушку и отца».

Кажется, все ясно. Но судебные битвы между тем продолжались. Допрашивались свидетели, блистали остроумием адвокаты. Прокуроры и судьи принимали в споре то одну сторону, то другую. «Дело» Оли разбухло, оно без конца путешествовало: из областных инстанций в республиканские, из Минска в Москву, обратно в Минск и снова в Москву.

Четыре с половиной года длилась эта история. Не слишком ли долго? Мы часто сетуем, что дела о разделе комнаты или переносе калитки на два метра в сторону годами гуляют по судам и учреждениям. Это, конечно, плохо. И, может быть, очень. Но когда требуются годы для того, чтобы решить судьбу ребенка,— это уже вопиющее безобразие. Это уже, если хотите, не лезет ни в какие судейские ворота.

Во всех учреждениях, куда вначале обращались Леонид и Галина, сидели солидные, высокосознательные люди, тоже, вероятно, папы и мамы. Они сочувственно вздыхали, гладили Олю по головке, произносили красивые слова о любви к маленьким и отсылали надоевших посетителей в другие организации. А все могло быть по-другому, если бы в самом начале семейного конфликта кто-нибудь сказал молодым родителям веско и строго:

— Маленькая Оля — человек, а не кукла. Перестаньте играть ее судьбой!

Ссорясь и расходясь, меньше всего думали о судьбе своих детей и супруги Н. На этот процесс меня позвал телефонный звонок. «Дипломированный инженер» — он так и отрекомендовался мне по телефону — долго и сбивчиво объяснял суть своих разногласий с женой.

— Вы обязательно приезжайте и сами убедитесь, что это за человек. О ней фельетоны надо писать! Всю жизнь мне испортила!

На суде картина постепенно стала проясняться. Инженер Юрий и лаборантка Вера встретились на юге. Море благоухало, цветы расточали ароматы. Хотелось без конца глядеть на луну, читать стихи и любить с такой же пламенной страстью, как Ромео и Джульетта. Тем более что, в отличие от шекспировских героев, у Ромео-Юрия лежал в кармане инженерный диплом, а у Джульетты-Веры в паспорте была поставлена постоянная московская прописка. Эти немаловажные биографические детали, вероятно, и подтолкнули молодых людей к дверям загса.

И вот они стоят перед судьей и машут друг на друга кулаками.

— Он плохой...

— Она плохая... Разведите нас поскорей! Вещи мы уже поделили: пианино, торшер...

— У вас двое детей-школьников. Вы подумали о них?

— Сейчас договоримся,— быстро говорит он.— Митю я возьму себе, а Витю отдам ей. Или лучше наоборот: Витя поспокойнее.

— Нет уж, дудки! — взрывается она.— Отдавай Витю. И я больше никаких претензий к тебе не имею...

После суда «дипломированный инженер» почему-то уже не требует, чтобы я немедленно садился за фельетон.

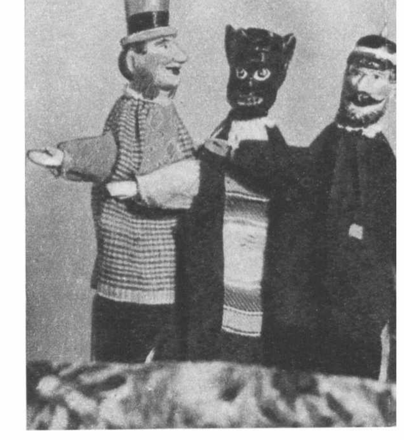
— В конце концов это никого не касается, кроме меня и моей бывшей жены,— отводя глаза в сторону, говорит он.— Потом, знаете, на работе могут не понять. Вмешаются в это сугубо личное дело общественные организации.

Обязательно не поймут! И очень хорошо, если вмешаются. Жить ли москвичам Юрию и Вере, минчанам Леониду и Галине вместе или врозь — дело, пожалуй, действительно их личное. Да и вряд ли возможно вновь и накрепко соединить разошедшихся людей с помощью решения профсоюзной конференции или постановления товарищеского суда домоуправления. Но судьбы Оли, Вити, Мити и других детей, правильное развитие и воспитание будущих граждан — дела не только личные, а и общественные и государственные.

Разве можно позволять легкомысленным родителям морально калечить малышей? Разве можно делить детей с бухгалтерской делоитостью:

торшер — 1 (один),
фикус — 1 (один),
ребенок — 1 (один)?..

Это вам не игрушки, товарищи некоторые разводящиеся трудящиеся!

Куклы

Летом на даче в Мисхоре А. И. Куприн увлекался писанием шутливых стихов, поэм и водевилей. Некоторые из них Александр Иванович сочинял в комнате моего брата при его деятельном участии, и оттуда раздавались оглушительные взрывы хохота.

Эти поэтические опыты были такого содержания, что мне и своей матери Любови Алексеевне Александр Иванович читал их только в выдержках. А весь водевиль, где действующими лицами были мой брат, мадам Жоржетт и ее богатый покровитель, предназначался вообще для очень узкого круга слушателей.

3 января 1906 года, в день рождения нашей дочери Лидии, А. И. Куприн подарил ей куклы для «Петрушки».

По вечерам, раздвинув красную трехстворчатую ширму с черным узором, Александр Иванович ставил водевиль для взрослых. Помогали ему И. Я. Билибин, В. А. Регинин и П. И. Маныч.

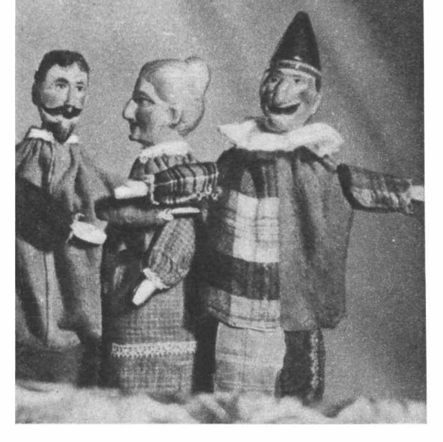
Ведущий, клоун-дразнила, представлял действующих лиц. Акулина Ивановна — женщина легкого

СВАДЕБНЫЙ ТОРТ

Кондитер Борис Мештрович, проживающий в городе Сплит (Югославия), к своей свадьбе сам изготовил торт высотой в 178 сантиметров. Для этого потребовалось 150 яиц и 30 часов времени.

Куприна

поведения. Ее муж (в цилиндре) — мелкий служащий. У этой супружеской пары снимает помещение Петр Федорович, впоследствии поклонник Акулины Ивановны.

Активная роль в водевиле принадлежала черту-соблазнителю и представителю власти — немецкому полицейскому (русских городовых изображать нельзя было).

Краткое содержание водевиля сводилось к следующему.

Черт-соблазнитель, узнав, что муж Акулины Ивановны ушел на службу, уведомляет Петра Федоровича. Петр Федорович через черта назначает свидание Акулине Ивановне. Черт, устроив эту встречу, спешит к ее мужу. Муж зовет полицейского, и все колотят Петра Федоровича.

Водевиль Александр Иванович неоднократно варьировал. Петр Федорович становился то поэтом, то художником, то гвардейским офицером. Соответственно менялся и его монолог.

Напомнили мне об этом куклы А. И. Куприна, с которыми впервые знакомится читатель.

М. КУПРИНА-ИОРДАНСКАЯ

ШЕСТЬ ДНЕЙ ГОДА

А. ПАВЛОВА Рассказ

Я познакомился с Ней в метро в понедельник.

У Нее были косы цвета льна, нежные лепестки губ, не знающие губной краски, и глаза, в которых я утонул сразу.

Каждое утро Она торопилась на работу.

Она была скромна и прекрасна.

Во вторник я проводил Ее до работы.

В среду вымолил у Нее свидание в парке.

Я никогда еще не был на свидании. У меня нет никакого опыта, но я твердо верю в науку, в возможность познать почти все.

В среду я зашел в библиотеку и прочел все книги, в которых описывались Первые Свидания.

Стало ясно, что первое свидание — дело ответственное и одной художественной литературой не обойтись. Я прикупил толковый словарь и книгу «Эстетика поведения».

В четверг я расширял свой словарный запас и отрабатывал правильность произношения.

В пятницу выдолбил эстетику поведения и правила хорошего тона.

В субботу я мылся и чистился, как солдат перед парадом, а затем занялся сборкой и монтажом костюма.

...Я пришел на час раньше, так как мне нужно было время, чтобы повторить мысленно тот непринужденный, остроумный разговор, который я наметил. Мы пойдем в кино или театр. Будем говорить о книгах, о любимых героях и родстве душ. А может быть, даже о любви с первого взгляда.

Пробило шесть часов. Ее нет. Я не волновался. Я знал, что так надо. Во всей художественной литературе, которую я прочел, описывалось, что женщины непременно опаздывают. Чтобы скоротать время, я сосчитал, сколько входных дверей в парке, а заодно пересчитал киоски и мороженщиц.

Потом я стал считать статуи, тумбы и урны на аллеях и перешел к подсчету деревьев.

Ее не было.

Тогда я пересчитал скамейки, на которых сидели влюбленные, а затем перешел к сложным арифметическим вычислениям. Я прибавил к учтенным мной скамейкам с влюбленными те, на которых никого не было, и разделил сумму на число влюбленных.

На каждого влюбленного посетителя парка пришлось по две с половиной скамейки. Затем я подсчитал, сколько железных прутьев в ограде парка,— получилось 13 864 прута.

Инвентаризацию можно было считать законченной, так как больше учитывать было нечего, а Она не появлялась.

Милиционер, дежуривший в парке, давно внимательно присматривал за мной.

Я заметил, что он уже три раза прохаживался мимо меня.

Я сосчитал, сколько пуговиц у него на кителе и сколько шагов он делает до меня и обратно.

Это заняло еще минуту.

Ее все не было.

Тогда я дал себе последнее задание: узнаю, сколько кирпичей в ограде парка, и ухожу.

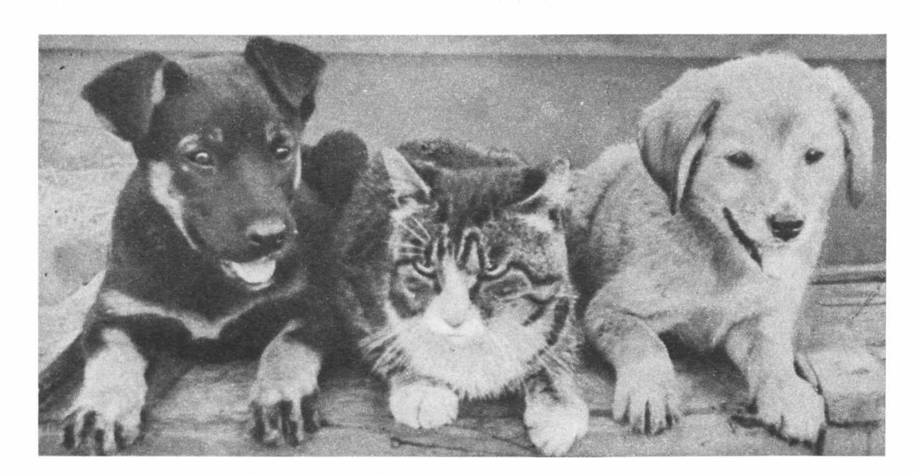
Я перевалил за пятьдесят вторую тысячу, когда появилась Она.

Я остановил счет на 52 624-м кирпиче и поздоровался с Ней. Я не узнавал Ее. Это была не Она. У Нее не было кос. Вместо них на голове торчал высоченный кокон. В Ее глазах сейчас утонуть было невозможно, потому что густо накрашенные ресницы отфильтровали бы даже пылинку. Белая губная краска облепила лепестки ее губ.

— Хелло, мальчик, — сказала Она.— Давно ждешь? Еле отшила одного чувака. Что ты так смотришь? Это я на работу хожу такой божьей коровкой. Прошвырнемся в ресторан. Ужасно хочется коньяку.

— Вы ошиблись,— сказал я именно тем тоном, который предлагала книга о правилах поведения.— Мальчик, о котором вы говорите, не дождался вас, а я занят делом: мне нужно досчитать, сколько кирпичей в ограде этого парка.

И я продолжал: 52 624, 52 625, 52 626...

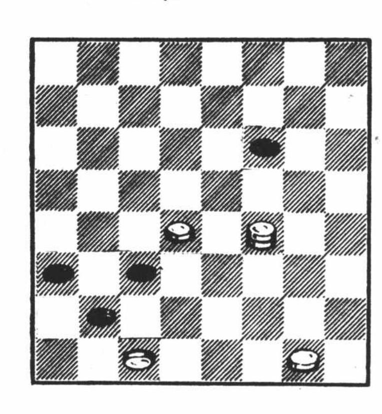
Дружно живут эти два песика и котенок. Особенно они любят вместе отдохнуть после сытного обеда. Сфотографировал я их в совхозе «Буруктальский», Оренбургской области.

А. ЛУКЕРИН

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

Концовка
В. И. Бретль (г. Северодонецк)
Белые начинают и выигрывают.

Решение позиции из партии Н. Матасов — А. Маслов, напечатанной в № 23 «Огонька»: 1. g1—f2!! b6—a5 (если 1... c5 — d4, то 2. e1—d2 c3:e1 3. e5:c3 e1:a5 4. g3—h4 g7:e5 5. c1—d2 a5:g3 6. h2:b8 и выигрывают) 2. e5—d6!! c5:g5 (при других ответах черные теряют шашку или пропускают белых в дамки) 3. e1—d2! c3:e1 4. g3—h4 e1:g3 5. h4:f6 g7:e5 6. h2:b8 и выигрывают.

Для начала был изуродован ни в чем не повинный «лимузин». На его сверкающие лаком радиатор, дверцы и багажник, на стекла и крышу обрушились удары топора. Шины протыкались вилами.

После зверского избиения автомобиля на его крышу вскарабкалась девица в купальном костюме «бикини». За ней туда же последовал долговязый детина, босой и голый по пояс. Он начал с энтузиазмом обмазывать девицу вареными макаронами. Та срывала с себя липкое тесто и швыряла его в... зрителей. А те, в свою очередь, съедали долетавшие до них остатки макарон.

Этот эффектный артистический номер был не единственным в богатой и содержательной программе. С парой, бушующей на крыше разбитой автомашины, не без успеха соперничали две девицы, весь туалет которых состоял из нескольких капустных листьев. Они расхаживали среди двухтысячной аудитории и били зрителей по головам ракетками для бадминтона.

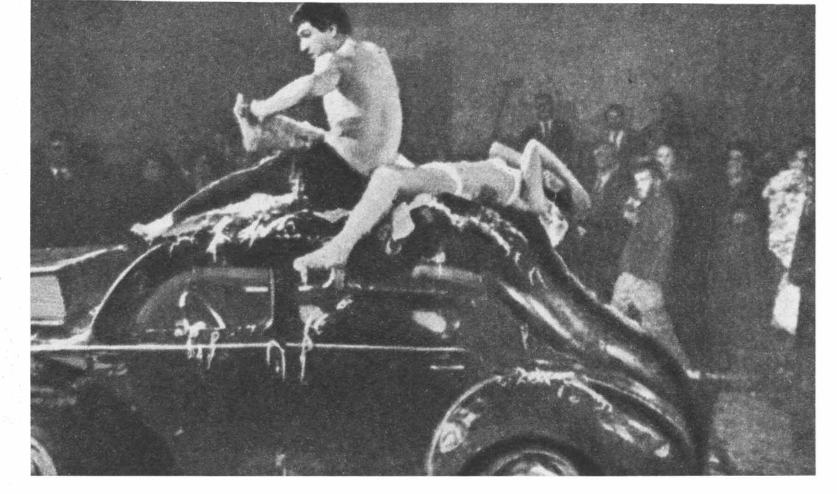
Другие участники труппы колотили цыплят о сцену с таким усердием, что вскоре вся она покрылась кровью. В это же время примадонна с остервенением откручивала головы, руки и ноги у пластмассовых кукол.

Несколько коронных номеров программы были самой откровенной порнографией. А весь смысл дикого действа как бы подчеркивался массовой сценой, в которой ее участники обрушились на огромную гипсовую копию скульптуры Родена «Мыслитель» и разнесли ее на мелкие куски. Мало этого. Осколки скульптуры были залиты чернилами из специально припасенных для этого случая пластиковых мешков.

Так проходило очередное представление на «сцене» американского студенческого и артистического центра в Париже. Был май месяц. Шел театральный сезон 1965 года.

В. Н.

Фото из журнала «Тайм».

Хлебосолы с Невского

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Н. АНАНЬЕВА.

Они хозяева самого гостеприимного и хлебосольного дома в Ленинграде. Стоит тот дом на Невском проспекте — ресторан «Нева».

Ни в одном ленинградском доме не собирается за столом столько гостей, особенно по воскресеньям. Впрочем, по воскресным дням он просто и не похож ни на один из других ресторанов. Необычное здесь начинается с порога.

В холле вас встречают хозяева:

— Входите и чувствуйте себя, как дома.

Звучит музыка. Первая трудность — выбрать блюдо по вкусу; как говорится, глаза разбегаются, меню весьма разнообразное. Представляете, аппетитный салат-ассорти, ароматные невские щи из квашеной капусты с говядиной и сушеными грибами, филейная вырезка, нашпигованная салом, в соусе модерн с куриным гребешком. В детском меню: грибок из яйца, телячьи паровые котлеты «Радость», грибной салат...

Вот одно такое воскресенье. В огромном и уютном зале — четыреста ленинградцев, они пришли пообедать. Большинство незнакомы между собой, но вскоре все чувствуют себя по-домашнему, свободно. Это ощущение теплоты и уюта возникает благодаря людям, которые принимают гостей. Нет, они не просто подают на стол то, что вы заказали. Они вам скажут: «Не спешите. Ведь сегодня воскресенье. О нет, мы не отпустим вас сразу после обеда, уже накрыты чайные столы. А в банкетных залах вас ждут наши повара, они готовы раскрыть секреты своего кулинарного искусства и просто побеседовать о разных вкусных вещах: заливном поросенке, фаршированной щуке...»

ЗАБАВНЫЕ

ЛЮБИТЕЛЬ МУЗЫКИ

Маленький слоненок из зоопарка города Манчестера (Англия) — большой любитель музыки. Он часами может слушать магнитофонную запись.

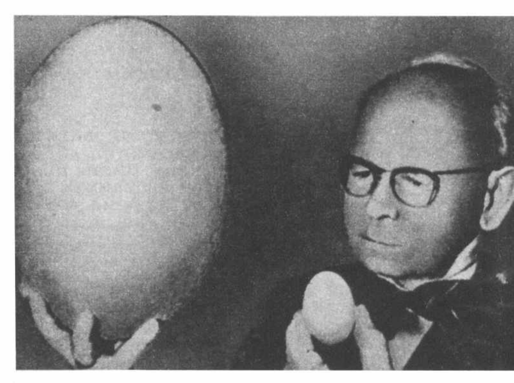

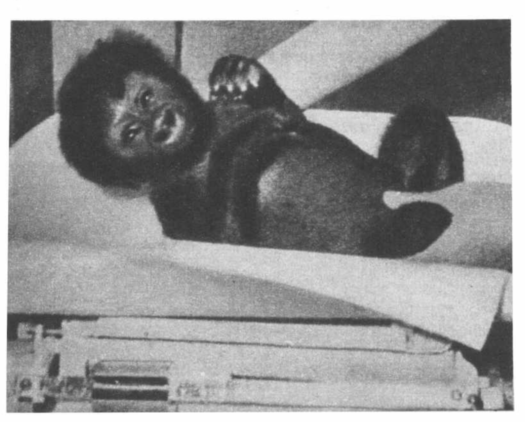
МАЛЮТКА

Абсолютным чемпионом среди собак-лилипутов является песик, принадлежащий Верн Ньюман из Бирмингама (Англия). Он свободно может поместиться в кошельке.

ВОТ ЭТО БЫЛ ПТЕНЕЦ

Сотрудник одного из дюссельдорфских музеев демонстрирует гигантское яйцо вымершей птицы, которая обитала на Мадагаскаре. В другой руке для сравнения вы видите куриное яйцо.

РЕДКИЙ СЛУЧАЙ

Перед вами забавный малыш гориллы, который родился не в тропических джунглях Африки, а в зоопарке города Базеля (Швейцария). В этом зоопарке уже трижды появлялись на свет новорожденные гориллы. Такое наблюдается в неволе редко.

Дает урок лучший повар Ленинграда Николай Федорович Сударушкин.

Хозяева готовы поделиться и другими секретами: как принимать гостей, как сервировать обеденный стол и из простых, обычных продуктов делать удивительно вкусные блюда.

Гости не должны скучать. Ни в коем случае! На эстраде оркестр. Не пустеет танцевальный круг. А сколько желающих участвовать в конкурсе — назвать наибольшее количество обеденных блюд на первые пять букв алфавита! Оказывается, сделать это не так просто.

Воскресные обеды принесли большую популярность «Неве». Причем один обед не похож на другой: то встречаются выпускники вузов, то однополчане, то автомобилисты. Недавно в зале у пылающего бутафорского костра, позаимствованного в театре, собрались охотники и рыбаки. Кроме куропаток, ухи с растегаем, лесных пирогов из клюквы, были и охотничьи рассказы. Даже соревнование в этом виде «спорта»: выйти к микрофону и успеть за четыре минуты рассказать о самом необыкновенном. У «проруби» аквариума состязались рыболовы. Победили ленинградцев соседи — финские рыбаки, приехавшие на обед. Их улов оказался самым обильным, и приз уехал в Хельсинки.

А однажды, когда в «Неве» собрались спортсмены-автомобилисты, в зале появились работники ГАИ. Но этот сюрприз не испортил аппетита автомобилистам. Они охотно участвовали в конкурсе на лучшего водителя, охотно платили и штраф, когда игрушечный автомобильчик нарушал правила уличного движения или попадал в аварию.

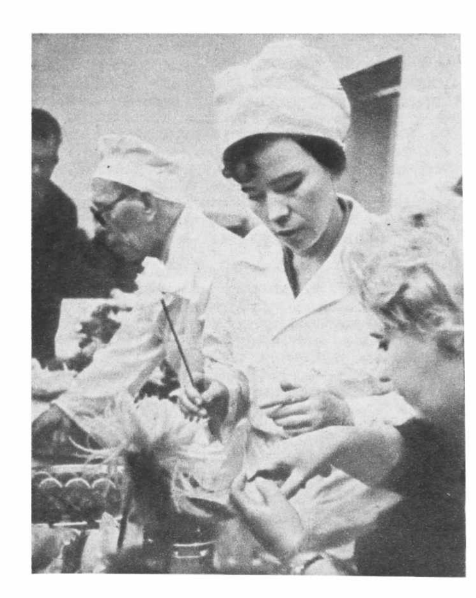
Обеды в «Неве» по воскресным дням стали традиционными. И все же повара и кондитеры, официанты и метрдотель всякий раз волнуются: что скажут гости?

В зимнем саду ресторана.

Победители конкурса знатоков русской кухни.

◀ Танцевальный круг «Невы».

Цветы бывают и... из овощей. А как их сделать, рассказывает мастер-кулинар Нина Кочегарова.

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

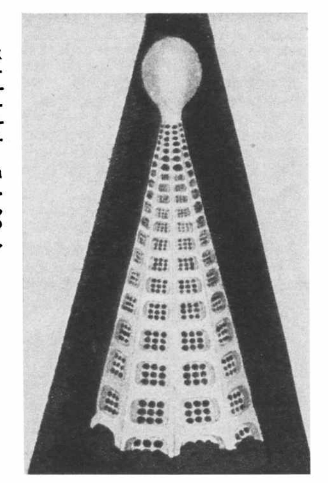
ИЗ ПРОШЛОГО ВЕКА

О том, что это не девятнадцатый век, свидетельствует мотороллер с одноколесным прицепом. Старинный трамвай на лошадином ходу все еще курсирует на острове Мэн в Ирландском море, по одному из бульваров города Дугласа.

ФАНТАЗИЯ ПРИРОДЫ

В Тихом океане и теплых морях живут древние животные — радиолярии. Поражает красота форм их скелетов, которые кажутся изящными ювелирными украшениями.

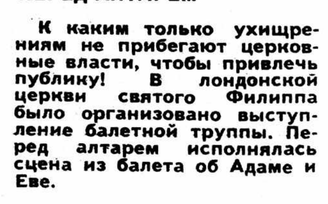
На фото изображены два скелета этих животных. Один напоминает веретено, другой — фантастическую башню, увенчанную шаром.

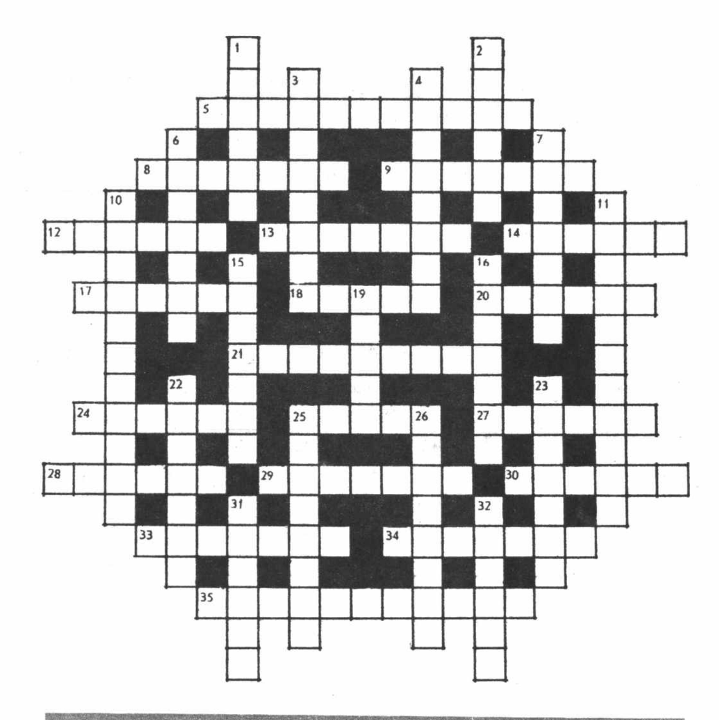

АДАМ И ЕВА ПЕРЕД АЛТАРЕМ

К каким только ухищрениям не прибегают церковные власти, чтобы привлечь публику! В лондонской церкви святого Филиппа было организовано выступление балетной труппы. Перед алтарем исполнялась сцена из балета об Адаме и Еве.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Умение писать красиво и разборчиво. 8. Огородное растение. 9. Опера С. И. Танеева. 12. Элементарная частица. 13. Деталь часов. 14. Сочетание нескольких звуков различной высоты. 17. Материк. 18. Порт на побережье Атлантического океана. 20. Научно-фантастическое произведение А. Толстого. 21. Шахматный ход. 24. Река в Пермской области. 25. Остров в Карибском море. 27. Персонаж пьесы А. Н. Островского «Бесприданница». 28. Двухместный велосипед. 29. Государство в Пиренеях. 30. Ткань. 33. Металл. 34. Спортивное общество. 35. Специалист по уголовному праву.

По вертикали:

1. Птица отряда воробьиных. 2. Мелкие параллельные складки на материи. 3. Зернохранилище. 4. Готовое изделие. 6. Типографская машина. 7. Немецкий естествоиспытатель. 10. Числовой множитель в алгебраическом выражении. 11. Русский писатель. 15. Победитель в конкурсе. 16. Итальянский живописец эпохи Возрождения. 19. Волны над отмелью, рифом. 22. Приток Днепра. 23. Литературный кружок, в котором участвовал А. С. Пушкин. 25. Вид местности с высоты. 26. Опора для устройства крыши. 31. Железнодорожная платформа. 32. Живопись красками по сырой штукатурке.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали:

4. Малыгин. 7. Челнок. 9. Карьер. 12. Ежевика. 14. Капитан. 16. Такелаж. 18. Акаба. 21. Тома. 22. Сказ. 23. Репродукция. 24. Миля. 26. Град. 27. Дакар. 29. Сенокос. 31. Барокко. 32. Клязьма. 33. Реестр. 35. Фургон. 36. Индейка.

По вертикали:

1. Банк. 2. Выставка. 3. Цинк. 5. Пенжина. 6. Рефлекс. 8. Овен. 10. Агат. 11. Калорифер. 13. Балалайка. 15. «Айвенго». 17. Аксиома. 19. Крона. 20. Блуза. 25. Яковлев. 26. Грознов. 28. Козинцев. 30. Скат. 31. Баку. 34. Руна. 35. Фуко.

На первой странице обложки: Любители планерного спорта — работница швейной фабрики Любовь Бурлуцкая и студент Горнометаллургического института Виктор Иванов на занятиях в магнитогорском аэроклубе.

Фото А. Гостева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. **Оформление А. КОВАЛЕВА.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02017. Подписано к печати 16/VI 1965 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л.
Заказ № 1512. Тираж 1 960 000. Изд. № 1142.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Марфу играет Раиса Недашковская.

Опера в кино — дело у нас новое. В сущности, совсем недавно появились на экранах «Пиковая дама», «Евгений Онегин», «Моцарт и Сальери», «Иоланта»...

Надо ли говорить о том, как важна и как нужна эта новая область киноискусства! Далеко не везде существуют оперные театры. Появление на экране оперной классики в исполнении лучших музыкантов, вокалистов и мастеров кино раскрывает неограниченные возможности широчайшего знакомства с творениями Глинки и Чайковского, Римского-Корсакова и Бородина, Верди и Бизе... Все оперные театры мира, взятые вместе, не в состоянии вместить столько зрителей, сколько сделает это одна кинолента, совершающая путь по рабочим клубам и сельским Домам культуры. Мне вспоминается, как несколько лет назад в лесном Мещерском краю сетовали люди, задумываясь над календарным планом просветительских концертов и лекций:

— Нам бы сюда хоть небольшой оперный ансамбль!

Первоклассные оперные ансамбли приходят теперь в Мещеру, равно как и в другие уголки.

Скоро на экраны выйдет новый фильм-опера.[1] В последние годы прошлого столетия создал русский композитор Николай Андреевич Римский-Корсаков большое музыкально-драматическое полотно, историческую драму «Царская невеста». В основу либретто легло романтическое сказание о трагической судьбе девушки Марфы, взятой в жены царем Иваном Васильевичем Грозным.

В древнем русском Суздале, где время сохранило храмы и строения той далекой поры, снимали кинематографисты Рижской студии «Царскую невесту». Белые ромашки и васильки цвели, как и встарь, на лугах, и не было труда для молодых актрис Раисы Недашковской (Марфа) и Марины Мальцевой (Дуняша) представить себя и впрямь веселыми подружками, мечтающими о счастье в погожий, солнечный день.

Обаянием молодости полна «Царская невеста», снятая для киноэкрана.

Вероятно, тому причина — верное прочтение замысла композитора. Не оперные страсти — человеческая жизнь волновала великого музыканта. Создатели фильма сумели чутко услышать это в музыке. Они по-своему увидели характеры людей, вовлеченных волею судьбы в трагедию.

Оперная трагедия стала на экране трагедией глубоко реальной, стала правдой, понятной и волнующей. Думается, главный успех создателей фильма «Царская невеста» именно в том, что подчинили они этой идее — правдивости происходящего — все поиски свои и своих сотоварищей — актеров. Вспоминается фильм, видишь снова перед глазами образы, живущие в картине, и невозможно кого-то выделить, о ком-то забыть. Обаятельна, трогательна и жалка в своей бессильной любви Любаша в исполнении Наташи Рудной. Великолепен в сложной, полной противоречий роли Григория Грязного молодой тбилисский актер Отар Коберидзе — чудесная, на мой взгляд, находка для кино. В совершенно неожиданном толковании предстает перед зрителем Малюта Скуратов, верный холоп грозного царя. Мы издавна привыкли к Малюте злобному, мрачному, пугающему. Но ведь он мог быть и, наверное, был таким, каким его играет в картине молодой мхатовец Георгий Шевцов,— молодым, склонным к дружбе, страдающим оттого, что страдает друг.

Молод

Много удач в фильме «Царская невеста». Видится увертюра. Именно видится, потому что сумели авторы картины тонко и естественно раскрыть в величавых кадрах, воспроизводящих иконы старинного русского письма, сущность музыки, вйдение композитором далекой эпохи величавой и трудной истории русского народа.

Представляется художественно верным черно-белое решение фильма. Вероятно, цвет в какой-то степени помешал бы непосредственности восприятия всего происходящего на экране, затмил бы яркостью своей палитры психологическую сущность музыкальной трагедии. Музыка сама по себе достаточно ярка и многокрасочна. Вмешательство многоцветности изображения было бы излишним.

Чудесные голоса поют за экраном: Галина Олейниченко (Марфа), Лариса Авдеева (Любаша), Евгений Кибкало (Грязной), Тамара Тугаринова (Сабурова), Алексей Гелева (Малюта). Голоса не только превосходные, но и полные той молодости, выразительности, непосредственности, которой проникнуты образы.

Наверное, критики найдут какие-то недоработки и шероховатости в фильме-опере «Царская невеста», выходящем на наши экраны. Под свежим впечатлением только что увиденной картины не хочется думать о каких-то не совсем удачных деталях. Первое свежее впечатление — большая, хорошая творческая удача пришла в новой, сложной области экранизации лучших творений музыкально-драматической классики.

М. АЛЕКСАНДРОВ

---

[1] «Царская невеста». Рижская киностудия. Режиссер — Владимир Горикнер, автор сценария — Андрей Донатов, оператор — Вадим Масс, художник — Гунар Балодис, дирижер — Евгений Светланов, оркестр Большого театра Союза ССР.

В древнем Суздале снимался этот фильм.

ая старина

Трагична судьба Григория Грязного. Хорошо играет эту сложную роль Отар Коберидзе.

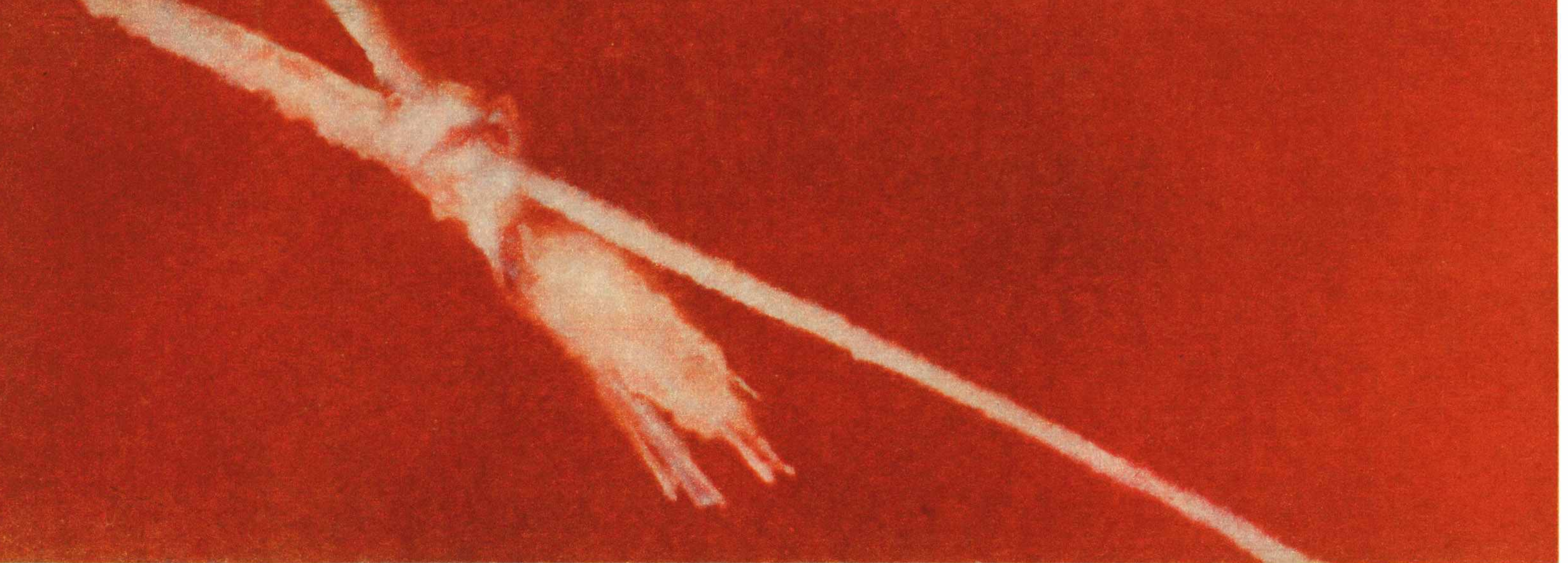

Любаша — крупная удача молодой актрисы Натальи Рудной.

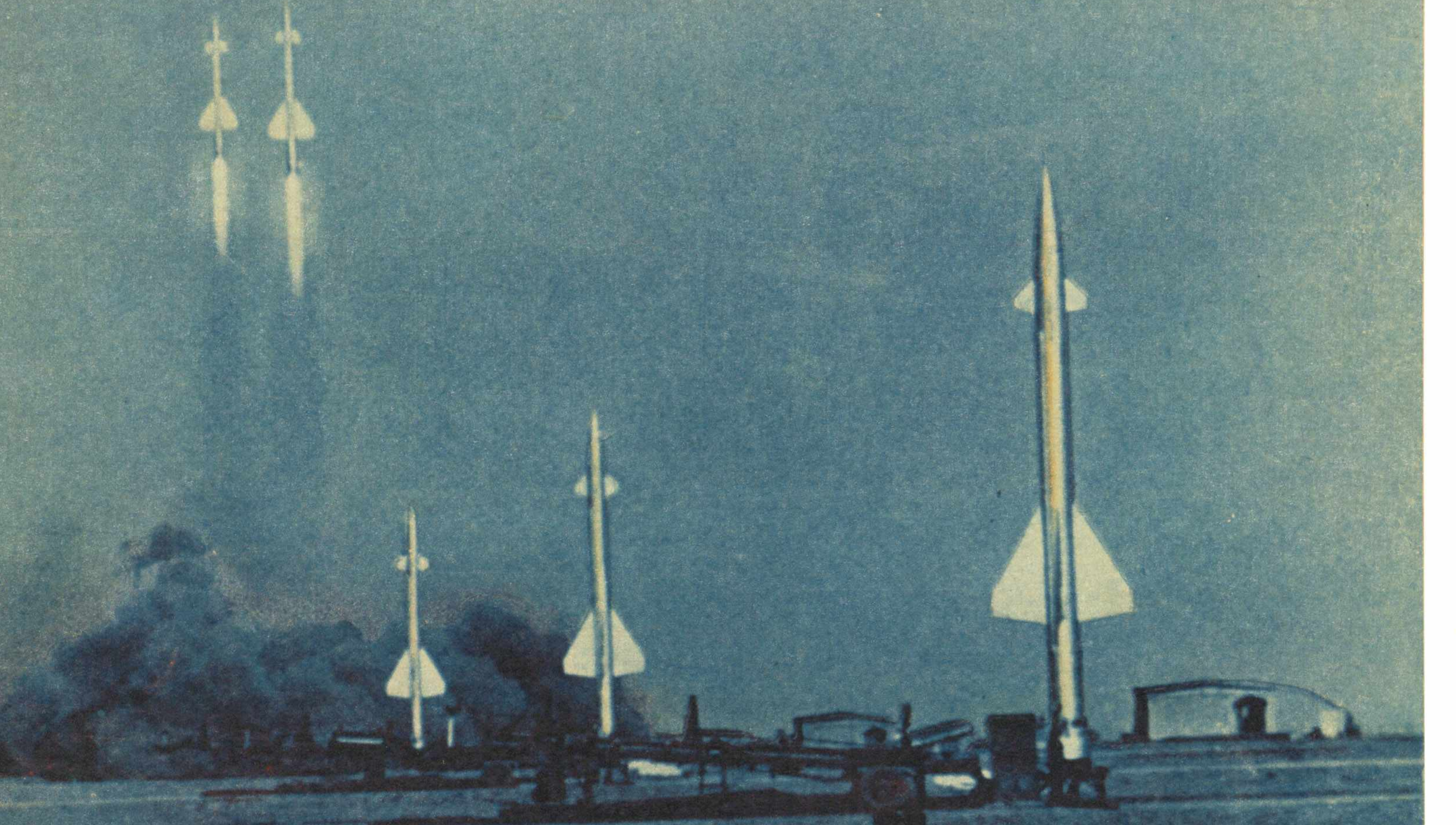
РАКЕТЫ НА СТРАЖЕ МИРА

Стартует межконтинентальная ракета.

Зенитной ракетой поражена цель — управляемый по радио самолет-мишень.

Групповой старт зенитных ракет.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663